

Эльчин
Сафарли

Туда
без
обратно

от автора романа «Сладкая соль Босфора»

Annotation

Это шокирующий роман, отражающий правдивую сторону жизни на Востоке. Книга, основанная на реальной жизни русской проститутки в Стамбуле, повествует первым делом о женщинах, а потом о любви, одиночестве, вере, предательстве. Эльчин Сафарли отходит от теплого мелодраматического стиля, представляя на суд читателя жестко-эмоциональную правду жизни. Откровенный текст без притворств, «розовых очков», сладостных иллюзий.

- [Эльчин Сафарли](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
-
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [OT ABTOPA](#)

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)

- [111](#)
  - [112](#)
  - [113](#)
  - [114](#)
  - [115](#)
  - [116](#)
  - [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
-

Эльчин Сафарли

Туда Без Обратно

ТЕБЕ Посвящаю

«До тех пор, пока человек зависит от мнения других и от событий внешнего мира, он крайне уязвим и непременно не счастлив».

Андре Моруа

«...Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться вверх. Лишь побыв в темноте, узнаешь, как яростен солнечный свет...»

Хун Цзычен

...Все мужчины слились в один образ. Туманный, густой. Смугловатый. Не различаю их по лицам, улыбкам, движениям. По размеру члена или таймингу эякуляции. Мужчины для меня — одна-единственная маска. Ее по очереди надевают десятки разных персон. Меняются запахи тела. А в остальном — недолгий процесс в режиме переат. Я перестала чувствовать. Мой оргазм стал жутко эгоистичным. *Одиночкой*. Не посещает в присутствии постороннего, только наедине с собой... Не чувствую влагилица, когда работаю с очередным клиентом. Будто эту часть тела парализует, стоит расставить ноги. Это удивляет, но не беспокоит. Я научилась жить без чувств. В пустом доме без теплоты, уюта. Одна паутина прошлого... и бесконечный поток гостей. Приходят, уходят. Никто не задерживается, многие даже не здороваются. Нападают с жадностью — раздеться не успеваю. Поэтому редко одеваюсь дома. Да и кого беспокоит, что на мне? Их интересует то, что под одеждой. Лучше раздеться заранее. Аккуратно сложить вещи в стопочку. Пригладить руками, смахнуть соринки. Сохранить в целости. Никто не оторвет пуговицы. Никто не помнет. Жаль, что совесть, как одежду, невозможно разгладить...

...Я проститутка. Шлюха. Блядь. Называйте, как хотите. Все равно не услышу. Люди в действительности чаще осуждают про себя, а про себя, значит, не считается. Своего рода самоуспокоение... Сама называю себя проституткой. К чему тешиться «бабочками», «мотыльками» и прочими образными названиями? Я — проститутка. Мужчины — клиенты. Секс — работа. Банально и заурядно. Зачем искать философию там, где ее нет?... В этом году сменила «ранг»: теперь я элитная проститутка. Если проститутка переезжает с улицы в дом, автоматически удостаивается другого статуса. Теперь клиенты сами находят. Теперь не заглядываешь в подъехавшую машину с натянутой улыбкой и единственным вопросом в голове: «Пронесет или не пронесет?» Если после выезда возвращаешься живой, значит, пронесло. Если после выезда задерживаешься навсегда, значит, день не удался. Если после выезда возвращаешься живой, да еще с достойным количеством лир под стелькой туфли, значит, сегодня Аллах в хорошем

настроении. Кстати, выручку прячем исключительно «под ногами». Так надежнее. В кино красавицы записывают «денежный тампак» меж грудей. Жизнь заставила применять иные меры конспирации...

...Я живу и работаю в Турции. В городе контрастов Стамбуле. Русская проститутка на Востоке — это как белый медведь в Африке: все приходят на тебя поглазеть. Как это холодолюбивый медведь оказался в жаркой стране? Воспринимают с интересом. Пытаются пощупать загорелыми руками. Очередная игрушка... Русская проститутка в Стамбуле давно не экзотика. Даже в Африке к белым медведям привыкли бы рано или поздно. Женщины славянской внешности на ночных улицах Константинополя уже не диковинка: к красоте привыкают быстро. А с привыканием снижается цена на красоту. Настоящая биржа женских тел...

...Я давно не «особенная». Я — одна из. К сожалению. Соотечественниц в Стамбуле — пруд пруди. Многие приехали сюда из провинциальной России. С наивными расчетами. С надеждами. С мечтами о шикарном гареме, где роскошные женщины танцуют ориенталь для красавца-султана. Многие, как и я, впоследствии разучились мечтать. Тем, кому удалось выжить, крупно повезло. Мне удалось. Потеряла многое, но сохранила душу...

...Есть такое понятие — «восточная мечта». Она действительно существует для многих русских девушек. Есть те, кто ее постиг. Восточная мечта — многогранный драгоценный камень. Если повезет, одна из граней заветного алмаза ослепит чарующим блеском. Если не повезет, заветный алмаз так и останется заветным. На расстоянии вытянутой руки. За витриной с подключенной сигнализацией...

...Я не умею мечтать. Живу настоящим. Прошлое с будущим окутано дымкой неизвестности. Для меня не существует «было» и «будет». Для меня существует «здесь» и «сейчас». Живу одним днем. Что будет дальше, покажет время. Не верю гадалкам, потому что не верю в будущее...

...Я брезгую спермой: ее едкий запах преследует повсюду. Пропитал матрас, постельное белье, обивку мебели. Принюхиваюсь к себе. Боюсь, что запах проник в поры кожи. Перестала покупать фруктовые гели для душа — моюсь антибактериальным жидким мылом. Без отдушки. Мне нужно чувствовать, чем пахнет моя кожа. Иначе лишусь рассудка. Купила раскладную кровать. Установила на кухне. Теперь сплю там. Кажется, что с наступлением ночи в моей спальне обостряется запах спермы. Лишает сна. Сбежала оттуда... Еще я отказалась от молочных продуктов. Все напоминает об одном. Не доверяю прачечным. Стираю белье в своем автомате. Обязательно добавляю средство с содержанием хлора. Схожу с ума?...

...Если проститутка уверяет, что не подпускает к себе клиентов без презервативов, она лжет. Для мужчин презервативы — как для женщин лишние волосы на теле. Избавляешься от них и понимаешь, что это только отсрочка. Постоянная надоедливая проблема. Проституткам сложнее. Большинство клиентов при виде «резинки» недовольно морщатся. *Дышать на свежем воздухе в скафандре? Нет, милочка, я не за это плачу.* Спешат быстрее войти в тебя. Без прелюдий, заводящих фраз, привычных похлопываний по попе. В это мгновение не думают, что проститутка может быть заражена. Мысли о риске испаряются по мере набухания члена. С восточными мужчинами вдвойне сложнее. Многие из них считают обрезание лучшим предохранением от венерической гадости. К тому же восточным мужчинам трудно контролировать себя. Обрезание дает особую степень чувствительности. На пути к наслаждению турки игнорируют препятствия и здравый смысл, забывают обо всем. В частности о презервативе... От гормональных препаратов у меня испортилась кожа. Рискую внешностью. Жизньую рискую. Не думаю о СПИДе. Спать с клиентом с мыслями о СПИДе — все равно что есть с аппетитом просроченный йогурт...

...Турки безупречны в сексе. У них это в генах. Отличаются от русских мужчин. Не хуже ни те, ни другие. Совершенно разные. Коллега Алинка как-то заметила: «Если трахнулась с турком и

осталась без оргазма, ищи проблему в себе». В сексе с турком не надо думать, как себя вести, какую позу принять. За тебя все решат. В сексе с турком чувствуешь себя настоящей богиней. Так искренне, как турки, не стонет ни один мужчина другой нации... Есть и неприятное: турки изнуряют. Готовы кончать бесконечно. Ненасытны. Отовариваются на заплаченную сумму сполна, игнорируя время договора. Тут важно вовремя сомкнуть ноги. Решительно сказать: «Git başımdan».^[1] Одна скотина пыталась удушить меня, когда я остановила его. Он пихал мне в рот своей неугомонный член, сдавливая руками шею. Полоснула лезвием по бедру. Отстал. Всегда прячу лезвие в кармашке на краю матраса. Иначе невозможно...

...«Крышует» меня сутенер. Работает с двумя русскими девушками в нашем квартале. Одна я, другая менее востребованная. Аня, 25 лет, приехала в Стамбул из Пятигорска. У нее расширение вагины, дряблая кожа. Она рожала, я — нет. Она не отказывается от анального секса, я — против. Аню конкуренткой не считаю. Если проститутка рожала, ее товарный вид блекнет. Ничего не поможет... Джемаль ни разу не притронулся ко мне. У него есть семья в Измире: красивая жена-турчанка, двое дочерей. Покрытые. Совершают намаз. У него на шее двое безгрешных дочерей и двое грешных проституток. Забавно. Дочерей надо поставить на ноги. Проституток — удержать на ногах. Плюс выручить с этого деньги. Джемаль — седовласый мужик с черной родинкой на переносице. Носит вычурные перстни, отращивает ноготь на правом мизинце. Не пьет спиртное. Целыми днями отслеживает по телевизору криминальные новости. Всегда в костюме — элегантный сутенер вызывает доверие. Он администратор двух дешевых отелей в Стамбуле, где останавливаются челноки, бедные студенты. Но отели — это только прикрытие для настоящего бизнеса. Мне Джемаль выделил комнату на последнем этаже. Из окна виден Босфор — единственное существо мужского рода, которое не хочет завалить меня. Дружим... Когда в отель наведывается полиция, прячусь на чердаке. Я нелегалка: есть чего бояться. Смотрю в небо. Пытаюсь разглядеть Аллаха. Как увижу, выклянчу себе классного мужа-импотента. Или хотя бы кольцо «Шопар»...

...Я неплохо зарабатываю: на рынке стамбульских проституток лидирую по месячному доходу. С Джемалем договор: 50 на 50. Раньше он отдавал мне 30 %, но сменился мой ранг, сменилась и система

дележки. Сейчас я плачу покровителю часть от общей суммы. Он решает проблемы с полицией, обеспечивает клиентами, жильем — остальным занимаюсь сама. Раньше было сложно. Теперь все схвачено. Есть врач, к которому по мере необходимости хожу на осмотр. Есть знакомые в нужных магазинах, которые дадут продукты, вещи в рассрочку. За 6 лет в Стамбуле научилась выживать. Все это время у меня нет друзей. Только Босфор и этот дневник. Я не жалею... Привыкла. Все приносят жертвы во имя чего-либо. Без жертв нет жизни...

...Мужчина-клиент и мужчина-развлечение. Для меня существует два вида эркеков.^[2] На мужчину, купившего меня, смотрю по-особому. Как на человека, которому сейчас подчиняюсь. Меня не волнуют его внешность, культура, манеры. Пахнет ли от него потом? Засаленные ли у него лобковые волосы? Не важно. Лежу под ним, как мумия. Ничего не говорю, не вижу, не испытываю. Отключаюсь. Вслушиваюсь в стоны, рассматриваю потолок. На нем оживают картинки из детства. Вижу себя маленькой у бабушки в Марфино. Моя Ася готовит клюквенный пирог, а я прикладываю красные ягодки к мочкам ушей. Кокетливо заглядываю в зеркало, примеряя новые сережки. Когда рассматриваю живой фотоальбом прошлого, время пролетает незаметно. С тебя уже сползло вспотевшее тело, толчки прекратились, совсем скоро послышится привычный шелест купюр. Раньше жадно считала лиры, взволнованно переводила в рубли, потом — в доллары. Сейчас не так. Бросаю деньги в ящик тумбочки, быстро бегу в душ. Предварительно, провожаю клиента с ублаженной миной. Целую в щечку со словами: «Muhteşem oldu».^[3] В Турции отличный сервис во всех областях. Проституция не исключение...

Мужчины мне не разонравились: время от времени позволяю их себе как развлечение. В этой категории я выбираю сама. На улице, в кафешках, клубах. Благо в Стамбуле исключительный выбор самцов. Стоит переглянуться, улыбнуться, разговориться — и прекрасный вечер с отменным сексом обеспечен. Мужчины для меня — это мужчины, выбранные мною. Со смуглой кожей, волосатой грудью, крепкими ягодицами, чувственными губами. С ними я — женщина. Умеющая чувствовать, любить. Без фальшивых стонов и грязных денег...

...Полицейские каждого района Стамбула в курсе, сколько проституток работают на их территории. С нами polisler^[4] входят в контакт раз в месяц. Все настоящие вопросы решают сутенеры: каждого из них полисмены знают в лицо. Каждого знают как и где найти. Ежемесячно сутенер отстегивает процент от общего дохода. Rüşvet.^[5] Что касается периодических облав, то эти рейды мы с

девочками прозвали «tanıtma tuğu»^[6] - просто пускают пыль в глаза правительству... Многие начальники полицейских отделений нас хорошо знают. Эти патроны раз в месяц навещают избранных девочек. Эту ночь мы зовем «zalım akşam».^[7] «Если проститутка выдерживает пять zalım akşam'ов, значит, ее имя пора заносить в Красную книгу проституции». Так шутим между собой. Действительно, редко приходится спать с человеческим полисменом. Чаще это обнаглевшие твари. Пользуясь своим статусом, они заставляют девочек терпеть то, что не вытерпит ни одна женщина. Вводят дуло пистолета во влагалище, бьют во время секса, засовывают члены глубоко в горло. Если не сдержишься, вырвет, это карцер. В лучшем случае. Если от тебя полицейский не требует ничего, кроме траха в миссионерской позе и легкого минета, считай, родилась под счастливой звездой. Честно? Мне везет. Но я не говорю об этом девочкам. Все должны страдать в одинаковой мере... В один из первых zalım akşam'ов одна скотина с погонами принудила меня к анальному сексу. Повредил кишку. Помню, как истекала кровью, молила Аллаха о помощи в ожидании «проверенного» врача. А Алька, обнимая меня, шептала в ухо: «Девочка моя, все прошло. Ты выстояла». Мы обе плакали. Две русские рабыни восточного царства, которым чуточку не повезло...

...Скучаю по Москве. Часто снится наш двор, продуктовый магазин через дорогу, где продавщицей работала грузинка тетя Манана. Резкая на язык, добрая в душе. Всегда клала мне в ладонь ириску — угощала от души. До сих пор помню душистый запах любимой конфеты... Нет обратной дороги. В Москве никто не ждет. Отец, с которым вечно не ладила, после смерти мамы женился на какой-то твари и выжил из дома. Бабушки давно нет. Брат Женя, продав ее подмосковный дом, вычеркнул меня из своей жизни. Четыре года назад от отчаянья хотела вернуться. Позвонила Женьке. Он, услышав мой голос, обматерил. Повесил трубку. «У меня нет сестры, которая сосет хуй у черножопых». Разбила зеркало собственного прошлого. Его нет. Больше не буду об этом говорить... Мы сплелись со Стамбулом в одно целое. Здесь перестала чувствовать себя чужой. Мне нравится климат Стамбула, восхищает дружелюбие Босфора. В Стамбуле легко затеряться. Чтобы никто тебя не видел. Чтобы ты никого не видела.

...Потихоньку учусь готовить. Сколько можно питаться полуфабрикатами? Сейчас, кроме яичницы, смогу сварганить имамбайлды^[8]... Задаюсь вопросом *что такое счастье?* Ну, счастье для нас, проституток, это молчаливый клиент, оставивший хорошие чаевые. Это член нормальной длины, после которого не будет болеть между ног. Это удачно прошедший *zalim akşam*. Но уверена, что для кого-то счастье — это другое. Я хочу почувствовать *другое* счастье. Возможно ли?

...Проституция научила меня не осуждать. Уже не смотрю на окружающих оценивающе. Молча наблюдаю. Чаше восхищаюсь. Иногда — злюсь. Но все мысли держу в себе; без надобности высказывать. Если и злюсь, то воздерживаюсь от обвинения. Раньше думала: «Кретин! И как земля таких на себе носит...» Теперь думаю: «Кретин! Однако без таких скучно...» Потихоньку учусь сдерживать ураган внутренних эмоций. Сложно дается. При моей-то работе. Вот пример: вчера принимала клиента. Темнокожий курд с губами, надутыми силиконом. Назвался Селимом. Худощавое тело, пирсинг в пупке, идеально выбритый лобок. Заплатил 300 долларов. Отлично. Признался, что до вчерашнего дня был геем-пассивом. «Решил переключиться на женщин. Хочу стать гетеросексуалом. Сейчас дефицит гетеросексуалов...» Стало смешно, я с трудом сдержалась. Переспросила, уверен ли он? «На все сто». О'кей. Я-то ничего не теряю. С геями-пассивами интересно. Спишь с женщиной в мужском обличий. Договорились. Пошли ко мне. Селим от природы жутко манерный. Сдерживаться с каждой минутой становилось сложнее. Сделав голос грубее, Селим принялся рвать на мне одежду, по-бычьему расширив ноздри. Легла. Спустил трусы-стринги. Бросился сверху, тыкая в рот своим спящим членом. Наша прелюдия напоминала игру студенческого театра. Я впала в азарт. Решила подыгрывать... Обхватив руками миниатюрное тело Селима, принялась рычать, визжать, пряча смех в громких стогах. Мой нежный партнер безуспешно пытался войти в меня. Снова и снова. Эрекция отказывалась посещать Селима. Его это явно не смущало. Парень бешено дергался на мне. Пыхтел, называл *seksi bombam*,^[9] грозясь «взорвать» меня. Со временем накал страстей начал утихать. Пора брать инициативу в руки. Уложила на живот под предлогом эротического массажа. Легкими движениями пальцев принялась массировать анальное отверстие «мужественного» клиента, которое через минуту «расцвело» на глазах. Селим возбудился. Сам не понимая, как и для чего. Процесс закончился тем, что перекавалифицировавшийся гей кончил на простынь, не успев даже

перелечь на спину... Все происходящее было репетицией по сравнению с последующим развитием событий. Покидая меня, Селим смачно поцеловал в губы, прошептал: «Наконец-то ты познала всю мощь настоящего мачо. Обязательно вернусь...» Смутилась, кивнув головой. Собрав челку за ухо, Селим исчез в дверях, распространяя цветочный аромат «Ноа»... Проститутки мужчинам дарят веру. Проститутки могут помочь отыскать волшебство в реальности. Гею Селиму это удалось. Его хотелось осудить, но сдержалась. Интересно, это я меняюсь или три сотни меня изменили?...

* * *

Канат

Высокий, широкоплечий, носит костюмы серых оттенков. Легкая щетина. Отлично выглаженные брюки. Угрюмый вид, но светящиеся доверчивостью глаза. Темные волосы с ранней сединой. Тело, потерявшее упругость, но безумно сексуальное. Он большой, под ним хочется затеряться. Канату 26 лет. Турок из религиозной семьи. Мама с детства приучила к намазу, отец в 30 лет совершил хадж, сестра покрыта с подросткового возраста. Год назад Канат впервые пришел ко мне. С целью стать мужчиной. Стать мужчиной, пройдя сквозь паутину греха. По исламу спать с падшей женщиной, да еще без брака, — высшая степень греха. Ну, скажите, как удовлетворяться мужчине, если он не женился, предположим, в 20 лет? По мусульманским законам, надо терпеть. Терпеть, занимаясь онанизмом под одеялом, чтобы Аллах не заметил?! Канат окончил медицинский, работает в фармацевтической компании. Последние три года принимал специальные таблетки с содержанием брома. Для ослабления функции простаты. «Чтобы не хотелось». В первые годы зрелости Канат даже боялся подрочить, как это делали большинство одноклассников. Когда видел мужские журналы на прилавках магазинов, быстро опускал голову. Начиная молиться, чтобы отогнать от себя шайтана...

Лишился девственности со мной. Как только переступил порог моей комнаты, обо всем рассказал с детской наивностью. Не стала лезть в душу. Сняла лифчик, приложила трясущуюся руку Каната к

груди. Он из-за своей неуклюжести в постели ужасно смущался. Я научила его сексу. Я научила его доставлять удовольствие женщине... После первой эякуляции заплакал. Мы, вспотевшие, лежали на смятых простынях. Обняла Каната. Он долго не мог успокоиться. Говорил, что стал грешником, пошел против слова Аллаха. Объяснял, что от бромных таблеток у него начались сильные головные боли, бросил их принимать. Уверял, что больше терпеть не мог — одолевала природная тяга к женщине. Однако сам избегал женитьбы: «Не хочу жениться на родственнице. Мама сватает девятнадцатилетнюю дочку двоюродной сестры...» «Милый, Аллах умеет прощать. Слышала, в Коране такое написано. Так вот, думаю, ему не будет сложно прощать тебя хотя бы раз в неделю...» Канат улыбнулся: «Esağfurullah!»^[10] Поинтересовался, где ванная комната, встал с кровати. И пошел готовиться к намазу. Я смотрела на этого красавца с ужасно возбуждающим животиком, и мною владели противоречивые чувства. Если помогла Канату лишиться девственности, значит, я в заговоре с дьяволом? Если научила Каната куннилингусу значит, утопаю в грехе? Пока он мылся, я успела впасть в апатию. Обняла подушку, пропитанную древесным ароматом одеколона фармацевта, и погрузилась в мутное озеро размышлений. Я слышала, как Канат уже читает молитву. Я чувствовала, как растворяется его теплая сперма во мне. Мысли, как иголки, втыкались в меня, иногда заставляя смеяться. Поняла, что степень грешности определяют люди. Никак не Аллах. В очередной раз убедилась, что религия — это не святыне книжицы наставлений, присланные Богом. Религия — это предубеждения людей, горящих желанием постичь некую вершину идеала... Если в меня вселился дьявол, не беда. Правда, хотелось бы, чтобы этот господин Тьма сначала предстал передо мной во всей красе. Если он имеет «Хаммер» и похож на Джорджа Клуни, то с удовольствием сходила бы с ним под венец. Эй, дьявол, ты слышишь?... Я шучу, а в душе — плачу Проститутки иначе жить не могут...

... Ненавижу понедельники. Понедельник для проститутки — как воскресенье для банковского клерка. Только для нас этот день далеко не долгожданный. В понедельник проститутка осознает масштабность собственного одиночества. В понедельник парики, косметика, лубриканты, гипюровое белье отдыхают. В понедельник проститутки убегают от самих себя... В первый день недели я посвящаю себя Босфору. Не остаюсь наедине с собой. Нельзя — начинаю думать о жизни. «Мы не должны думать. Если начнем думать, придется повеситься». Золотые слова Эсмы, в прошлом году умершей от СПИДа... Утром в понедельник выключаю мобильный. Вынимаю из него батарейку, закидываю на дно вазы. Конечно, легче просто отключить телефон, убрать куда-нибудь. Я так не могу. Боюсь, что выключенный сотовый, воспользовавшись зарядом батарейки, все равно зазвонит. А на том конце голос очередного клиента...

Облачаюсь во что-нибудь неприметное, надеваю большие темные очки, собираю волосы в хвостик и покидаю отель. Джемалю предупредить не надо. Сам отменяет свидания. Он знает, какая я в понедельник. Исчезаю... Убегаю к Босфору от самой себя. Ныряю в море, погружаюсь глубоко-глубоко, скрываюсь там, на дне, вместе с затонувшими кораблями. В понедельник самой себя боюсь. Когда из-за отсутствия клиентов остаешься одна, воспоминания и мечты моментально оживают. Рвутся наружу. И я превращаюсь в депрессивную актрису-трудоголика, которую неожиданно отлучили от театра. Сегодня не нужно играть. Сегодня тобою не будут восхищаться. Сегодня тебя не будут любить. Один день как целая жизнь...

Прихожу к Босфору молчаливая. Сажусь на скамейку у побережья. Укутываюсь в черный жакет из тонкой шерсти. Рассматриваю прохожих. Кормлю чаек. Взглядом добираюсь до горизонта, периодически взлетаю в голубое небо, чтобы успокоиться на пушистых облаках. Не каюсь перед Босфором. Делюсь с ним болью, проснувшейся вместе со мной в понедельник. Он — великолепный друг: выслушивает, не требует ничего взамен. Ему не

нужны минет с проглотом, жесткий секс non-stop. Он не бросит на тумбочку скомканные деньги — резко, безразлично... Он другой. С ним и я другая. Без грима, без нарочитой страсти, вульгарного хриплого смеха за бокалом недорогого виски. С Босфором я та самая Александра, которая зачитывалась сказками Линдгрэн, коллекционировала разноцветные пуговицы, сдувала пенку с горячего молока...

Я перестала доверять людям. Со дня переезда в Стамбул мой наилучший собеседник — Босфор. Он не осудит. Для него я не «тварь, порочащая всех русских девушек». Ему-то не важно, почему я не прожила жизнь так, как ее должна прожить приличная девушка. С успешным окончанием института, первым поцелуем в парадной, шумной свадебной прогулкой на Воробьевых горах, двумя толстощековыми малышами, ежедневной стряпней и монотонным сексом по средам с любимым мужем... Почему?!

Наедине с Босфором мечтаю о настоящей любви, об овчарке с умными глазами, о маленьком загородном домике с деревянной верандой. Мне даже роскошная вилла в Кадыкёе^[11] не подошла бы... Мечтаю о двух детях, пахнущих присыпкой... В компании Босфора пишу этот Дневник. Размашистым взлетающим почерком. На обложке толстого блокнота рисунок Галатской башни.^[12] Босфор рядом — молчит, иногда вздыхает, посылая к берегу ощетиленные волны. Будто шепчет: «Снова поверь в себя». Без пошлых советов, вроде того, чтобы стать «нормальной», зарабатывать деньги «честным трудом». Босфор просит верить. «Родной, я верю, пока иду отсюда домой. А когда вернусь в отель и получу от Джемалю список встреч на завтра, вера сразу испарится. Знаешь, жить моей жизнью и верить сложно. Можно жить ради веры. Но жить с верой удастся не каждому». Босфор не согласен. «Просто поверь в веру!»

Появляюсь в отеле за полночь. В комнате Джемалю шумит телевизор. Смотрит футбольный матч. Сутенер болеет за «Фенербахче», я — за «Галатасарай».^[13] У нас разные вкусы. Да и статусы разные. Захожу в комнату, зажигаю свет. Все чужое. Никто не встречает. Машинально раздеваюсь, залезаю под душ, потом протираю тело смягчающим лосьоном. Причесать парик. Погладить мини-юбку, зашить порвавшуюся бретельку золотистого корсета. Принять очередную противозачаточную пилюлю. На голодный желудок — есть

не хочется. Удалить волосы на лобке. Побрить ноги. Смазать кожу после эпиляции оливковым маслом холодного отжима: нет раздражения, долой «рабочие» синяки. Сделать маникюр с педикюром. Покрасить вишневым лаком с блеском. Уфф. Готова. Вынимаю из коробки новые босоножки на платформе, украшенные бисером. Завтра новый день. Завтра очередной спектакль. А ну-ка мечты и желания — вон отсюда... Я не Александра. Теперь я снова Алекса.

...В Стамбуле нас не так много, как кажется. «Активно действующих» осталось около 200. Около 400 пристроились, найдя богатых мужей. Более 100 за решеткой. Свыше пятисот мертвы. Это неточная статистика: на прошлой неделе собирались с девочками в одном из клубов недалеко от Истикляль Джаддеси^[14] — запить русской водочкой трагичность бытия. Там и произвели грубые подсчеты. Кто-то проливал слезы над цифрами, кто-то безысходно молчал, кто-то ликовал, что не оказался в числе отошедших в мир иной. «Девки, забыли о стойком иммунитете русских баб?! Хорош лить слезы, прорвемся! Еще устроим сексуальную революцию в этом чертовом Эмирате!» Оглядываю этих женщин разной степени потрепанности. Красива каждая по-своему. Загублена каждая по-своему. Несчастлива каждая по-своему. И я — одна из них...

Самая молодая из нас — 18-летняя Оля из Краснодарского края. Рыжеволосая девчушка с врожденным пороком сердца. Нежные черты лица, большая грудь. Круги под глазами. Сбежала в Турцию из интерната. В Стамбуле — третий месяц. Живет с другом-трансвеститом в клоповнике на западной окраине. Арендную плату платят пополам. Воду в доме дают с 5 до 7 вечера, когда ни Оли, ни ее друга не бывает: приходится мыться в отелях, куда ходят с клиентами... Оля радуется, что завтра утром искупается дома — воду с вечера наберет в ведра друг. Он второй день не выходит на «объекты». У него странные выделения из анального отверстия. На врача пока денег нет. Прошлой ночью температура держалась 39,7. Оля просит: «Алекса, можешь дать номерок твоего врача? Я сегодня ночью обслужу сразу четверых курдов, обещали круто заплатить, так что деньги будут!» Приходится врать: «Веришь, милая, контакты доктора потеряла». Если моего эскулапа поймают на лечении нелегальных эмигрантов, его уволят из клиники. Кому нужны проблемы? Выживает хитрейший...

Каждую неделю собираемся в клубе поболтать. Вычислить, кто из наших в этом месяце находится в какой категории. «Действующая», «пристроившаяся», «попавшаяся» или «умершая»? Как правило,

плохие новости настигают быстро. Вот в конце прошлой недели в котловане заброшенной стройки нашли изуродованное тело Настасьи, 27-летнего воробушка из Волгограда. Она больше двух лет оставалась в Стамбуле, верила в светлое будущее, хотела заработать кучу денег, чтобы вернуться к сынишке. Тот ждал маму в детском доме. Не дождался... Нас давно не трогают подобные истории: слезы выплаканы, запасы сострадания иссякли. В Стамбуле мы верим в сегодняшний день. В себя. В Аллаха. Христос здесь авторитета Бога не имеет — он остался там, в другом мире. Куда многие из нас мечтают вернуться. Но не я.

Грустных историй с лихвой, но можно отыскать и парочку радостных. Наша знаменитая Макси из Донецка, вылитая Кейт Мосс, на следующей неделе выходит замуж. Умудрилась заклеить Агопа, турка из Германии. Тот приехал в Стамбул по делам на три дня и познакомился с Макси в баре «Black Room». «Макси очаровала 40-летнего простака виртуозным минетом с кубиками льда», — девочки так шутят. Агоп предложил ей руку и сердце. Совсем недавно Макси переехала в шикарный отель. А в субботу улетает с мужем в Новую Жизнь. Недавно девочки видели экс-коллегую в торговом центре: прошла мимо, будто не заметила. «Сучка белобрысая! Забыла, как я ей уколы делала, когда она застудила яичники. Ночами не спала... Хотя бы десяток сотен подкинула на прощанье». «Хорош, Свет! Если бы ты была чуточку умней, давно бы себе такого хахаля зацепила. Не завидуй, лучше выпей со мной. *Вытьем зааааа любоооооввь...*». Любка в своем ампула: язва с претензией на жизненную мудрость...

На еженедельных междусобойчиках меня охватывает ностальгия. Лупоглазый ди-джей Вадо, сбежавший в Стамбул из Тбилиси, включает для нас русскую попсу. Достал же откуда-то сборник. Ставит «Сердце — магнит». Танцуем до упада, со слезами на глазах. Родина есть Родина... В этом восточном городе нас объединяет наша работа, наши горести, наши ставки за ночь. Нас объединяет место действия. Но все-таки мы ненавидим друг друга. Конкурентки ведь. Наша ненависть питается желанием больше заработать. Проституция — конкурентный мир с элементами шоу-бизнеса. Несмотря на взаимную ненависть, при встрече обязательно нужно поцеловаться в щечки. И лицемерно спросить: «Куда же ты пропала?!»

...Иногда избегаю этих встреч, впадаю в депрессию. Лицемерие угнетает. Хочется послать соотечественниц куда следует и ни с кем не общаться. Не появлюсь разок в клубе, а на следующий день Джемаль сообщает: «Девочки тебя в список «пристроившихся» внесли!» Это радует. Радует, что на этот раз не оказалась среди «умерших». А что будет на следующей неделе, один Аллах знает...

...Мужские спины — моя слабость. Люблю рассматривать их. Считать родинки, нащупывать бугорки позвоночника. Как и скользить ладонью по затылку, нежно проникать пальцами в густые темные волосы. Целовать впадинку на пояснице. Массировать копчик, жадно захватывая рукой мякоть ягодицы... Укладываю на живот клиентов под предлогом массажа. Как правило, после основной «процедуры». Ложусь обнаженной рядом. На бок. Выключаю общий свет, только ночник. Завороженно осматриваю спину. Крепкую или мягкую. Сутулую или ровную. Родинки на коже — как звезды на небе. Со значением. Если родинка под правой лопаткой, значит, мужчина верен идеалу семьи, при всей природной влюбчивости. Если родинка на левом плече, ближе к шее, значит, легко возбуждается. Постигает любовь через секс. Если родинка на левом боку, над почкой, этот быстро вскипает. Живет эмоциями, не любит, когда ему перечат... Мой многолетний опыт доказывает правоту этих «знаков». Например, клиенты с родинкой на левом плече великолепны в сексе. Не надо «разжигать» — берут инициативу в свои руки...

Запах кожи на спине возбуждает. Он отличается от общего запаха тела. На спине поры шире, потовые железы ближе. В этом запахе — все чувства. Когда улавливаю аромат гвоздики, понимаю, что в низу живота партнера нарастает новая волна страсти. Отчетливый оттенок яблока — клиент опустошен, желание вытекло из него, продолжения не будет. Сдержанные нотки кардамона в запахе — хочет ласки. Прикасаюсь отвердевшими сосками груди к поверхности кожи спины. Пory мгновенно разбухают, выпуская наружу кристальный эликсир. Капля пота течет от затылка вниз...

За годы работы я научилась понимать мужчин без слов. Читаю страсть по глазам. Распознаю приближающийся момент эякуляции по капелькам пота над губой. Угадываю желание войти глубже по судороге ягодиц. Коллега Мила предложила написать пособие по «восточному сексу»: «Ты ведь у наш проститутка образованная, много читала... Хотя лучше не нужно! А то турчанки за наш счет станут секс-богинями, в итоге на нас спрос спадет. Лучше храни свои тайны.

Вообще до меня не доходит, как ты улавливаешь эти гребаные запахи? Я кроме прыщиков и чрезмерной волосатости на мужских спинах ничего не замечаю». Улыбаюсь в ответ. «Мил, столько лет на Востоке, а еще ничему не научилась?! Научись замечать то, что кажется незаметным». Коллега недоумевает, затягивается сигаретой. Поправляет наклеенные ресницы. «Ой, пошла ты, Алекса... Лучше чаще трахайся, деньги зарабатывай, а не Восток познавай. Востоком сыта не будешь».

Проституткам не важно место пребывания. Проститутки меняют качество на количество...

* * *

...Если бы у меня был муж, бегаящий к проституткам, не знаю, как поступила бы. Моя бабушка, смирившаяся с частыми походами дедули «налево», всегда повторяла: «Муж не мыло, не сотрется». Помню, тогда, будучи ребенком, я недоумевала, как можно выйти замуж за кусок пенящегося вещества. Пусть и приятно пахнущий... Ася даже не переживала, что дедушка два раза в неделю являлся домой далеко за полночь. Спокойно отпирала дверь. Целовала в щечку, заботливо спрашивая: «Небось, дорогой, работы много было? Бедненький мой... Вот пельменей накрутила. Накрывать?» Без скандалов, криков, выяснений отношений. Дедушка ни разу не повысил голоса на бабушку...

На Востоке проститутки востребованы не из-за полигамности мужчин: скорее, из-за отсутствия раскрепощенности у местных женщин. Убеждалась в этом неоднократно. Иногда мне попадаются интеллигентные клиенты — приятные турки, неплохо зарабатывающие. Чистоплотные. После секса курим, и я завожу беседу. Спрашиваю; «Ты любишь жену?» — «Да. Очень». Искренность в глазах. В первые пятнадцать минут после секса мужчин тянет на откровенность. «За что?» — «Ну, она красивая, добрая. Вместе учились в школе, начали встречаться. Потом поженились. В конце концов, она мать моих детей». — «Скажи честно, жена тебя устраивает в физическом плане?» — «Да. Хорошо выглядит. Правда, немного располнела после родов. Так даже сексуальнее...» — «Тогда

почему ты ходишь к проституткам?» Молчание. Закуривает очередную сигарету. «Тебя могу попросить сделать то, о чем не стану просить жену...» Вспоминаю наш оральный секс, сношение в необычных позах, совместное мастурбирование. Нельзя сказать, что восточные женщины не знают о подобных видах секса. Просто-напросто на Востоке между мужем и женой существует дистанция воздержания. Если восточному мужчине захотелось классного минета, а не обычного секса, он зачастую не осмелится попросить об этом жену. Лучше дождется, пока она заснет, после чего «разрядится» с помощью рук. А на следующий день обязательно снимет проститутку. Конечно, есть и исключения, но их не так много... Восточные мужчины не привыкли сдерживать сексуальные порывы. Если им захотелось, они не станут целыми днями носиться с неосуществленными мечтами в голове. Восточный мужчина на последние деньги купит тело. Да и сделает с ним то, что хочет сделать...

Среди русских проституток Турции популярен анекдот. Проститутка, работающая на Востоке, приходит к врачу на обследование: «На что жалуетесь?» — «На хронические мозоли на языке». 90 % процентов клиентов обращаются за отменным минетом. Так было и будет. Так, за эти годы я поняла, что с мужьями в семейной жизни надо уметь разговаривать, интересоваться желаниями друг друга. Это касается не только секса. Молчание медленно ведет к краху...

...Заполнившая рот кровь на вкус напоминала прокисший томатный сок с мятой. Зудело под кожей. Ужасно хотелось почесаться. Шевельнуться не могла. По телу растекалась лава уничтожающей боли. Ощущение, будто почки сморщились, как комок туалетной бумаги. Из меня вытекала моча. С паникой осознавала, что остановить процесс не могу. Зажмурив глаза, вспоминала о маме. Без слез. Тосковала по ее мягкой ладони на лбу. Тосковала по ее запаху, похожему на аромат цветов абрикоса. Тосковала по голосу, которым она, развешивая белье на балконе, напевала песни Герман... С каждой минутой переставала чувствовать тело, боль, зуд. Физические симптомы растворялись в тумане. Теряла сознание. Откуда-то издалека доносился хриплый голос Джемалы...

Никогда не забуду тот день. 26 октября 2005 года. Моросил дождь. Легкий, романтичный. Настоящий день возможностей. Я вышла днем из отеля купить продуктов в ближайшем «Мигросе».^[15] Одеюсь, как всегда в светлое время суток, неприметно. Только покинула отель, как дождь усилился. За зонтом возвращаться бессмысленно; решила сократить путь. Завернула на безлюдный переулок. Преодолев его, через две минуты оказываешься прямо у магазина. Здесь в основном ночные клубы, поэтому днем в переулке безлюдно. Я шла быстрым шагом, в голове составляя список необходимых продуктов. Овощи с зеленью, «пынаровский»^[16] сыр, «улькеровских»^[17] сладостей к кофе, пару бутылок «Эфеса»,^[18] две пачки смешанного «Димеса»^[19]... Вдруг два резких удара по пояснице... От боли перехватило дыхание. Из последних сил оборачиваюсь: двое парнишек 14–15 лет с бейсбольными битами, завернутыми в газету. Рядом покрытая женщина с полными гнева глазами. Знакомое лицо... Ожесточенно бьет по лицу, хватая за волосы, шипит в ухо: «*Seni rus kahpesi, seni... Eğer benim Oktayimi bir daha yanına çağirmaya kalkışirsan, seni mahv ederim. Seni takib edecem. Sakin dediklerimi unutma*».^[20] Удар по спине. В желудке вспыхнул огонь. Падаю. Снова слышу голос женщины. «*Çocuklar, şu aşagılık kahpeye gününü gösterin. Çabuk olun. Zaten sehennemde yanacak. Allah onu kahretsin!*».^[21] Тихо-тихо зову Джемалы.

Теряю сознание. «Дождь пришелся кстати. Как же хочется пить...» — последняя мысль.

Три недели пролежала не вставая. Спина в гематомах. За мной ухаживала дочка Джемалья, 14-летняя толстушка Чичек. Пять раз в день во время намаза молила Аллаха «послать здоровье Алексе-абле^[22]». Джемаль вызвал ее из Измира... Он обнаружил меня в переулке все еще в сознании. Через черный ход втащил в отель. Без свидетелей. Джемаль побоялся, что о моем избиении узнают «не свои» полицейские — это был бы конец его «конторе». Вызвал «своего» врача. Тот заверил, что я выкарабкаюсь. Выписал уколы. Установил капельницу. Проверял мочу три дня подряд. Крови нет. Значит, почки не сильно повреждены...

Я пришла в себя на второй день. Открыла глаза. Дышать было сложно. Все вспомнила и рассказала Джемалю. На меня напала жена Октая, одного из постоянных клиентов. Дружелюбный дядечка с пушистыми седыми усами. Щедрый, темпераментный, любитель блондинок. Держит овощные лавки на Египетском базаре, живет с семьей в азиатской части... До этого я видела его жену только на фотографии в портмоне, когда Октай расплачивался со мной. Парни наверняка были сыновьями. Видимо, она узнала, что муж часто бегаёт ко мне, тратит немало денег. Проследила за ним, вычислила меня. Отомстила...

Большинство турецких женщин недолголюбивают русских представительниц слабого пола. Для них русская девушка — угроза семейному очагу, А уж нас, проституток, турчанки яростно ненавидят. Когда вечерами передвигаемся по городу, многие из них посылают нам вслед проклятья. Они считают, что нас можно выжить из Турции только кулаками. Кроме меня еще пара девчонок были зверски избиты. Что удивительно, турчанки непременно сами участвуют в избиении, чтобы мы убедились в их отношении к нам. Пару месяцев назад Светке разодрали лицо две женщины, поймавшие ее при выходе из клуба. А недавно турчанки устроили пикет перед одним из муниципалитетов Стамбула. Требовали «müslüman şehrimizi bu rus kahpelerinden temizlemek».^[23] Муниципалитет, правда, ничего не предпринял: Турция метит в ЕС, столь радикальную агрессию им демонстрировать не выгодно.

Суматоха эта не отражается на потоке клиентов. Мужчины как бегали к нам, так и бегают. Турецкие жены исходят ненавистью, призывая прекратить «воцарившийся разврат»... На днях откровенно поболтала с одной турчанкой, работающей на ресепшене в отеле Джемалея. Она мне заявила: «Наши мужья погуляют с вами, но вернуться все равно к нам. Ведь мы — турчанки, а вы иностранки, пригодные только для развлечения. Наши мужья могут обещать вам золотые горы, но своих жен и детей они не бросят». Молчала. Прокручивала десятки раз в голове слова собеседницы. Она, безусловно, права. Но и я в долгу не осталась, ответила правдиво: «Русские женщины были и будут оставаться лучшими любовницами. Мы дарим вашим мужьям сказку. Ту сказку, которую вы элементарно рассказать не сможет...»

...Трачу меньше, чем зарабатываю. Сменила «ранг» — доход увеличился. Проститутке, не подлавливающей клиентуру на улице, платят больше. Сутенер удваивает цену. За готовое место для встречи. За анонимность... Снять проститутку на улице хоть и дешевле, но имеет ряд неудобств. Во-первых, сто процентов засветишься. Проститутки кантуются в людных местах Стамбула, поэтому, с кем пошла девочка, легко проследить. Мужчинам со статусом это не нужно. Во-вторых, надо еще найти место для секса или как минимум до него доехать, это отнимает оплаченное время... В моем случае все упрощается: в готовом месте клиента дожидается готовая проститутка. Спокойно приходишь, делаешь свое дело. Платишь, так же спокойно уходишь. Правда, и денег выкладываешь больше, чем за уличную девочку...

Работать на дому — мечта любой проститутки Стамбула. Своего рода повышение по службе. Уйти с улиц удастся трем из двадцати. Сутенеры «повышают» девочек, приносящих колоссальную прибыль, самых востребованных. Степень востребованности покажут реальные цифры: анализируется ежедневная выручка в течение двух месяцев. У меня бывали такие дни, когда за ночь приносила Джемалю около двух «кусков». Не гнушалась ничем. Соглашалась на все виды работы. Спала одновременно с четырьмя парнями, не отказывалась от трэш-секса, обслуживала лесбиянок. У меня была цель быстрее стать «домашней». Надоело мерзнуть на морском ветру в короткой юбке, зарабатывая цистит и прочие болячки. Надоело торговаться с капризным клиентом, обещая в качестве праздничного бонуса «аналку». Надоело ждать, искать, верить. Плоха та проститутка, которая не мечтает стать «домашней»... Если одна из нас становится «домашней», то девочки называют ее *kraliçe*.^[24] Относятся с большим уважением, просят поделиться опытом, выведывают секреты обольщения клиентов.

Одновременно с восхищением возникает зависть. Некоторые пытались завести отношения с Джемалем, чтобы без сложностей «одомашниться». Сутенеры редко спят с «подчиненными».

Посмеиваются над «новенькими», пытающимися лечь под них. «Это мы давно проходили... Неужели они не понимают, что доход нам важнее, чем вагины?» — смеется Джемаль, подсчитывая выручку за месяц. Чисто для разового секса сутенеры привыкли обмениваться между собой девочками... Не раз «новенькие», не дождавшись статуса «kralze» у Джемалья, убегали к другим «агентам». В Стамбуле русские девочки из «джемалевского сада» считаются лучшими. По красоте, сноровке, уму. Конкуренты Джемалья, получив в руки одну из его обиженных девочек, моментально «одомашнивают» ее. В наших кругах говорят, что «проститутки, прошедшие хотя бы недельную «школу» Джемалья, на вес золота». Сегодня мой сутенер специализируется на русских девушках, редко берет украинок...

Меня не однажды пробовали переманить конкуренты Джемалья. Например, одноглазый Зия, курирующий пять кварталов азиатской части Стамбула. Однажды подловил меня у побережья, сделал деловое предложение. Достаточно заманчивое. Пригласил работать у него по системе 80 %/20 %. То есть от выручки отдаю Зия пятую часть, тогда как с Джемалем делаюсь половиной. Кроме этого, «азиат» предложил жилье получше, выходные по праздникам, ежеквартальную премию в размере 1500 долларов. Отказалась по многим причинам. Привыкла к Джемалю. Все-таки 6 лет вместе — не шутка. Потом, работать в азиатской части рискованно — там публика другого уровня. На европеизированном «западе» чувствуешь себя увереннее. Здесь и русских девочек больше, есть с кем пообщаться.

Кроме этого, у этого Зия гадкая репутация. Десять лет просидел за решеткой, торгует коксом, связан с мафией. А проституция — это настоящий рынок труда. Здесь своя кадровая политика, свои работодатели и не менее масштабный круговорот денег... От Джемалья уходить не собираюсь. Конечно, сообщаю ему о том, что его «коллеги» звали к себе. Сразу отстегивает премию за лояльность. Мы с Джемалем отлично пользуемся друг другом, никакой дружбы: он зарабатывает на мне, я зарабатываю с его помощью. Бизнес.

...Деньги коплю. Не на кого их тратить, хотя и на себе не экономлю. Складываю заработанное в коробку из-под обуви. Прячу на чердаке. Там надежно, я уверена. А для кого или чего я собираю деньги? Не знаю. Купить что-либо масштабное не смогу, нелегалка. Пока в голове идей — ноль. Время покажет. Я доверяю времени, оно

обязательно подведет к главной, решающей черте в жизни. Что будет за этой чертой? Тоже не знаю.

Всю ночь перечитывала Дневник. Освободилась от назойливого клиента, лежала в ванне с блокнотом в правой руке. Курила. Страницы отяжелели от сырости, раньше горячая вода теперь уже как теплый компот. Табачный пепел осыпался серыми крупичками на белоснежную пену... Я перечитывала Дневник от начала до конца. Местами удивлялась. Местами отчаянно материлась. Чаще — жалела себя. Волна возбуждения накатила, когда добралась до записи о Канате. Сжимала ногами влагилице, ласкала соски пальцами, закрывала глаза от будоражащего электричества, бегущего по телу... Каждый раз на пятой странице ловила себя на странной мысли: я пишу так, будто меня читают. Досконально разъясняя детали, описывая внешность людей, придавая тексту форму. На мгновение стало жутко. Может, Дневник действительно кто-то читает? И кто-то наверняка осуждает! Но большей части, наверное, все равно...

Я рассматриваю свою руку. Длинные пальцы. Ногти с потрескавшимся сливовым лаком. Пытаюсь понять, как эта рука пишет такое? Такое ощущение, будто руке захотелось всеобщего внимания. Вот она и пишет так бурно. Чтобы тайные читатели сопереживали... А может, это я захотела внимания? Может, это я построила на страницах Дневника мир, на который смотрят из зрительного зала десятки невидимых зрителей?...

Смыла с себя пену. Вытерлась. Шагнула из ванны. Долго смотрела на свое отражение в зеркале. Одинокая проститутка, затерявшаяся в Восточном царстве, ведет никчемный Дневник с глупыми описаниями, как сопливая девчонка... Резко вскочила, схватила блокнот, чтобы утопить его в мыльной воде, которую пока не спустила. Ну и пусть чернильные записи в нем размоются навсегда! Я так и стояла над ванной с вытянутой рукой, собиралась с духом...

Не смогла. Не хватило смелости. Не захотелось лишать себя мира, управлять которым могу я одна. И читателей, пусть воображаемых. Это мой мир. В его стенах прячусь от собственного одиночества. Именно одиночество заставляет так пространно излагать мысли. Я все

еще мечтаю о друзьях, как прыщавая девчонка с кучей комплексов, с тоскою наблюдающая из окна за ребятами во дворе...

В детстве я брала альбом для рисования с красочной обложкой, пачку разноцветных карандашей. Пока мама строчила платье для очередной клиентки, я, расположившись рядом за столом, перекладывала на бумагу свои мечты. Рисовала старинный замок на берегу моря, золотоволосую принцессу в свадебном платье, украшенном белыми жемчугами. Мир без зла, обид, противных математичек... В детстве всегда и обо всем рассказывала маме. О мечтах, радости, грусти. О проблемах в школе. О голубоглазом однокласснике Саше. О любви с первого взгляда. Мама внимательно слушала, иногда ругала, временами наставляла, но всегда слушала.

Была моим лучшим другом... А теперь никого нет. В Стамбул я приехала с 500 долларами в кармане, рюкзаком вещей, пустотой внутри. В скромный багаж не поместились мечты прошлого — мечты привыкли прокладывать мост в будущее. А что делать, если будущего нет?...

Дневник заменяет мне чуткую маму. Так же терпеливо выслушивает. Я в свою очередь, как маленькая девочка, откровенно рассказываю всё... Каждый день заканчиваю описывать прожитую страницу жизни и чувствую умиротворение, будто от души выговорилась близкому другу. Уже и грусть не кажется угнетающей, и безысходность — пугающе вечной. Я каждый день переворачиваю одну страницу одной жизни. Вместе с Дневником...

В основном пишу у Босфора, на той самой скамейке у побережья. Время течет незаметно. Пишу и грызу зеленые яблоки. Так увлекаюсь, что уже и Босфор ревностно шумит, посылает на меня крикливых чаек. Привлекает внимание. «Потерпи еще чуток. Вот допишу пару строчек и поболтаем». Послушно кивает, переключается на компаньку бездомных кошек. Они развалились на прибрежных камнях, греются на солнышке. Мечтают, должно быть, стать морскими кошками, чтобы вдоволь наесться свежей рыбешки. Босфор шутливо припугивает кошек, подбирается волной. Те разбегаются, недовольно фыркая. Смешно. «Эй, чудак, давай ко мне! Потрепемся!» Дневник уже в сумке, в нем на одну запись больше...

Мама мечтала видеть меня модельером, а я стала проституткой. Боюсь встречаться с ней в сновидениях — как смотреть в глаза... Во мне нет маминых природных талантов. Во мне — сперма десятков мужчин и жалкая душа. Под слоем тонального крема бледная кожа с близко подступающими венами... Всю жизнь мама зарабатывала на хлеб своими золотыми руками. Ее дочь зарабатывает деньги продажей тела. Мама учила меня шить, но сейчас не могу даже вдеть нитку в иголку. Руки трясутся. Наплевать...

С моим вступлением в осознанный возраст мама ежедневно обучала меня шитью: «Сашуль, запоминай... Лучшей профессии для женщины не придумаешь. Главное — уметь шить скоро, не завышая цены. Деньги надо зарабатывать с совестью».

Я с шитьем сдружилась сразу: хорошо получалось. Она смотрела, как я аккуратно строчу подол сарафана, не скрывая восхищения. «Все женщины нашего рода рукодельничали. Талант от одной к другой передавался. Я была уверена, что в тебе он тоже проявится». Я отлично чувствовала ткань. Часами листала «Работницу», редкие привозные номера «Бурды». Изучала типы материалов, выкроек, пока мои сверстницы после школы играли в классики. Как заканчивала с уроками, подсаживалась к маме: наблюдала, как стремительно пронизывает ткань игла, как мама наносит отметины обмылком, разрезает материал грубыми ножницами. Процесс протекал с такой легкостью, мы и не замечали, как день за окном сменялся ночью...

К маме обращались жены партработников, артисты. Помню молодую Пугачеву. Она приходила на примерки по ночам, чтобы не привлекать внимания. Пока мама закалывала на ней вытачки, я просила тетю Аллу спеть «Арлекино». И знаменитая певица не отказывала... Жили мы в среднем достатке: денег хватало на еду, одежду, коммунальные услуги. Плюс отец подрабатывал... Но деньги доставались маме с трудом. Так становилось жаль ее, измотанную к вечеру кропотливой работой. Перед сном она просила, чтобы я потоптала ее затекшую спину. Аккуратно переставляя ноги на мягкой спине, я слушала хруст позвонков, продавливая пяткой болевые точки

на уставших мышцах. Часто мама засыпала прямо на ковре, не успев предупредить...

В Стамбуле редко вспоминаю детство. Обычно не оглядываюсь назад, не достаю из пыльного шкафа скелеты прошлого. Мой Дневник первый, кому об этом поведала на Востоке. Поведала об утраченных мгновениях истинного счастья. Тогда они казались обычным ходом дней... Скучаю по маме где-то там, глубоко внутри. Не позволяю себе много вспоминать: слишком больно. Слишком стыдно. Я не себя нынешней стыжусь, а того, что не смогла оправдать надежд родного человека. Пути назад нет...

Мама умерла через два дня после моего выпускного бала. От инфаркта. Исполнила последний долг и ушла. Оставила мне воспоминания и роскошное голубое платье, сшитое накануне.

Фасон этого платья придумывался около полугода: мама бегала к подругам портнихам, советовалась по поводу ткани. Искала подходящие аксессуары. «Доченька, выпускной бал случается раз в жизни — все должно быть идеально. Тем более в школе знают, что чья ты дочь, будут обращать внимание на наряд». Трое суток перед балом мама не смыкала глаз. Я засыпала под шум швейной машинки в гостиной, а папа с братом бранились, мол, хорош шуметь, дай поспать. Чтобы никого не беспокоить, мама отключала свет в комнате, сидела с маленькой настольной лампой. Через каждый час выходила на балкон, где подолгу курила. Результат превзошел ожидания. Такого платья, как у меня, наверное, не было ни у кого в Москве. Я была настоящей сказочной принцессой. Тетя Римма с пятого этажа вспомнила элегантную Хепберн в «Римских каникулах»... Мама на выпускной не поехала. Осталась дома — выспаться: «Доченька, ты будешь звездой бала. Я договорилась с дядей Колей, он тебя отвезет и привезет. Чтобы платье не измялось...»

Отчего-то я не помню похорон. Ни себя, ни папу с братом, ни родственников, ни соседей. Только холод, сырую землю под ногами, запах лекарств. Всё... Не буду дальше писать. Да и писать больше нечего. Только одно добавлю: «Мама! Ты не приходи в мои сны, умоляю! Мне стыдно...»

Боюсь слова «ненавижу». Оно слишком весомое, разрушительное. «Ненавижу» с легкостью разбивает вдребезги тысячи человеческих сердец. Навечно. Я почти отказалась от этого слова...

И все-таки в моей жизни есть один человек, даже имя которого ненавижу: мой отец. Отец, не папа. В последний раз назвала его «папой» за день до смерти мамы. После — исключительно по имени-отчеству. Я ненавижу отца! Всем моим сердцем, всем телом. Когда вспоминаю его улыбку-ухмылку, начинают дрожать конечности. Чувствую едкий аромат его одеколона, и возникают рвотные позывы. А его фальшивые поцелуи в макушку! Передергивает от злости. Обычно с годами ненависть утихает, а во мне наоборот — с каждым годом она увеличивается в масштабах. От невысказанности?...

Он выжил меня из дому, женился снова на второй месяц после маминой кончины. Но причина даже не в этом: моя ненависть к отцу — результат увиденного, услышанного задолго до отъезда... Как я переживала из-за его поступков, кричала в подушку! Десятки раз писала письмо маме... По дороге в гостиную рвала бумагу, смывала клочки в унитаз. Не хватало смелости, жалела маму, берегла покой уставшей женщины. Любой ценой избежать скандалов, переживаний... И не жалею. Мама так ничего и не узнала — умерла спокойно. Для нее на протяжении многих лет мы с отцом разыгрывали пьесу «Папочка с доченькой». Если бы учредили «Оскар» за кино без кинокамер, приз за «лучшую женскую роль» был бы мой. Отец получил бы за «лучшую мужскую»...

Он изменял маме с собственной сестрой. Трахал Олесю буквально у мамы под боком. Заводил на кухню под предлогом заварить кофе и отдирал прямо на столе, не снимая одежду. Она зажимала отцовский рот ладонью: вдруг похотливые вздохи самца услышит невестка... Этот кошмар повторялся несколько раз в неделю. Олеся приходила к нам, «чтобы помочь замотавшейся золовке». Убрать квартиру, приготовить кулебяку с мясом, прокипятить постельное белье. Мама гордилась мужниной сестрой: «Олесь, без тебя бы окончательно загнулась. Дай бог здоровья! А как твои детки, Сашка в школу

пошел?» Пока мама работала над заказом в гостиной, я следила за Олесей. Пряталась в кладовке, подслушивала телефонные разговоры, подсматривала через щель в кухонной двери. Я видела, как отец рвал на Олесе, трусики, входил в нее резко и грубо, как у нее закатывались глаза во время оргазма. Мне происходящее казалось какой-то игрой с неизвестными правилами. Но в этой игре чувствовалась угроза материнскому покою...

Часто спасала отца с тетей. Однажды, пока они курили на балконе, мама решила налить себе чаю и пошла на кухню. Я знала, что минут десять назад там сношались чертовы любовники, и забежала туда первой. Заметила на краю стола лужицы мутной белой жидкости. Если бы мама вошла на полминуты раньше, что она бы подумала? Я вытерла рукавом свитера вязкие капли со стола. Кого я спасала — маму или отца-подонка?... Может, и нужно было бросить обвинения в ненавистное лицо отца. Или проткнуть ножом сердце Олеси. Но я, маленькая запуганная девочка, молчала, чтобы не навредить матери. Никому не рассказывала, что знала, — даже брату, который вырос копией отца. Да ведь и во мне течет его кровь, к несчастью...

Зачем он спал с сестрой на протяжении стольких лет? Что за чертова привязанность или это болезнь? Неужели не мог завести другую женщину? Внешне Олеся не была привлекательной. Толстая, белокожая, пухлогубая. Маленькие глазки, короткие ножки, нос с горбинкой. Гуляя по Москве, я часто примечала дамочек такой же внешности — машинально «примеряла» их к паршивому родителю, хотелось подойти, попросить телефонный номер. Для отца. Только бы перестал спать с тетей, которую я когда-то очень любила. Олеся готовила восхитительные вареники с курагой, делилась смешными историями, интересовалась отцом. Ладят ли они с мамой? Спят ли в одной комнате? Работает ли мама по ночам? Я, глупышка, уплетая очередной вареник, выкладывала все. Думала, тетя волнуется за семью брата, за мамино здоровье...

...Иногда хочется вернуться в Москву — на пару часов. Пробраться в родной двор, подняться в нашу «двушку», найти отца и поговорить. Вот в присутствии его новой жены! Наверняка же продолжает изменять ей с сестрой. Проорать, что все знала. Проорать, что он скотина. Плюнуть в лицо...да нет, если бы и представилась

такая возможность, я все равно на родину не поехала бы. В прошлое возвращаться не хочу. Пусть лучше обиды жгут в настоящем...

Прошел мимо. С какой-то девушкой, невысокой большеглазой брюнеткой. Взглянул на меня мимоходом и не узнал. И я сделала вид, что не узнала. Внешне он почти тот же, хотя и потерял былую форму, отрастил живот. Он, конечно, и подумать не мог, что я в Стамбуле. На расстоянии двух шагов от него. Он-то думал, сестричка в Дубае... Прошел мимо, вытирая бело-синим платком пот со лба. Глупец, какого ж ты прикатил в Стамбул в конце июля, в самое пекло? Лучше бы в Бодрум съездил... Я и сама задыхалась от жары: таких душных вечеров давно не было. Рабочий макияж медленно растекался, голова в парике взмокла... Он уже почти исчез из поля зрения, а мне вдруг захотелось побежать следом. Встать перед ним. Спросить, гордится ли он сестрой-проституткой, обслуживающей «черножопых»? Опозорить перед спутницей... Тушь потекла — от жары или от слез? Черт, плачу.

Вообще-то мы с детства грызлись. Разлад начинался с игрушек, продолжался дракой за телефон, скандалами из-за того, как он обращался с матерью. С подросткового возраста брат относился к маме пренебрежительно. Для него существовал авторитет одного отца — его идеализировал, ему поклонялся, им восхищался, Женя старше меня на два года. По словам бабушки, брат жутко взревновал, когда я родилась. Как младшую меня всячески баловали, позволяли то, что запрещалось Жене. Он сердился, срывал обиду на мне. Однажды столкнул меня, пятилетнюю, с дивана во время игры, и я сломала правую руку. Женю наказали и скоро на год отправили к бабушке на юго-запад. В школе мы тоже не общались. Даже друзья брата не знали, что Александра из «б» на две параллели младше — его сестра. Стыдился...

Выросли в одной семье врагами. Я заходила на кухню, когда Жени там не было. Женя смотрел телевизор, пока я гуляла с подружками во дворе. Жили на одной территории, но по разные стороны от стены непонимания. Если в подростковом возрасте мы чуть ли не ежечасно ругались, то, повзрослев, стали друг для друга ничем... Папа стоял на стороне сына в любой ситуации: «Он мужчина, ты — девушка. Ему лучше знать, как себя вести. У Жени более трезвый взгляд на жизнь. А ты летаешь в облаках, читаешь глупые романы, забиваешь голову

чепухой. Лучше иди посуду вымой! Олеся устала за тобой прибираться!» Я с отцом не спорила и все больше отдалялась от них. Мама замечала натянутость в наших отношениях, волновалась, пыталась вызвать на откровенный разговор. Брат отмалчивался, опустив голову. Если отец был дома, моментально становился на защиту Жени: «Ладочка, ты мужика воспитываешь, а не девку. Что ты хочешь? Чтобы они вместе играли в куклы?! Или вязали перед телевизором?! Пойми, он — мужчи-на»...

После смерти мамы отношения с отцом ухудшились. Доходило до рукопашной. Он вечно меня упрекал: слишком вызывающе одеваюсь, слишком поздно возвращаюсь... Когда отец сообщил о своем намерении снова жениться, я решила уйти из дому.

Собиралась временно пожить в доме покойной бабули. Но отец ключей не дал: «Проваливай, куда хочешь...» Брат стоял рядом, ничего не говоря. Они были заодно. Одним целым. Через неделю я уехала из России...

На вопросы о родных отвечаю: «Погибли в автокатастрофе». Вычеркнула из памяти нашу московскую квартиру, ненавистных отца с братом, лицемерных родственников. Теперь я одна, сама за себя в ответе. Стамбул принимает такой, какая я есть.

Задаюсь вопросом: повезло ли мне в жизни? Следом за этим вопросом рождаются еще и еще десятки вопросов. Закуриваю четвертую сигарету, вновь возвращаясь к мыслям о настоящем. В настоящем не вижу никого кроме себя, Босфора, Дневника. Клиенты не в счет, как и толпы на улицах. Я опасаясь приближаться к людям.

...Появление брата в Стамбуле похоже на сон. Было или не было? Спешу в отель. Звонил Джемаль: ждут двое клиентов. Состоятельные арабы, отлично заплатили, за целую ночь. Мужчины и деньги — вот приметы моей реальности. В ней проще жить и легче дышать. О везении мы побеседуем с Аллахом на том свете. Если верить священному писанию, Аллах отвечает на самые безответные вопросы. Надеюсь, безвозмездно...

Для нас, проституток в чужой стране, самый страшный сон — оказаться за решеткой. В холодной турецкой hapishane,^[25] где кормят баландой, не отапливают камеры, и от сырости разбухают вены. Вчера вычитала в «Хуррийете»,^[26] что в «Кадын ве чоджук»^[27] отбывают наказание около 50 русских женщин. Часть из них сидит за распространение наркоты, проституцию. И все они — за подделку виз. Закончится срок, будут депортированы из страны. Турция не встретила их с распростертыми объятиями, напрасно тешили себя «восточной сказкой». Восток не всегда гостеприимен... Проблемы сутенера зачастую становятся нашими проблемами. К примеру, замечаю, что у упрянца Джемалья возникли «денежные» препирательства с полисменами, и моментально подключаюсь к разговору. Отзываю сутенера в сторонку, предлагаю десять сотен: «Возьми, заткни им рты. Нам головная боль не нужна». Вынуждена отдавать из «копилки». Если Джемаль откажется платить полиции, ему, а значит, и мне несдобровать. А я не хочу коротать свои деньки в турецкой тюрьме. Хочу быть свободной: видеть Босфор, слушать чаек, покупать любимые жареные каштаны у уличного торговца... Полицейские в Стамбуле специально от сезона к сезону повышают сумму взятки. Своего рода «чистка»: отказывающихся платить арестуют и покажут по телевидению с анонсом: «Бдительные правоохранительные органы Стамбула обнаружили очередной очаг разврата». А тех, кто быковать не станет, оставят в покое на время.

...В июле 2003 года четырех русских проституток Зия арестовали за распространение наркотиков. Они периодически ширялись — подсели на кокаин «от сложной жизни». Однако продажей кокса девочки, уверена, не занимались: я знала двоих из них. Нату с Катей. Когда-то работали вместе в «русском Стамбуле» — Лалели.^[28] Девочки стали козлами отпущения: Зия, спасая свою ШКУРУ просто-напросто сдал их. Когда Светка сообщила об этом, я долго не могла прийти в себя. Два дня пила, впала в депрессию. Натка до сих пор находится в «Кадын ве чоджук», Катя умерла от туберкулеза на третьем месяце заключения. В Брянске осталась ее одинокая мать,

диабетик в «инсулиновой» стадии. Она жила на деньги, посылаемые единственной дочерью.

Натка иногда звонит с «тюремного» мобильного, за соответствующую плату выдаваемого надзирателями. Минута разговора — 20 долларов. Эсэмэс — 5 долларов. Натка тараторит хриплым голосом: какая в Стамбуле погода? Правда ли, что в Босфор вернулись дельфины? Она, как и я, любит Стамбул. За две минуты разговора не спрашивает ни обо мне, ни о девочках, ни о чем еще, Натка мечтает снова увидеть Босфор. Просит меня выйти на балкон, чтобы она услышала крик чаек. Раз в три месяца позволяет себе послушать свободу. Две минуты свободы за 40 долларов. На прошлой неделе от Натки пришла эсэмэс: «Денег нет, позвонить не могу. У меня нашли туберкулез. Как у Кати. Я не умру. Я хочу жить. Сходи в церковь, помолись!»

После этих страшных историй с девочками у меня нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Если когда-нибудь надо мной нависнет угроза «решетки», покончу с собой. Прячу под шелковой подкладкой в сумочке пузырек с искусственной эссенцией — в критической ситуации выпью и сгорю изнутри... Боюсь даже думать об этом. Не хочу умирать. За свободу я отдам все деньги — я не смогу жить без дыхания Босфора. Не смогу заснуть без колыбельной приборя. Абсолютно за все надо платить, даже за засохший сыр в мышеловке.

...Джемаль учит Дашу читать Коран. Она четвертый год в Стамбуле. Семь месяцев проработала стриптизершей, в этом году приняла ислам: «Моя надежда теперь на Аллаха». Я подтруниваю над Дашей: «Неужели ты, проститутка, собираешься совершать намаз?» Обижается: «Чистота души важнее, чем чистота тела. Тело — временная физическая оболочка. В Судный день Аллах будет судить нас по намерениям». Джемаль уже привык к тому, что многие русские проститутки в Стамбуле приходят в ислам. Он сам когда-то совершал намаз. Второй год, как перестал: «Стыдно перед Всевышним...» Я тоже верю в Аллаха, но не верю, что ему нужен мой фальшивый намаз. Если Даше намаз чем-то помогает, то пусть молится: религия все-таки лучше, чем наркотики. Слава Аллаху, Дашка не пристрастилась к наркоте. Устояла, выбрав другое. Кстати, проституция — тоже своего рода религия. Только верить надо в себя и в сегодняшний день. Что будет завтра, все равно неизвестно...

...Я разливаю по кружкам кофе, добавляю для запаха коньяка, ложку ванильного сахара. Светка протягивает мне потрепанную пачку «Мальборо». Глаза блестят, кончик носа покраснел, ухмылка на сонном лице. «Не хочу». Она настаивает. «Свет, я на пустой желудок не курю». — «Кончай выпендриваться, я тебе курево не предлагаю, а кое-что покрепче». Открывает крышку сигаретной пачки. Высыпает на стол мелкие оранжеватые таблеточки с мультяшной рожицей Микки-Мауса в центре. Экстази. Света снова подседа на наркотик. Я злюсь: «Слушай, кончай глотать дрянь! Хочешь сдохнуть или в облаву попасть?» — «Эээээ... Хуже-то не будет». Берет одну таблетку, глотает. Пытается запить кофе. «Сдурела?! Кофеин с экстази мешать нельзя, сердце посадишь!»

Спустя полчаса Светка подрывается с дивана, несется в туалет. Ее тошнит. Явная передозировка: видимо, вчера ночью приняла много таблеток, еще сегодня повторила. Бегу на кухню, смешиваю с двумя литрами воды чайную ложку перца, полпачки йогурта, молотую гвоздику. Отлично средство от интоксикации. Света пить «настойку» отказывается — матерится, требует оставить в покое. Заставляю все-таки. Спустя час она засыпает...

Я плохо переношу наркотики, даже самые легкие. Полностью теряю самообладание. Могу кричать, плакать или громко хохотать. Однажды пыталась покончить жизнь самоубийством — девчонки удержали. Джемаль, узнав о произошедшем, чуть не выбросил меня на улицу. Законченная наркоманка никому не нужна. Потом все-таки пожалел... Почти всю зиму 2002-го «просидела» на коксе. Хотелось забыться, заглушить депрессию, Я отказывалась от еды, мало спала, вечерами обслуживала клиентов. Ложилась подо всех подряд. Без разбору. Приняв кокаин, становилась батареей «Энерджайзер». За ночь «обрабатывала» не меньше десяти мужиков...

Конечно, Джемалю такая активность была выгодна. Но он понимал, что в таком режиме долго не протяну. Я была и остаюсь востребованной девушкой в его «батальоне» — терять золотую жилу не хотел. На две недели отправил меня, измученную, к своей бабушке

на азиатскую окраину Стамбула. Представил, как очередную жену брата-ловеласа. Запретил выпускать на волю. Наказал насильно кормить два раза в день, заталкивать в душ по утрам, поить через каждые шесть часов какой-то гадостью со вкусом грецких орехов. Я не брыкалась. Когда действие кокаина ослабевало, сама понимала, так дальше продолжаться не может. Хотела жить и смогла найти в себе силы... За 14 дней в изоляции смирилась с отчаяньем, внутренней болью. Решила жить дальше... Вернулась к Джемалю посвежевшей и с тех пор ни-ни. Иногда чувствую на языке холодно-металлический налет кокаина. Джемаль успокаивает: «Скоро пройдет. Ты покупала самый сильный кокс — нужно время, чтобы вся дрянь вышла...» Когда девочки предлагают покайфовать, еле сдерживаюсь. Однако стоит произнести «нет», и искушение моментально исчезает...

...В Стамбуле многие русские проститутки подсаживаются на наркотики. В основном глотают экстази, из-за доступности. Меньшая часть нюхает кокаин. Он дороже. Удержаться удается, может быть, десятерым из ста, остальные девочки буквально живут на наркотиках. Кто-то умирает от передоза, кто-то попадает в тюрьму за хранение и распространение... Здесь сегодня достать наркоту проще простого, как полиция ни старается. По вечерам подозрительных лиц могут остановить прямо на улице: проверить сумку, одежду, обувь... Торговля расцветает после девяти вечера. В любом клубе на Бейоглу^[29] без проблем можно купить экстази — все остальное нужно заказать заранее. Кокс, как правило, попадаетея отвратительного качества. Слабого действия, с примесями. Нужно иметь надежного продавца. Я «отоваривалась» у толстого армянина Симона, тот продавал кристально чистый кокс, давал в рассрочку, по желанию с доставкой на дом. В прошлом месяце Симона арестовали во время крупной сделки в одном из неофициальных гей-клубов Таксима.^[30]

...Никто из моих клиентов не использует «Виагру». Турки с проблемой слабого разогрева, как правило, за полчаса до секса принимают экстази. Запивают таблетки подсоленной водой для усиления эффекта. Мне плевать, как «разогревается» клиент. От себя могу предложить для возбуждения минет, станцевать стриптиз, исполнить массаж. Дальше дело за партнером... Экстази реально спасает при слабой эрекции. Но Джемаль говорит, разрушает печень, почки, сосуды: достаточно пару месяцев ежедневно принимать

пилюли, чтобы слечь с отказом органов. Однако экстази остается «черным символом» клубной жизни Стамбула. Особо проворные пытаются вывезти наркотик в другие страны, из-за этого на границе ужесточились проверки. Недавно поймали турка, везшего мешочек экстази в Питер...

Полные губы темно-вишневого отлива, карие глаза с короткими ресницами, мужественный подбородок. Очки в квадратной оправе. Шрам на левой щеке. В юности он подрался с дворовым мальчишкой — «авторитетом»: он дрался кулаками, а «авторитет» вытащил нож. Полоснул по щеке безоружного противника, но тут же и поплатился, через считанные минуты перестав быть «авторитетом» двора... Рельефная грудь с легкой волосатостью. Крупные коричневые соски, накачанный пресс. Он не метросексуал, как сейчас модно. Не делает маникюр, не удаляет волоски в носу, не бреет подмышки. У него сильные руки, грубоватая кожа, обволакивающий голос, крепкие ягодицы, страстный взгляд. Он чист, опрятен. Его мужественность — природная. Родился настоящим мужчиной. Рядом с ним и чувствую себя защищенной. Как за каменной стеной. Я уверена, что он никогда не унизит женщину. Мужчина, уважающий даже проститутку, уважает женское в женщинах. Для него жена — это навсегда. Жена — «мать моих детей». А проститутка — просто отличный, ни к чему не обязывающий секс. Во всяком случае, так рассуждают на Востоке...

...Клиент может понравиться, но ему нельзя говорить об этом. Клиент остается клиентом, что бы там ни было. При любой внешности. При любых обстоятельствах. С ним ты должна быть такой же, как со всеми. Ты — проститутка, он — клиент.

Он — платит, ты — выполняешь... С Садыком мне не сложно перешагнуть черту дозволенного. Когда на мне бьется в конвульсиях его тяжелое тело, когда жесткая шерсть на его ногах колет гладкую кожу моих бедер и чувствую внутри горячие волны неостановимой страсти, я становлюсь другой. Маленькой женщиной в объятиях большого мужчины. Он ведет за собой, я беспрекословно подчиняюсь. Когда Садык во мне, я ощущаю себя любимой. Женщиной. Оказывается, еще могу чувствовать... Садык не оригинален в постели. Он не знает разных поз, не разбирается в ласках, предпочитает

миссионерскую позицию. Нежно раздвигает мои ноги, целует грудь, ложится сверху, мгновенно проникая в самую глубину. Ничего сверхъестественного. Но этого достаточно, чтобы уже через мгновение меня накрыло волной удовольствия. Рождает страсть больше энергетика Садыка, чем тело. С ним хочется растянуть минуты в часы, продлить ночь, не впускать в окна утро...

Ему 31 год. Араб по происхождению. Родился в Измире, вырос в Марокко, учился в Азербайджане, затем в Кельне. Теперь уже больше полугода в Стамбуле. Пригласили работать по контракту в Центральную клиническую больницу, Садык — выдающийся хирург-онколог. Работу свою любит. Выбрал по настоянию матери: «Аллах благословляет тех, кто помогает людям», и не пожалел. Садык проводит в клинике по 20 часов в сутки, проводит минимум три операции в день. К нему приезжают больные со всего Востока. Он пьет много кофе, отказался от сигарет, меня навещает два раза в месяц. Говорит: разрядиться, забыть обо всем, Платит щедро, в долларах.

Супруга Садыка Фатима живет со свекровью в Марокко, воспитывает двоих пацанов. «Жаль, редко удается ездить к ним. Скучаю. Жена воспротивилась переезжать сюда: не любит Стамбул. Только на Рамадан^[31] привозит сыновей. Вместе проводим праздничные дни»...

На самом деле я практически не общаюсь с клиентами. Садык — исключение. После секса мы лежим на кровати и часами болтаем. Смотрим в потолок. Прижимаюсь к его влажному телу, он гладит мои волосы. Нам хорошо. В закоулках подсознания понимаю: так нельзя. Проститутке вредна любая связь с клиентом, кроме физической. Проститутке нельзя влюбляться. Восточные мужчины шлюх в жены не берут... Садык признается, что я — единственный его друг в городе контрастов. Со мной он такой, какой есть: «Спокойно мне около тебя. С тобой я могу расслабиться, смягчиться, дать волю эмоциям. С Фатимой такого себе не позволяю. Мы с ней почти не занимаемся сексом: раз в год, чтобы зачать ребенка. Когда пытаюсь любить ее, она плачет, что ей больно, и я спешу быстрее кончить. Заложить в нее семя. В нашей семье принято иметь 5 детей, у нас пока двое. Мама ждет еще троих...» Он рассказывает сонным голосом, пьет мартини. Я смотрю на этого уставшего мужчину с грустными глазами. Сильного внешне, мягкого внутри. Настоящего мужчину Таких ведь совсем

мало. Думаю о Фатиме, не осмеливаясь высказаться в слух. «Чужая семья — темный лес». Может, Садык дома другой? Нет, ерунда! Человек с такой душой плохим быть не может.

Он уходит, и я забираюсь в душ. Включаю горячую воду. Кипяток. Обжигаюсь и плачу. Не по Садыку, я не влюбилась. Мне просто мучительно покидать сказку, возвращаться в жестокую реальность. Там, точнее здесь, ждут Джемаль с парой прилипчивых клиентов и очередной zalim akşam... Иногда мне хочется попросить Садыка больше не приходить. Посоветовать ему Дашу, что ли? После арабского хирурга тяжело осознавать реальность, в которой я обычная проститутка без будущего... Очень прошу тебя, не надо больше!

Тамара

Во время разговора часто повторяет «ладно уж». Задумчивая, эмоциональная. Одевается в серое, обожает серебряные изделия, игнорирует косметику. От природы имеет густые брови — и давно перестала их выщипывать. Безумно красивая грудь. Небольшая, четко очерченная, с оттопыренными абрикосовыми сосками. Много читает. Предпочитает Саган, с ее книгами не расстается ни на минуту: считает что «волшебная Франсуаза» приносит ей удачу. Тамара — белокожая, по-кавказски волосатая, привлекательная худощавая брюнетка. Морщинок у нее почти нет, а вот вены ног опухли от постоянной ходьбы, кожа на пятках трескается от плоской обуви. Подагра активно прогрессирует. Жалуется на хроническую усталость: «В принципе нагрузка не такая, как раньше. Наверное, я сейчас переживаю взрыв усталости, накопившейся за десятки лет. Ладно уж... Судьбу не перепишешь...»

Всю молодость она пропахала на трех работах. Одна содержала семью: двух дочерей, пожилую мать. С 9 до 5 трудилась на ткацкой фабрике, с 6 до 9 вечера подрабатывала в кондитерском цеху. До полуночи мыла полы в районной трехэтажной школе. Муж к тому времени уже спился и покончил с жизнью. Он был прозаик, член Союза писателей Грузии. Восхищался Нодаром Думбадзе. Сам выпустил одну повесть на грузинском, на русский переведена не была. «Такого мужа мне выбрала мама, она дружила с матерью Резо. Насильно выдала замуж в 18. Через полгода я забеременела, родила двойняшек... Честно говоря, Резо не любила, он был занудлив, страдал депрессиями, кланчил деньги у родителей. Отказывался работать, мол, «быт уничтожает вдохновение». Когда свекровь умерла, мы стали голодать. Пришлось идти работать мне...» Резо умер через четыре года после рождения двойни, перерезал вены в кульминационный период черт знает какого по счету творческого застоя. Тамара о нем не сокрушалась: «Понимаешь, гогона,^[32] меня раздражают люди, не

осознающие, что жизнь — это вечная борьба. Борьба без конца. Конец — это смерть. Как можно жить, летая в облаках?! Элементарно ведь надо себя, близких кормить, стремиться чего-то достичь. Каждый день потеть во имя этих целей. Ладно уж... Каждый сам выбирает свой путь»...

Сейчас Тамаре 57 лет. Она лихо матерится, курит крепкие сигареты. Искренняя женщина, простодушная, верит в справедливость. Турки таких называют kemiksiz balik.^[33] «Я грубой никогда не родилась, это жизнь такой сделала. Да и с кем мне любезничать? С торгашами?! С ними надо быть жесткой: сдала товар, подсчитала общую сумму, скидку сделала и получила свои деньги — всё! А уж они наваривают: впаривают народу дешевую турецкую одежду по тройной цене. Ладно уж, бог судья...»

Тамара — профессиональная челночница, с пятнадцатилетним стажем. Два раза в год добирается автобусом до Стамбула, закупает здесь шмотки среднего качества. Поставляет в Тбилиси и Москву, сдает товар владельцам тамошних «точек»: «Это выгодный бизнес, если знаешь, где закупать барахло. Я договорилась с двумя стамбульскими мелкими фабриками, за приемлемую сумму скупаю у них летнюю, осеннюю одежду. Если джинсы стоят 4–5 долларов, отдаю перекупщикам за 10. Так и дорожные затраты покрываются, и еще прилично остается...» Тамара занимается челночным бизнесом уже для себя. Раньше на вырученные деньги кормила семью. «А вот теперь на себя трачу. Маму похоронила, дочерей выдала замуж. Спокойно живу в двухкомнатной квартирке. Отремонтировала ее, купила новую мебель, на каникулах внуки у меня гостят... Мне два раза в год приезжать сюда достаточно. Я здесь душой отдыхаю, плюс дела делаю, к тому же с тобой повидаться могу...»

Мы знакомы с Тамарой около трех лет. Познакомились в кафешке недалеко от Лалели, разговорились... Я познакомила Тамару с Джемалем, и теперь, приезжая в Стамбул, она останавливается в нашем отеле. По утрам вместе завтракаем, потом ходим по рынкам. Тамара откровенничает, делится историями из жизни, призывает меня «держат хвост пистолетом». И не осуждает, даже поддерживает: «Ты красивая девка, на тебя и спрос большой. Хотя турки-то не очень привередливы, им лишь бы «дырка» была. Кстати, твой Джемаль стал

ко мне липнуть! Я, конечно, сразу остудила, крепко приложила... А ладно уж, я не злюсь. Он неплохой мужик, правда, хитрый кобель».

Молодость она вспоминает как-то удивленно: «Я же тоже была молодой, тоже испытывала трудности. Но веришь ли, ни разу не приходило в голову пойти на панель. Может, мы, грузинки, воспитаны иначе? А может, время другое теперь? Ладно уж, я тебе не мать, чтобы ругать или советовать. Одно точно знаю: тебе в этом гадюшнике не место. Будь сильной. Не опускай руки, даже если эти руки отрубят... Тогда все и изменится».

Тамара выпивает вторую чашечку турецкого кофе и пристально смотрит мне в глаза. Я молча киваю, терблю прядь... Насчет гадюшника она очень права, но есть ли выход? Все равно после общения с ней появляется какая-то надежда на другое будущее.

...Надежда появляется в моей жизни на неделю. Пока Тамара рядом. Как только она возвращается домой, опять погружаюсь в уныние. Иногда так хочется уехать с ней, жить себе тихо в Тбилиси, познакомиться с дочерьми Тамары, может, сидеть с их детишками. Пустые надежды для проститутки — это как сказки для детей перед сном.

«Не опускай руки, даже если эти руки отрубят...» Не опущу.

Я купила черепашку. Карликовую, рыже-коричневую, с выпученными глазками, змееподобной головой. Медлительную и грациозную. Она обошлась дешево, около 15 долларов... Всегда мечтала завести живность, но у мамы была аллергия на собачью шерсть, грызуна запретил отец: «Еще крыс дома не хватало», а кошки у нас не приживались — заболели и дохли. Аквариум, по словам бабушки Аси, заводить было рискованно: «Кому-то рыбки приносят счастье, а кого-то обрекают на несчастья. Лучше не играть с огнем, внученька». В детстве, несмотря на присутствие брата, я страдала от одиночества. Хотелось привести домой щенка с улицы, кормить его вкусностями, выгуливать до школы и после, засыпать с ним в обнимку. Но маму огорчать не хотелось... Возвращаясь с занятий, я кормила бродячих собак. Завтрак, который мама по утрам клала в портфель, доставался длинноухой дворняге, хромающей на одну лапу. Я называла ее Белоснежкой. За белую шерсть, всю, правда, в уличной пыли.

Белоснежка была жутко пугливой. Я-то наивно связывала это с тем, что собачке страшно спать по ночам во дворе. Как выяснилось позже, Белоснежка страдала от побоев нашего районного электрика Данилы. Ранним утром он избивал несчастную дворнягу, вымещал на ней накопившуюся злость. От Данилы сбежала жена, взяв с собой единственного сына. И мужик сходил с ума... Когда я пошла в 8-й класс, Данилу нашли мертвым в подъезде № 7. Бессердечного электрика убило током. Я безмолвно радовалась за Белоснежку: с тех пор собака перестала бояться прохожих. Спустя год родила пятерых щенят. Теперь моя любимица стала Белоснежкой с пятью гномами...

О карликовых сухопутных черепахах я прочла в «*Rakonun sayfasi*».
[34] На следующее утро побежала в зоомагазин за миниатюрной подружкой. Продавец назвал этот вид черепах «русским», отметив, что их привозят из Южного Казахстана или Ирана. Какая, интересно, связь с Россией?... Также выбрала для черепашки небольшой аквариум и мешочек специального грунта с песком, чтобы засыпать дно, поилку и лампочку. Заплатив за все около 40 долларов, я, ошарашенная,

поспешила в отель. По дороге размышляла над именем. Выбрала Хаяль,^[35] с ударением на «я». Красиво звучит и со смыслом. Хаяль действительно стала осуществившейся мечтой: наконец-то рядом со мной доброе, молчаливое существо. Не осуждает и не предает. Мы будем вместе и в добрые, и в горькие дни...

Если верить консультанту зоомагазина, Хаяль всего два месяца. Он объяснил мне, чем кормить черепашку, в каких условиях содержать. «Аквариум — оптимальный вариант для сухопутной карлумбага»^[36]. По дороге из магазина зашла в «For you».^[37] свежие листья салата, по полкило помидоров, огурцов, маложирный творог, несколько видов зелени, все тоненько нарезать и еда для Хаяль готова. Никаких сухих кормов — пусть ест натуральное..

Сейчас Хаяль помещается в мою ладошку. Сразу начинает принюхиваться к пальцам, расширяя ноздри. В основном ест, спит в светлое время суток. Такая же «сова», как ее хозяйка... Дрыхнет со мной — я перекладываю ее из аквариума в маленькую коробку из-под шоколадных конфет, наполненную сорванной на улице травой. Хаяль зарывается под свое зеленое «одеяло», затихает. Иногда во сне тихонько сопит, ерзает в «кроватьке». А я иногда среди ночи вынимаю «мечту» из коробки, укладываю подле себя в луночку в пышном одеяле. Она моментально засыпает, даже не пряча в голову в панцирь...

Если светит солнышко, выходим на прогулку. В парке выпускаю Хаяль на волю, и под моим присмотром она ползает в траве. Замирает у одуванчиков. Видимо, отыскала деликатес себе по вкусу... Джемаль пока не в курсе о пополнении в своем отеле, благо карликовую черепашку трудно заметить. Ни сутенер, ни клиенты присматриваться к пустому, на первый взгляд, аквариуму не станут. Подумают, один из элементов декора комнаты. Сам Джемаль — не любитель животных, однажды не позволил мне завести котенка из-за возможности «мерзкого запаха в отеле». Надеюсь, о Хаяль он и не узнает. Честно говоря, мне наплевать на его мнение, черепашка уже стала частичкой моего стамбульского настоящего. Буду бороться. Я и без того отказалась от будущего, не позволю отнимать у меня настоящее.

Гадалка — полная бледнокожая женщина с коричневой родинкой над губой. Голубые глаза, лучезарная улыбка. Шеи почти не видно, волосы собраны под бежевой косынкой, одета в мышинного цвета балахон с длинными рукавами. Принимает посетителей в маленькой комнате старинного дома. Дворик перед входом переполнен худыми кошками. Комната у нее простая: стены побелены, у двери продавленный диван, у окна журнальный столик с подкосившимися ножками. В центре на полу истоптанный ковер с широкой золотистой подушкой, похожей на лепешку. Гадалка сидит на ней, по-турецки скрестив ноги...

Она и встречает, и провожает с улыбкой. Я и не знала, что ясновидящие могут быть такими дружелюбными. И, кажется, на деньгах не помешана: кто даст, тому спасибо; кто не даст — скатертью дорога. Мы сидим с Дашкой на диване, как испуганные котята. Прижались друг к другу. Даша нервно моргает. Я пристально наблюдаю за прорицательницей: «*Noş geldiniz!*»^[38] — и она с головы до ног укрывается огромным куском зеленой ткани. Открывает Коран, бубнит под нос какую-то молитву. Спрашивает мое имя. «Александра». Потом имя матери. «Лидия». Ясновидящая повторяет за мной имена со смешным акцентом. «*Bismillahir-rahmanir-rahim... Lidyanın kızı Alesandra...*»^[39] Затем продолжительная пауза. Я жду предсказаний. Даша по-прежнему дергается: увидит, мол, что мы проститутки, нашлет проклятие... «Даш, уймись, а? — шиплю ей: — К ней все шлюхи Стамбула бегают. Мы не первые и не последние. Внимательно слушай, запоминай. Вдруг я что-то пропущу...»

Из окна на сидящую гадалку падает луч солнца, будто привносит благословение с небес. Она заговаривает неожиданно. На турецком, с непонятными мне арабскими словами. Видно, из Корана. «*Вижу слезы. Плачет дерево твоей жизни. Слезы капаят в черное озеро. В нем плаваешь ты. Голая. Рядом двое мужчин. Один из них дьявол.*

Сероглазый. У него в руках твой стыд. Он покажет его всему миру. Посмеётся над тобой...» Становится жутко. Я начинаю поспешно задавать вопросы. *«Бесполезно пересаживать дерево. Оно уже пустило корни. После вечернего намаза завтра познаешь неизвестное. Смирись».* Что за абракадабра? *«Хорошо, предположим, судьба опять даст мне пинок под зад. Ну а что-нибудь положительное в моей жизни ты видишь?»* — *«Ты любишь телом. Скоро полюбишь душой. Как полюбишь, на твое плечо сядет ворон смерти. Захочет украсть душу. Сражайся, не отдавай... Выиграешь сражение — получишь награду».* Я в недоумении. Почему она говорит так загадочно? Только собиралась озвучить последний вопрос, как гадалка скинула покрывало, захлопнула Коран, встала на ноги: *«Доченька, ты расплачиваешься несчастьями за будущее счастье. Больше тут нечего добавить. Аллах в помощь».* Она покидает комнату, и трусиха Даша тут же выбегает за ней. Я оставляю 10 долларов на подушке и выхожу следом...

Я узнала о Месуде от Джемалья, тот частенько ходит к гадалкам. *«При такой рискованной работе без их помощи нельзя. Они указывают на врага, пока он не нанес первый удар. Месуде раз десять меня спасала. Вот Али из соседнего квартала однажды попросил нехилую сумму в долг. Я отказал, и он взбесился. Решил обчистить мой кабинет, потом поджечь отель. Месуде предупредила меня. Я пошел к Али, открыто заявил, что в курсе его паршивых намерений. Пригрозил убить его двух дочерей, если посмеет поджечь отель. Али обалдел и угомонился».* Джемаль и мне не однажды предлагал сходить к ясновидящей, но я отказывалась. Сразу в памяти всплывали слова бабушки — она была верующей, ходила в церковь, в сложных ситуациях советовалась с батюшкой. И вот бабушка говорила, что гадалки быстро умирают, не доживают и до пятидесяти, потому что каждое гадание сокращает жизнь. *«Нельзя заглядывать в будущее, иначе лишишься настоящего...»* Страх перед гаданиями засел во мне навсегда. Даже в старших классах, когда девчонки по воскресеньям собирались на даче у Леры погадать, я избегала поездок под самими хитроумными причинами...

А недавно сидела в компании с Босфором и задумалась о своей жизни. В голове ожили вопросы... И в этот момент позвонил Джемаль: *«Я отъеду на часок поболтать с Месуде, а ты возвращайся быстрее, к*

семи у тебя будут гости...» Я слушала Джемалю, произносила после каждого его слова «о'кей», про себя выбирая день для похода к гадалке. Я решилась. Интересно, что она скажет? Уж мое-то будущее — сплошной туман...

...Месуде проникает в судьбу обратившегося к ней человека через Коран. Между строк Писания она видит загадочные фразы на арабском, с тайным подтекстом. Нужно уловить суть предсказания, связать его с событиями настоящего. Джемаль говорит, что только шарлатаны выкладывают все прямым текстом, а настоящие ясновидящие редко называют имена — максимум первые буквы. Зато четко описывают внешность. И часто ошибаются в датах — событие предсказывают, но не время его исполнения. Джемалю виднее — он обошел почти всех прорицательниц Стамбула. Интерес к гадалкам в Турции повышенный, хотя в глазах верующих турков гадалки — дьявольские посланники... Рекламу в газетах, как в России, здесь прорицатели не размещают: о даре или шарлатанстве какой-либо ясновидящей можно узнать из уст в уста. Одни знакомые спрашивают у своих знакомых, эти знакомые спрашивают у родственников своих знакомых. Целая цепочка. Мне повезло, у Джемалю без проблем узнала адрес и, прихватив Дашу за компанию, поехала на западную окраину...

Все-таки после слов Месуде я разволновалась. Сначала не поверила, но, вспомнив истории Джемалю о даре этой женщины, задумалась. «...*Плачет дерево твоей жизни. Слезы каплют в черное озеро. В нем плаваешь ты. Голая. Рядом двое мужчин. Один из них дьявол...*» Что за несчастье впереди? Как отличить мне дьявола в потоке клиентов? Сероглазых в Турции пруд пруди. «...*Выйграешь сражение — получишь награду...*» Какое сражение? С кем? Вот сейчас записываю эти фразы в Дневник, стараюсь осмыслить их. Тщетно. Ничего не понимаю. Остается ждать сражения, черного озера, мужчину-дьявола. Вот ведь мне везет! Лучше бы Месуде предсказала мужа-олигарха и «Феррари», или дом в Ницце или хотя бы смерть. Я устала сражаться. И награды не хочу...

обхватив его правой рукой. «Оператор» приближает камеру, затем становится позади меня. Вытаскивает из брюк свой белый член, обтирает о мои ягодицы. Через десяток секунд курд кончает, Я вытираю простыней сперму с подбородка. Брезгую...

...Эпизод № 3, Заключительные 21 секунда. Мобильный в руках курда. Он снимает, как я делаю минет его русскому другу. Тот в порыве экстаза произносит: «Соскучился по нашим девкам...» Конец ролика.

Мне не стыдно. Чего стыдится? Я — проститутка. В ролике выполняю свою работу... Но как обидно! Воспользовавшись моим опьянением, клиенты сняли все на камеру, выложили ролик в Сети. С какой целью? У меня нет права обижаться. Нас, оплаченных «дырок», не уважают. Чего мне ждать от людей? Точно не восхищения и аплодисментов... Но ведь снимал не турок, немец или араб. Русский. Такой же русский, как я. Соотечественник. Если бы это сделали местные мужики, смирилась бы. А этот зачем?! Откуда он знает, какая жизнь заставляет меня спать со всеми подряд?... Алекса, перестань качать права. Ты проститутка. Ты не имеешь права голоса,...

...Когда Алька ушла, я заперлась в ванной и рыдала, как малый ребенок, Захотелось обнять маму, выплакать слезы в ее платье с родным запахом... Снова посмотрела запись. Разозлилась и разбила телефон о стену. Экран треснул, батарейка отлетела. Даже Хаяль вздрогнула в аквариуме. Кажется, я разочаровалась в людях окончательно. И в себе. Увидела Алексу со стороны, возненавидела навсегда...

Прошло несколько дней. Я продолжаю работать. Девочки политкорректно отмалчиваются — все, кроме завистливой Вали. Встретив меня в клубе, она с подковыркой заметила: «Лапочка, ты очень телегеничная. Может, из Стамбула в Голливуд переберешься, а?» Я смолчала, отхлебнув водки... Обижаться, переживать — роскошь непозволительная. Каждый день в Стамбуле — это деньги. Если я перестану приносить деньги, восточная книга моей жизни закроется...

У памяти тоже есть иммунитет — стирает то, что приносит боль. Случай с роликом скоро окончательно исчезнет из моей памяти. Вот только закончу описывать этот случай в Дневнике, и все... Иначе невозможно. Если память будет архивировать такие эпизоды, придется повеситься. Правда, каким бы сильным не был иммунитет памяти, я уверена, что все остается в душе. Боль отпечатывается на ее

поверхности темными несмываемыми пятнами... Как сказала ясновидящая? *«Один из них дьявол... У него в руках твой стыд... Он покажет его всему миру...»* Права оказалась Месуде! В таком случае впереди еще ждет «ворон смерти», который «захочет украсть мою душу». Судьба в очередной раз затеяла со мной игру на выживание.

Я стала у него первой. Он у меня — черт знает какой по счету. Я отнеслась к нашему сексу как к незатейливому рабочему процессу, а он — с душой. Думал прежде всего обо мне. Из него вырастет отличный любовник. Отличный любовник — это мужчина, во время соития смотрящий на партнершу сверху вниз, а не снизу вверх. Он смотрел мне в глаза. Прямо делалось неудобно от такой искренности. Он дрожал на мне, двигаясь медленно и осторожно. Перед тем как кончить, ласково предупредил. Если мужчина предупреждает о семяизвержении, он — стопроцентный романтик.

Озану 17 лет. Смуглый парнишка с крупными стопами. Брюнет. Набриолиненная голова с «мокрым эффектом». Тонкие губы, красивый нос, добрые глазки шаловливого лисенка. Брови эстетично срослись. Сильные руки, широкие плечи, худощавое тело. Кривоватые ноги, небольшая попа в две ладони. Занимается футболом. Лицо, уже приняв черты мужественности, еще хранит детскую миловидность. Молчаливый, серьезный. Он забавно курит, откашливаясь после каждой затяжки. Никотиновый «чайник». Подхожу к нему, подсаживаюсь рядом на подоконнике, вынимаю сигарету из пальцев. Подмигиваю, мол, учись, пока жива. Смачно затягиваюсь, сексуально выпуская дым — не весь сразу, миниатюрными облачками. Озан восхищенно хлопает в ладоши. Прижимается ко мне, утыкает нос в шею. Я запускаю руку под его белые трусы, глажу ягодицы, подбираюсь указательным пальцем к анальному отверстию. Оно волосатое, влажное, сжатое. Пытаюсь ввести палец. Он напрягается, отстраняется назад: «Niye bu?»^[44] Мне нравится, когда он злится. Нравится его восточное упрямство. Восточное или, скорее, юношеское? «Affet, yavrum... Şaka yaptım».^[45] Он хмурится, подтягивая выше пояс кристально чистых «боксерок» с красно-синим лейблом LCW.^[46] Наверное, домработница еще тщательно отутюжила, чтобы убить микробы. Чудесный домашний мальчик...

Он сбегает ко мне два раза в неделю с последних двух уроков. Два часа свободы. Два часа блаженства. Точнее, один час 45 минут. 15 минут требуется, чтобы одеться и добежать обратно до школьных ворот, где его дожидается шофер Левент. Он не только водитель семьи, но и верный информатор Бенал — матери Озана. Она контролирует все шаги единственного сына. Решение матери не подлежит повторному рассмотрению. По словам Озана, мать выбирает, с кем ему общаться; «Среди моих друзей нет ребят из простых семей. Как минимум это дети профессоров. Мама считает, что состоятельные должны общаться с состоятельными. Средние со средними... Чтобы не было зависти». Бенал не против того, чтобы сын контактировал с девушками. «Мои подруги — дочери маминых подруг, иначе быть не может. Это девушки, которые напоказ совершают намаз и одновременно не отказывают себе ни в чем. И травку курят, и в Интернете небезгрешно развлекаются». Отец Озана — главный продюсер одного из ведущих телеканалов. Ему не важен сын, ему важны рейтинги. После работы до ночи засиживается в кабинете, изучая итоги очередного социального опроса. Если рейтинг канала падает, рядом с бумагами непременно стоит бутылка водки для успокоения. Если рейтинг растет, появляется бутылка виски — отметить успех...

У Озана есть сестра Польшей. Бенал с ней не разговаривает. Сестра пошла против воли семьи, влившись в шоу-бизнес: запела, выпустила два диска, снялась полуголой для FHM,^[47] около полугода жила с Мустафой Сандамом^[48]... Отец, тайком от Бенал, помогает дочери. Раскручивает на других каналах, снабжает деньгами, всячески покровительствует. Мать запретила Озану даже вспоминать о сестре. «В школе часто спрашивают о Польшей, а мать не разрешает признаваться, что мы родственники, на людях. Приходится глупо врать. Одноклассники смеются...» Спрашиваю Озана: «Ты боишься матери?» — «Не боюсь, а уважаю. У нее больное сердце, ей нервничать нельзя».

Озан вышел на меня через товарища из старшего класса: «Он самый продвинутый в нашей школе! И дружит со мной. Нет, скорее, с моими деньгами. Я попросил его найти мне женщину для секса. Он договорился с Джемалем». Мой домашний мальчик говорит, что последнее время буквально сума сходил от возбуждения: «Осточертело самоудовлетворяться, хотелось попробовать по-настоящему» —

«Неужели к такому завидному жениху, как ты, не липнут девки?» — «Алекса, почти все турчанки выходят замуж девственницами. Поэтому бессмысленно заводить отношения без серьезных намерений. Невинные ласки, поцелуи мне не нужны. Я искал опытную женщину...»

Большинство ребят из окружения Озана лишаются девственности с проститутками. Некоторые набираются опыта друг с другом. В любой мальчишеской компании найдется «слабое звено» с гомосексуальной предрасположенностью, кто с удовольствием станет раком в раздевалке. Парни же, поимевшие изнеженного одноклассника, геями не считаются. Они просто удовлетворились, так сказать, неординарным способом... «Противно. Пару раз друзья предлагали так поразвлечься. Но я лучше заплачу деньги и лишусь девственности с женщиной. С такой красивой, как ты». Озан целует меня в шею, скользит губами до груди. Я впадаю в экстаз. Мальчишку долго учить не надо: сразу усек, где мои эрогенные зоны...

Целовал страстно и стеснялся страсти. Обнимал смущенно и стыдился смущения. Торопился и умирал поспешность... В первый раз всегда так. Я помогла Озану добиться желаемого. Женскими руками направила его мужскую силу. В первый раз важно не надломить. Немного подкорректировать, направить в правильное русло. В первый раз получается естественно, с долей животного инстинкта. Во второй раз иначе, более гладко. А потом уже процесс отдает наигранностью...

Меня восхищает открытость Озана: в нем нет притворства, заносчивости, высокомерия. Перед нашим первым сексом он признался, что новичок и не умеет «все сделать правильно». Увиденное в порнушке часто невоплотимо в реальности. Движения, позы, прикосновения — одни, а чувства и эмоции — совсем другие... Я попросила раздеть меня. Затем раздела его, прикасаясь губами к встревоженному телу. Легла на кровать, пригласив его лечь сверху. Немного приподнялась, раздвинув ноги. Сама задала ритм действия. Проституткам иногда хочется быть эгоистками: ведь по сути проституция — это изживание эгоизма из себя. Но даже трезвеннику иногда хочется вкусить отличного вина. С Озаном мой эгоизм возродился...

Кончил он быстро, но не преждевременно. Сам испугался. Я прижала к себе. Совсем скоро отправились на «второй круг»: теперь Озан кричал от удовольствия. Я и сама испытала оргазм, а оргазм с девственником — это как бутылка прохладного «Перье» в жаркой пустыне...

Со дня знакомства с Озаном я возненавидела Анну Курникову. Мой мальчик твердит, что знаменитая теннисистка — эталон красоты русских девушек: «Бесподобное тело, блондинка... В России все такие красавицы?» Злюсь, с сарказмом отвечаю: «В России есть покрасивее. Одна из них я». Озан краснеет. Целует в пупок. «Не сомневаюсь в твоей красоте. Ты особенная. Между прочим, у тебя потрясающие пятки...» — «Обычные пятки. Деформировались от каблуков» — «Нет... Они как подушечки, мягкие, белые». Я смущенно вска киваю с

кровати, наливаю себе минералки, Озан берет мобильный, посмотреть на часы. «Кстати, скачал в сотовый фотки голой Анны. Хочешь взглянуть?» — «Нееет, Озан!!! Насладишься ею дома в одиночестве... Отстань». Я ревную? Нет, конечно... Обнимаю Озана, глажу его нежную спину горячо облизываю его мальчишеские красные уши. «Родная, я спешу! Левент подъедет через считанные минуты». — «А может, удержишься? Курникову обсудим...» Он смеется. Встает, натягивает рубашку на голое тело...

Я изучила тело Озана, как свои пять пальцев. После секса он засыпает на 15–20 минут. Обнаженный закутывается в простынь, подложив под затылок правую руку. У него волосатые подмышки. Мне это нравится. Признак мужественности. Сильные руки с заметными бицепсами. Маленькие шоколадные соски, на груди волос мало. Выпуклый пупок, от которого вниз прорастает ниточка темных волос. Смотрится сексуально. Я обожаю целовать его шрам от аппендицита. Кожа у Озана пахнет мускатом и цитрусом. Три родинки на его животе составляют треугольник — это говорит о том, что мужчина целеустремленный, с легкостью преодолевает препятствия.

А вот на лице Озана мужественность пока не обозначена. Когда я смотрю на него спящего, во мне просыпается материнский инстинкт. Хочется взять мальчишку на руки, прижать к груди... Одно огорчает: в этой дружбе с моим мальчиком я переступила черту дозволенного.

Я с удовольствием с ним болтаю. В Озана нет юношеского максимализма. Умеет слушать, дать совет. Впрочем, есть в нем и детское озорство... Значительная разница в возрасте между нами не чувствуется. Он, как я, любит чай с лимоном. Как я, ненавидит есть из мокрой тарелки. Как я, трясется от черного шоколада, презирая молочный. И с таким же нетерпением ждет осень, хотя родился летом... По гороскопу мы несовместимы. Он — Рак. Я — Стрелец. Он — Вода. Я — Огонь. Но нам плевать на астрологическую несовместимость — уж если сгорать, то сгорим вместе...

Озан мечтал стать поваром, но после всемирного успеха Бэкхема передумал. Карьера футболиста стала его многолетней мечтой: «Во сне я вижу себя, играющего на одном поле с Дэвидом. Он пасует мне. Удар! Мяч несется... И в этот момент я всегда просыпаюсь! Интересно, забил бы я гол?» Я улыбаюсь, тереблю Озана за уши: «Конечно, забил бы! Верь в себя...»

Когда он вынимает деньги из портмоне, я прячу смущение за маской безразличия. Принимаюсь подтачивать ногти пилкой, копошиться в тумбочке в поисках противозачаточных таблеток, искать затерявшуюся под кроватью вьетнамку. Он кладет лиры на красный пуфик и запихивает бумажник в задний карман школьного рюкзака. Платит всегда больше положенного. Отказаться от денег — непозволительная роскошь, вне зависимости от статуса посетителя. Для Алексы он может быть больше, чем клиент, — для Джемала он остается клиентом при любом раскладе. Успокаиваю себя мыслью, что Озан платит за услугу, а не за человеческое отношение. Но вчера все-таки не выдержала, вернула деньги: «Знаешь, почему я не допускаю сердечности в отношениях с клиентами? Чтобы потом не было так тяжело, как сейчас. Мне приятно быть с тобой и ужасно неприятна мысль, что мое отношение к тебе оплачивается!»

Озан подошел близко, поцеловал в лоб: «Beynini böyle saçmalıklarla doldurma. Bunlar kağıt parçasından başka bir şey değildir, Ailemiz için birkaç kuruş yarar, o kadar. Annem Akmerkez'de bunun on katını rahat harcıyor».^[49]

Деньги Озана я отдаю Джемалу целиком. Отказываюсь от доли. Сутенер подозрительно щурится, интересуется причиной. «Мальчишка, бедняга, даже кончить не может... Еще молоко на губах не обсохло. Спиши на мою благотворительность». Сутенер складывает купюры в карман мятых льняных брюк. Теперь моя совесть чиста, я у Озана денег не беру. У Озана деньги берут обстоятельства.

* * *

Он раскрашивает мое одиночество многоцветней искренних чувств. Запылившийся с годами холст оживил 17-летний мальчик! Озан полон надежд. Я тоже хочу иметь надежду, пусть лживую... Он появляется, обнимает, берет в свои руки мою голову. Так не страшно. Я бережно раздеваю его: сначала тенниску, потом майку-безрукавку.

Прижимаюсь к горячему телу, вдыхаю привычный аромат, трюсь щекой о крепкую грудь. Слушаю биение молодого сердца. Почему я не сумела стать обычной женщиной? Почему у меня не так, как у всех? Я хочу плюнуть на все, убежать с моим мальчиком на край света и зажить простой жизнью там, где нас никто не знает.

Реальность набрасывается на меня как голодный лев на безвольную жертву. Я отмахиваюсь наяву, потом спохватываюсь и делаю вид, что хотела только погладить Озана по волосам. Насторожился. Он не понимает, что со мной происходит. Думает, наверное, что пьяна. Я расстегиваю его ширинку, приспускаю трусы, укладываю.

Обхватываю рукой отвердевший член. Аккуратно сажусь на него. Озан ласкает мою шею, облизывает подбородок. Приподнимает за ягодицы — настраивает нужный ритм. Он жаждет действия. «Нет. Стоп». Заглядываю в возбужденные глаза мальчишки: «Умоляю, Озан, замри. Я хочу, чтобы ты просто был во мне». Послушно кивает. Обхватываю ногами спину, сильнее прижимаюсь. Дыхание замирает. Закрываю глаза. Считаю секунды: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Распахиваю глаза и смотрю в потолок. На белом бетонном полотне оживает картинка из прошлого: я маленькая в бабушкином саду. Пытаюсь сорвать алую розу. Стебель упругий, шипы ранят пальцы, вот уже струйки крови побежали по рукам. Сорвать бутон так и не получается. Безнадёжно...

...С приходом лета я глубже познаю одиночество. Чаще выхожу в центр, наблюдаю за людьми. Смотрю на парочки, гуляющие по набережной, подслушиваю их. Каждому хочется стать героем любовной пьесы или только мне? Вспоминаю про Озана.

Может, я цепляюсь за моего мальчика как за последнюю надежду? Леплю из нашей дружбы более высокие отношения? Зачем? Кого мне обманывать? Себя? Что мне нужно больше, любить или быть любимой? Какая чепуха... Я сама во всем виновата. Нельзя было этого допускать...

...Я стала есть больше острого, хоть и страдаю язвой. Турецкий кофе питает мою гипертонию. Сама же рою себе могилу. Но другого выхода не ищу. Я от многого отказалась, чтобы еще отказаться и от Озана. Пусть будет рядом, и все. На большее я не надеюсь. Я как

животное в зоопарке, мечтающее о свободе, — никогда, никогда ее не будет...

На желтом настенном календаре обвожу голубым фломастером дни, проведенные в объятиях Озана. Голубой стал для меня цветом счастья, готова купить целый завод по выпуску голубых фломастеров и раздарить на улицах. Пусть каждый получит немного счастья...

Я медленно заболеваю. Им. Погружаюсь на дно океана слез. Мучаюсь от ноющей боли в желудке. Если сводит желудок, значит, влюбилась. До недавнего время я не помнила этого симптома, переживания последних дней напомнили. Страшно... Мои мысли следуют за ним. Где он, что он делает, когда придет... Я спрятала постельное белье, пропитанное запахом его тела, в ящик комода. Не понесу в прачечную. Часто достаю заветные простыню и наволочку. Хлопок кремового цвета с белыми аппликациями. Нюхаю и погружаюсь в соблазнительную истому минувших дней. Мой милый мальчик... Я хочу существовать с ним в унисон, стать его тенью — или воздухом, который он вдыхает. С легкостью проникать внутрь, наслаждаться теплотой юношеского тела. Я хочу держать руку Озана в своей руке. Я хочу курить вместе с ним по ночам, разглядывая звездное небо над уснувшим Босфором. И еще я хочу посылать к нему голубей с романтическими весточками. «Жду тебя, мой мальчик...»

Легче работается. Теперь в клиентах ищу черты Озана. Нащупываю ту же душевную мягкость. Улавливаю в столах тембр голоса Озана... Он забрасывает эсэмэсками — я обожаю их, одновременно презирая. Чертовы послания будят во мне то, что нельзя будить. Я теперь постоянно жду двойного sms-сигнала «Нокии», которая отобразит новые кружева его страсти. «Neden hep seni düşünüyorum? Neden sana doyamıyorum? Aleksa, cismim hep evde oturuyor, ama gönlüm hep senin yanında. Seni düşünmekten kendimi alıkoynamıyorum. Ya sen?».^[50] Читаю и плачу, как последняя дура. Читаю, держа палец на клавише «удалить сообщение», и не удаляю. «Gözlerim seni arıyor. Teninin kokusunu havadan almak istiyorum. Gözlerim gözlerini arıyor... Neden günlerim sensiz sönük geçiyor? Acaba aşık mi oluyorum?».^[51] Не отвечаю на эсэмэски, боюсь утонуть в чувствах. «Şu anda kiminlesin? Kendini kime armağan ediyorsun? Kimi

örüyorsun? Kiskaniyorum. Gerçekten. Kiskandığımı saklamak zorundayım. Benim seni istemeye hakkım yok. Sen benim değilsin. Sen — herkese aitsin. Kusura bakma.»^[52] Схожу с ума...

О нем тяжело писать в Дневнике. Перекладывая чувства на бумагу, я будто усиливаю их значимость. Эмоции... Все страницы, посвященные ему, изодраны и измяты — несколько раз пыталась уничтожить записи, и что-то останавливало. Подклеивала, даже разглаживала утюгом! Что я творю?

Если проститутка влюбляется, она обрекает себя на крах. Тем более проститутка в чужой стране. Надо мыслить трезво. Озан — ребенок. Озан не прислушивается к разуму. Алекса, а ты уже не ребенок. Ты уже забыла вообще, что такое проявлять эмоции. И ты сама должна остановить развитие этих отношений. Слышишь, сама!

...Прибегаю к Босфору. Сажусь на скамейку. Плачу без слез, молча кричу. Рассказываю беззвучно, Босфор, спаси, разучи любить, вырви из меня сердце, чтобы навсегда перестала чувствовать! Я не могу не думать об Озана. Я не должна думать... Босфор отворачивается. Скажи что-нибудь, не молчи! Если я свяжусь с Озаном, то могу лишиться всего. Стамбула, Хаяль, тебя, твоих птиц. Босфор хмурится: «Алекса, невозможно разучиться любить. Ты пойми». Но из каждой ситуации есть выход! — «Любовь — это не ситуация. Любовь — это награда. От нее не откажешься. Прими, гордись и верь». Босфор, а я же проститутка, ты не забыл? Я — никому не нужная русская девушка в мусульманской стране. Нелегалка, беглянка, продажная. Что мне даст эта любовь, кроме страданий? Если семья Озана узнает, то с легкостью уничтожит меня... Босфор утихает. Помощи нет.

«Любовь — это не ситуация. Любовь — это награда». Что это все означает?...

По утрам просыпаюсь одухотворенной. На веках больше не висят свинцовые гири, мешки под глазами исчезли, ушли вялость и сонливость. Радуюсь наступившему дню, каким бы сложным не был вчерашний. Сердце омывается светом любви. Чтобы сохранить первозданную красоту этого чувства, я запрятала его в себе Пусть живет внутри, под защитой... Если выпущу, все разрушу.

Принимаю клиентов в обычном режиме — они ведь покупают только тело. Я смирилась с судьбой и разрешила себе полюбить Озана. Он мучается в ожидании ответного чувства, но я держусь. Озан не услышит из моих уст «я тебя люблю». Так будет лучше нам обоим... А сумеет ли он разглядеть «люблю» в моих глазах?

Пью натошак чудо-чай, купленный у арабки на Египетском базаре, — волшебная смесь из цветков карликовой хризантемы, листьев лайма, лаванды, чабреца и стручков ванили. Торговка советует пить два раза в день: «Лечит хандру, наполняет смелостью, дарит веру, исцеляет от черной силы. В арабских странах его пьют невесты наутро после брачной ночи: прогоняют девичий страх перед началом семейной жизни». Напиток на вкус потрясающий, и действительно ощущаю прилив новых сил...

Вчера до вечера ходила по магазинам. Вынула десять сотен из тайника, твердо решив побаловать себя. Сначала зашла в магазинчик косметики: два новых цвета помады, лак для ногтей — перламутровый, серебряный, карамельный, ежевичный, айвовый, малиновый... Оттуда забежала в недорогой бутик. Симпатичная одежда турецких швейных фабрик. В Стамбуле глупо покупать шмотки зарубежных марок, сами турки шьют качественную, недорогую, стильную одежду. Выбрала самые симпатичные вещички: бордовый топ, две пары замшевых туфель, сиреневую юбку из эластичного хлопка, крепдешинное темно-фиолетовое платье. На осень смугло-оранжевый берет из ангоры. Приметила ботинки — денег не хватило...

По дороге в отель заскочила в кофейню. Разложила бумажные пакеты вокруг маленького столика. Заказала кружку имбирно-

жасминового чая, пудинг, абрикосовое варенье с грецкими орехами. Красота! Пока ждала заказ, через стекло наблюдала за суетливым потоком; разные выражения лиц, разные судьбы, разный достаток, разные взгляды. Почему все люди сразу не могут стать счастливыми? Почему все люди сразу не могут найти любовь? Официант приносит заказ, Размещает на столике: «Afiyet olsun!».^[53] Я улыбаюсь, достаю мобильный и набираю свою первую эсэмэс Озану: «Gözlerime daha sık bak. Benden almak istediğini onlardan alabilirsin... Kendine iyi bak. Görüşürüz. Senin A.. Okuduktan sonra, mesajı silmeyi unutma.»^[54] «Сообщение отправлено». Чай горячий, ароматный. Попробовала варенье в глиняной пиале — обалдеть! Ура, проститутки тоже испытывают невыносимую легкость бытия! Шикарный денек выдался.

* * *

Я вступлю с ним рука об руку в совершеннолетие. Разделю с ним свободу первого дня первого года взрослой жизни. 12 июля Озану исполняется 18. День рождения моего мальчика, заставившего вновь поверить в любовь. Я подарю этот день целиком ему — куплю на сутки саму себя у Джемалы. Это солидная сумма. То-то сутенер обрадуется. В такие дни он начинает верить в гороскопы, предвещающие только удачу: не нужно следить за клиентами Алексы, торговаться с ними, выклянчивать чаевые «за свежие простыни»... Я пока не знаю, где мы проведем столь знаменательный день. Впереди еще пять дней на раздумье. Одно знаю точно: мы будем вместе. 12 июля отец с матерью Озана уезжают на свадьбу племянницы в Анкару, поэтому семейное торжество перенесено на 11-е, воскресенье. Так что 12 июля, в понедельник, мы устроим с Озаном свой маленький праздник. Правда, на 11-е число у меня очередной zalim akşam, буду удовлетворять замначальника полицейского отделения. Но об этом думать не хочется — ведь на следующий день я буду с моим мальчиком...

...Подарок уже выбрала: в одном спортивном магазине обнаружила футбольный мяч с настоящим автографом Бэкхема. По словам продавца, мяч выставил на продажу повзрослевший фанат Дэвида. Ему удалось получить автограф экс-кумира в Лондоне. Просит

за мяч две тысячи долларов. Удалось сбить до 1500. Продавец оказался моим клиентом... Установила на мобильном напоминание: в ночь на 12 июля телефон запиликает. Как будто я могу забыть! Дата рождения Озана вписана в моем сердце...

Вчера Озан пришел с цветочным горшком в руках. Небольшим, керамическим, с восточными орнаментами. Пристроил на подоконнике. Солнечные лучи из окна тут же обласкали незнакомца — слабенький зелено-фиолетовый росток. Комната моментально наполнилась магическим ароматом — где-то резковатым, чертовски знакомым. «Озан, — говорю я, — только растений в моей крошечной комнате не хватало. Легче купить цветы, чем вырастить». Мой мальчик смахнул с рук песок, уселся в кресло и тяжело вздохнул. Протянул руку. Я протянула в ответ. Рывком притянул к себе, усадил на колени, провел пальцами по губам: «Милая, ты ошибаешься. Это не растение. Это настоящий любовный талисман». — «Озан, не пугай меня, объясни по-человечески...» Смеется: «А с каких пор боишься обычного базилика?»

Так вот почему запах показался мне таким знакомым! Обожаю базилик. Правда, в Стамбуле найти его затруднительно, продается все больше в сушеном виде... А для чего выращивать в комнате эту вкусную траву? Для салатов? Озан будто прочел мои мысли: «Во-первых, отличный аромат тебе обеспечен. Фиолетовый базилик пахнет нежнее, чем зеленый. Во-вторых, благодаря этому растению ты полюбишь меня, я надеюсь», и повесил нос. «Каким образом?» — «На Востоке существует поверье, что женщина полюбит мужчину, если он подарит ей горшочек с базиликом». Я даже смутилась. Стало жаль моего мальчика. Но я не могу сказать ему «я люблю тебя», так нужно. «Малыш, неужели ты веришь в такую ерунду?... Я тобою дорожу, я с тобой счастлива, разве этого мало?» — «Алекса, я хочу, чтобы ты любила, а не просто хорошо относилась... К тому же ты напрасно недооцениваешь базилик. Про его волшебные свойства мне рассказывала бабушка Айнур — она жила в Каппадокии, ^[55] отменно готовила и потрясающе колдовала. Я почти каждое лето проводил у нее. Помню, как мы с бабушкой выращивали базилик для гаданий: срезали побеги в начале цветения, когда они особенно душисты, собирали семена в шелковые мешочки...»

Озан вспоминал о колдовском таланте бабушки Айнур, а я запоминала методы ее «базиликовых» гаданий — на всякий случай. «Местные молодые парочки забежали к бабуле на проверку, мягко говоря, перспективности их отношений. Айнур клала два свежих листика базилика на горящий уголь в камине. Если они оставались на том месте, куда она их клала, быстро превращаясь в пепел, отношения двух влюбленных считались благословенными, Если листья с сильным треском разлетались, значит, отношения ожидал крах». Благодаря магической силе базилика бабушка Озана также помогала юным невестам избавиться от лишнего веса: «Давала матерям толстушек листья базилика, опрысканные настойкой фенхеля. Придя домой, те прятали один листик под посуду с едой дочерей. По старинному поверью, человек не сможет съесть ни кусочка с тарелки, если под нее тайно подложить базилик. Кстати, бабушка повторяла, что базилик приносит богатство тем, кто носит его листья в карманах...» Я замороженно слушала Озана, уточняла детали, интересовалась, как часто нужно поливать растение. Как оказалось, раз в день, по вечерам. По моим подсчетам, к концу сентября подарок любимого значительно вырастет. Так что обязательно погадаю на нас с Озаном. Может, заодно и пару килограммов сброшу...

Когда он уходит, всегда смотрю ему вслед. Как преданная собака, провожающая любимого хозяина. Смеюсь сама над собой: мне ли влюбиться по уши в 17-летнего мальчика! Перевидала столько мужчин и выбрала наивного школьника. Испытала столько разных оргазмов, а ласки этого юнца стали для меня воистину открытием. Озан рядом со мной даже тогда, когда находится на расстоянии десятков километров. Я чувствую тепло его дыхания на затылке. Он, в свою очередь, говорит, что в дни разлуки слышит биение моего сердца. Мы связаны — надолго ли? «Алекса, я с каждым днем сильнее ощущаю тебя. Вчера на уроке математики от возбуждения чуть не умер: явственно чувствовал на коже твои мягкие губы, хотя и сидел за партой один. Это какое-то волшебство...» Я смеюсь: «А может, вместо очередного уравнения ты подумал кое о чем другом?» Целует в кончик носа: «Я тебя люблю больше жизни. А ты?» — «Ты сам все знаешь, милый». Озан настаивает: «Нет!!! «Я тебя тоже люблю» — скажи так». Но я говорю о любви не словами, а действиями: снимаю майку, расстегиваю лифчик, ложусь на него. Жадно раздеваю. Шепчу в ухо: «Ты сводишь

меня с ума». Он перебрасывает меня на спину, стаскивает футболку, забывая об ответе на важный вопрос.

Я прогуливаюсь по паромной пристани Эминёню,^[56] рассматриваю облака, словно баллончиком сливок распыленные по небесно-голубой глазури. На часах 13:07. В обеденное время центр Стамбула напоминает пчелиный рой — шумный, суетливый. Люди спешат, забегают в переполненные кафешки, песня Босфора сливается со звоном посуды. Обожаю ритм Стамбула: при всей своей строгости он наделен мягкостью и сентиментальностью. В нем нет жестокой динамики Москвы...

Проголодалась. Но обедать в забитых посетителями заведениях малопривно, лучше перекушу на улице. Взгляд останавливается на красно-желтом павильончике, где готовят потрясающую рыбу: ее прямо на глазах прохожих ловят в Босфоре, очищают, бросают на решетку, под которой дымится уголь. После пяти минут копчения рыбу вкладывают в мягкую булочку, украшают по бокам листьями салата, кусочками помидора, сладким луком, посыпают сумаком^[57] или сдабривают лимонным соком — уммммм!

Сажусь на скамейку, наслаждаюсь турецким фаст-фудом, подкармливая одноглазую рыжую кошку. Она громко мяукает, отказывается от булочки, требуя кусочек рыбки с дымком. Делюсь. Уличные кошки такие же ласковые, брошенные, по нужде корыстные, как и русские проститутки здесь... В заднем кармане джинсов завибрировал мобильный — пришла эсэмэс. Я облизываю кончики пальцев, вытираю салфеткой сок помидора с ладони. Аккуратно достаю телефон. От Озана. «Bana kasten mi azap veriyorsun? Benim acilarım seni mutlu mu ediyor? Senin de bulunduğun o rezalet videoyu seyrettim. Bununla gurur mu duyuyorsun? Aleksa, sen kendini rezil duruma düşürüyorsun. Senden nefret ediyorum».^[58] Иной реакции я и не ожидала. А как должен реагировать мужчина, обнаруживший грязное порно с участием любимой?...

Вчера, пока Озан мылся в душе, я перебрала на его мобильный видеофайл Trax_v_Stambule.3gp. Сама раскрыла карты, какими бы тяжелыми не являлись последствия. Пусть лучше я покажу это Оза-ну, чем ему это покажет кто-то чужой. Скрывать бесполезно. Темное

всплывает наружу быстрее светлого. Я хочу быть открытой перед моим мальчиком, Пусть он не думает, что телом принадлежу только ему, что только он меня целует. Однажды он сам писал: «Ты — не моя, ты — всех», теперь Озан на все сто процентов убедился в этом. Я сохраняю спокойствие, но в глубине души испытываю боль. Босфор — единственный свидетель моей боли. Я не отвечаю на сообщение. А что можно ответить? Извиниться? Начиркать «я тебя люблю»? Смешно. Иногда отвечать на некоторые вопросы излишне. Ответы на некоторые вопросы известны до их появления... Закидываю мобильный в сумку. Кошка по-прежнему рядом. А у меня пропал аппетит, и я скармливаю оставшуюся рыбу обжоре: «Правильно, красотка. Запихивай в себя пищу, если даже желудок переполнен, ты же тоже не живешь одним днем. Понимаешь, что надо наесться вдоволь, завтра еды может и не быть. Знаешь, я тебе завидую: ты свободная, без документов, трахаешься по собственному желанию, любить тебе не воспрещено, добыванием денег не обременена. Здешний народ относится к вам, кошкам, с уважением, потому что много веков назад одна из вас спасла пророка. Эх, везет вам. Как там пелось в песне? Наверное, в следующей жизни я точно стану кошкой...» Собеседница моя запрыгивает ко мне на колени, облизывает подбородок, мол, не грусти, старушка, и на твоей улице будет праздник. А почему праздники нужно ждать?... Снова вибрация. Еще одна эсэмэс от Озана: «Neden cevap vermiyorsun? Neden böyle yaptın, söylesene? Neden bunu görmeme sebep oldun? Ben senden hiçbir zaman utanmadım. Ben seni önce kalben, sonra ise cismen seviyordum... Kusuruma bakma, senden birşey talep etmem de doğru değil. Mesajlarım cevap vermeni bile. Sen — benim değilsin. Bu gün bunu anladım».^[59] Снова не отвечаю. Нужно дать мальчику время: пусть переосмыслит реальность, сделает выбор. Этим поступком я не отказываюсь от Озана, а утверждаюсь в желании быть с ним. Не прятаться в пещере лжи, а быть вместе под открытым небом правды...

Я закуриваю сигарету, прощаюсь с кошкой. Расставшись со мной, она моментально находит утешение в объятиях маленькой девчушки, отщипывающей сладкую вату. Рыжая тоже не прочь полакомится десертом... Автобусом доезжаю до отеля. На часах 15:12. Нужно принять душ и отдохнуть до 6 вечера, жду в половине седьмого клиента. А вот и третья эсэмэс от Оза-на: «Neden senden

vazgeçemiyorum? Neden seni unutamiyorum?».^[60] Решила ответить: «Biz hep unutmak istediklerimizi zor unuturuz... Anla beni... sevgilim».^[61]

В дни депрессии я погружаюсь в мир разноцветной посуды. Прячусь от вязких переживаний за плоскими тарелками, пузатыми кружками, низенькими кофейными чашками, тяжелыми салатницами. Если просыпаюсь с депрессивными симптомами, моментально собираюсь в поход. Протираю лицо ромашковым кубиком льда, небрежно закалываю спутанные волосы, надеваю топ с потертыми джинсами, вьетнамки и буквально выбегаю из отеля.

В подобные моменты наплевать мне на внешность. Важнее важного сбежать от депрессии. Не дать ей развиться. Уберечь себя, сохранив рабочий ритм... Я постоянно хожу в один центральный магазинчик, где продают неординарную посуду по скромным ценам. Продавщицей там служит коротко остриженная татарка Роза. Летом она работает в Турции, а с наступлением холодов возвращается в Баку, где ее ждут две дочери-школьницы и пожилая мать. Я восхищаюсь Розой — она с таким достоинством проживает свою нелегкую жизнь... А я? Впрочем, у каждого свой крест.

Я провожу среди фарфора и керамики более трех часов. Рассматриваю кружки с желтыми физиономиями семейки Симпсонов, пепельницы из неоновоего стекла, глажу шершавые бока симпатичных мисок из грубой глины. Роза демонстрирует новинки: кофейный сервиз в японском стиле, весь в цветах сакуры, и керамическую солонку в виде мальчика с футбольным мячом в руках. При виде последней мои глаза наполняются слезами. Озан! Чистый взгляд, сильные руки, выпуклый пупок, мягкий голос, сладкое дыхание, юношеская искренность — о, как я скучаю... Опустив голову, отступаю в отдел фаянса. Роза в недоумении возвращается к кассе. Я проверяю календарь в мобильном — трое суток до дня рождения моего мальчика. Неужели мы встретим его совершеннолетие в разлуке?...

Со вчерашнего дня Озан не прислал ни одного сообщения. Не могу верить. Позвонила в службу поддержки Turkcell,^[62] чтобы проверить настройки мобильного. А может, технические проблемы? Болтливая операторша убедила меня в отсутствии сбоев в настройках

телефона и в сети. Значит, мой мальчик сделал выбор. Отказался от Алексы. А я-то, дурочка, поверила в другой финал... Роза упаковывает мне кружку и ту самую солонку. Плачу около 9 долларов и покидаю магазин в прежнем состоянии. Глупые проститутки верят в любовь. Мудрые проститутки верят в любовь лишь во время просмотра мелодрам... На обратном пути покупаю шампанское: поражение тоже можно отпраздновать.

Стираю из мобильного папку с эсэмэсками Озана, удаляю контакт Ozan, отключаю напоминание о дне рождения. Я хочу забыть. Не в первый раз приходится... На упаковке соли для ванны написано: «Натуральная соль с минералами бережно ухаживает за вашей кожей, избавляет от усталости, наполняет энергией Мертвого моря». А где взять соль, избавляющую от душевной тоски? Я погружаюсь в воду с головой. Пузырьки изо рта устремляются вверх. Распущенные волосы, точно водоросли, колышутся в бело-голубом пространстве. Я изо всех сил кричу под водой. Тошнота подкатывает к горлу, воздух иссякает в легких. Выныриваю и принимаюсь плакать...

Шампанское охладилось. Возвращаюсь в ванную с потной зеленой бутылкой и бокалом: откупориваю, наливаю золотистый напиток. Излишек пены течет по руке и стекает на кафель. «Поздравляю, Алекса! Новый провал в старой жизни...» Сначала пью из бокала, а потом и из горлышка. Взять себя в руки не могу: тяжелая потеря, и сама виновата, дура проклятая! Воспоминания нестерпимы: наши клубничные поцелуй. Первое признание из его уст. Горячий аромат верткого тела. Истории о бабушке Айнур. Базилик на подоконнике. А теперь следует забыть нашу мимолетную aşk hikayesi, [63] нашу короткую dolce vita. Одно мучает: как поступить с купленным в подарок футбольным мячом?...

Смесь воспоминаний с алкоголем рождает возбуждение. Соски отвердели. Дыхание участилось. Я снова чувствую ласки моего мальчика, его прикосновения. Я бы хотела еще один раз с ним, на прощанье. Чтобы сохранить в себе белоснежные сгустки его любви. Рука скользит по влагалищу... Мое тело дрожит и выгибается, а в голове всплывает фраза одного известного режиссера: «Мастурбация — это секс с человеком, которого любишь». Теперь так... Прощай, Озан. Прощай, моя dolce vita.

...34 часа без Озана. Целая вечность. Внутри у меня морозно и ветрено. Я замерзаю, кутаюсь в одеяло, прячусь от колючей вьюги. Слушала погоду: сообщили, что на улице +32. А я умираю от холода... Хаяль спала ночью на соседней подушке — отказывалась наблюдать за моими переживаниями из аквариума, когтями передних лапок царапала стекло, рвалась на волю. Все часы без Озана черепашка была со мной рядом. От еды отказывалась. Пару раз я прятала Хаяль в приоткрытом ящике тумбочки — зачем малышке видеть хозяйку с голыми мужчинами?...

...34 часа без Озана. Яркая летняя пора поблекла на глазах. Открываю гардероб, ищу любимые майки радужных цветов — для поднятия настроения. Вещи на месте, но как будто лишились красок. Поливала базилик, он тоже изменился в цвете, стал из фиолетового черным. Смотрела на солнце из окна — оно определенно побелело... Моя жизнь стала похожа на толстый фотоальбом с черно-белыми фотографиями. Все одинаковое, скучное и безразличное...

...34 часа без Озана. Страшный сон, от которого сложно очнуться. Некогда чудесное царство Морфея превратилось в темный подземный мир. Грязный, заболоченный, с гигантскими крысами. Засыпая, я перемещаюсь в это ужасающее подземелье, брожу по сырým лабиринтам испуганная, потная, почему-то босоногая. К ногам липнут прожорливые пиявки, по спине бегают мохнатые жучки, к горлу подступает что-то мерзкое, горькое. Во сне я шла в поисках дороги в Стамбул, где меня ждали Озан, Хаяль и Босфор... Странно: меня не покидала уверенность, что путь в реальность есть. И я отыщу его...

...34 часа без Озана. Без слез. Скрываю боль — Джемаль ничего не должен заподозрить, иначе я лишусь Стамбула. Следом за Озаном потерять еще и любимый город... Упаси Господи! Перечитывала последние десять страниц. Записи наполнены такой любовью к Озану — читаю и становится легче. Я прощаюсь с моим мальчиком. Хотелось бы написать ему письмо. Короткое. Может, даже эсэмэс. Поблагодарить за подаренную любовь и признаться, наконец, в любви.

Но это бессмысленный поступок. Как-то слюняво это. Буду хранить это признание в душе...

...34 часа без Озана завершились совершенно внезапно. Конец моим мучениям положил эсэмэс. Когда я услышала двойной сигнал, не поверила ушам. Подумала, очередная рассылка рекламной службы Turkcell. Ошиблась! Он вернулся! Меня накрыло волной счастья — и все цвета сразу вернулись на свои места...

Я возвращалась в отель подавленная и неожиданно услышала знакомый сигнал сотового в сумке. Удивилась. Замерла. «Başını kaldır. Önüne baksana... Ben burdayım».^[64] Эсэмэс пришла с номера Озана. Но впереди, кроме незнакомых прохожих, никого нет. Может, кто-то из друзей Озана решил подшутить? Иду дальше — опять сообщение: «Seni dünyada herkesden daha çok seviyorum. Senin kime ait olduğun umrumda bile değil. Seni istenilen kişiden geri kazanabilirim... Öptüm».^[65] Еще раз проверила номер — да, точно Озана. И стиль похож — частые многоточия. Мой мальчик возвращается? Так повезти не может. Телефон снова запищал, еще сообщение: «Sen benim güneşimsin... Güneş olmadan hiçbir insan hayatta kalamaz... Özellikle eğer bu insan bu güneşe aşıkrsa... Sen çok yakindasin».^[66] Я в шоке оглядываюсь вокруг. Озан, где ты? Набираю ему — как назло, закончились деньги на сим-карте. Что делать? Надо кричать. Громко звать Озана, он где-то рядом. Не важно, что Джемаль может услышать. Уже собираюсь крикнуть, как получаю четвертое сообщение: «Arkana bak. Ben güneşi görmek istiyorum...».^[67] Медленно оборачиваюсь — передо мной стоит он. В десяти шагах. Между нами проходят люди. Между нами пролетают ветра. Но они нам не помеха. Мы будем вместе. Бегу к нему. Он бежит навстречу. Обнимаемся. Прыгаю на него, целую в губы: «Seni seviyorum, Ozan!».^[68] Готова повторять эти слова всю жизнь...

...Тушит в сковороде мелкие перченые кусочки куриного филе, периодически подливая по столовой ложке воды. Мясо под затуманенной крышкой шипит, набухает, выпускает сок. Протыкает курятину кончиком ножа. Готово. Выпаривает воду из сковороды, добавляет четыре столовые ложки оливкового масла и стакан молотого миндаля. Тщательно мешает, прожаривает. Ближе к готовности посыпает курятину с миндалем мелко нарезанным персиком и поливает лимонным соком. Отключает плиту, плотно закрыв крышку. Устало вздыхает и, промокая салфеткой капли пота над губой, просит меня разложить приборы. Знаменитое на Востоке блюдо — куриный фисинджан — выглядит аппетитно...

Мужчина на кухне — это не только лестно, но и жутко сексуально. Пока Озан готовил ужин в честь примирения, я, нарезаю салат, наблюдала за его действиями. Он стоял у плиты в одних трусах — подтянутый, смуглый, быстрый. Белые «боксерки» растягивались на аппетитной попе, немного сползли вниз, обнажая копчик. Я смотрела на моего мальчика и мысленно целовала каждую частичку его тела. Время от времени награждала Ozana комплиментами. «Твоя попа — как булочка. Хочется откусить...» «Любимый, чертовски сексуально смотришься со сковородой в руках. Курица, наверное, в экстазе от твоих прикосновений...» «Эй, осторожно, не обожги своего дружка. Нам он еще понадобится...» Он смущался, корчил рожи, умоляя не отвлекать от кулинарного процесса: «Алекса, еда может обидеться. Любой продукт требует к себе пристального внимания: например, курятину нельзя солить перед готовкой, только за пять минут до снятия с огня. Иначе мясо сморщивается, становится жестким». Я в восхищении: «Откуда ты этому научился? Лучше бы пошел в повара, чем в футболисты.» — «Школа бабушки Айнур. Она отлично готовила. Кстати, бабуля ела исключительно рыбу. От всех видов мяса отказывалась — в них дух измученного смертью животного. Например, коровы чувствуют смерть за несколько часов до ее наступления и страхом отравляют свое мясо. Так она говорила.

Я тоже одно время питался рыбой — долго не продержался, сил ходить на тренировки не было...» Озан часто готовит дома. «Для души. Получаю колоссальное удовольствие, будто заново рождаюсь... Для тебя, любимая, готовить особенно приятно. Вкладываю не только душу, но и всю любовь к тебе». Я подхожу к Озану, целую в губы. Ласкаю рукой «мешочек» под трусами. Уснувшая на время страсть моментально просыпается. Он срывает с меня стринги, задирает платье, укладывает на кухонный столик. Слизирует с моих пальцев капли лимонного сока, Фисинджан остывает...

Мы стали заговаривать о будущем. Как-то непроизвольно. Отныне не вспоминаем о прошлом, смотрим только вперед, Я рисую с помощью Озана картину собственного будущего. Пока не могу сказать, кто в нем будет, какой в нем буду я. Рановато. Радует, что оно хотя бы появилось... Познакомила Озана с Босфором: они столько лет прожили практически бок о бок, но до сих пор не общались. Озан, встречая Босфор, молчал. Босфор, наталкиваясь на Озана, тоже молчал.

«Друзья Алексы — мои друзья», — улыбнулся Босфор моему мальчику ободряюще: «Помню я тебя, Озан. Ты, любопытным мальчишкой, часто приходил на набережную с какой-то девочкой. Помню, как вы наблюдали за рыбаками, заглядывали в их ведра, жалея мучающихся в неволе рыбешек...» Озан закуривает. «Да, было дело. Теперь нет той беззаботности. Польшей отделилась от дома. Эхх...» Босфор теперь обращается ко мне: «Помнишь, как на прошлой неделе приходила, просила разучить любить? Даже обиделась, когда отказал в помощи. Сейчас-то ты понимаешь, как прекрасно любить?! Береги в себе чувство». Я краснею. «Извини. Паниковала...» Босфор прикасается к нам освежающим морским бризом. Настоящий друг...

...Обнявшись, мы с Озаном сидим в кресле. Листаем кулинарную книгу: ищем легкое в приготовлении, вкусное мясное блюдо. Готовимся ко дню рождения. Я предлагаю ограничиться салатиками. «Без мяса не могу, любимая. Тренер советует есть побольше белковой пищи.

В сентябре нам предстоит игра с молодежной командой из Грузии — надо сохранять форму». Я прижимаюсь к нему: «А знаешь, меня всегда дико возбуждали футболисты. Такие дерзкие, сексуально-худощавые, с такими мужественными ногами... Судьба не зря послала

мне тебя». Он спрашивает, кто из современных игроков мне нравится. «Я матчи не смотрю, но часто встречаю в журналах статьи о Матерацци. Страстный итальянец. Красивый негодяй — так я называю подобный тип мужчин...» — «А ты бы переспала с ним?» — спрашивает Озан и отворачивается. «Не переспала бы. Но сделала бы классный минет!» — смеюсь я. Он злится. «Шучу, милый, прости... У нас, Стрельцов, язык без костей...» Хмурится: «Я заметил». Я трюсь носом об его небритую щеку: «Ты — самый сексуальный футболист на свете. Запомни, Озан. И вообще про Матерацци пишут, что он скрытый гей, хоть и отец троих детей...» Мой мальчик обнимает меня. «Не пори чушь! Марко настоящий мужик, великолепный игрок». Мужская солидарность...

Шопинг расслабляет кого угодно, кроме меня. Мотаться из одного магазина в другой, примерять одежду в душных кабинках, терпеть заискивающий щебет продавщиц — худшее из времяпрепровождений. Поэтому, когда нужно купить какую-либо одежду, я направляюсь в конкретный магазин, где это точно продается. Мне наплевать, что в соседнем бутике цены могут быть ниже. Зачем тратить время на копошение в тряпках, если могу посвятить его Озану или Босфору? Разумные предпочтения...

Сегодня четыре с лишним часа выбирала платье для Дня рождения моего мальчика. Носилась по «Джавахирие»,^[69] презрев свое отношение к шопингу. Если любишь, забываешь обо всем, о плохом в первую очередь... Я должна выглядеть шикарно — с такой мыслью исходила все магазины центра. Не важно, какова цена у платья, лишь бы я смотрелась в нем сногшибательно... Обойдя три этажа «Джавахирие», в конце концов остановила выбор на миленьком облегающем платьице из новой коллекции Zara: черный тонкий шелк, глубокое декольте отделано алыми кружевами, спинка — нежным шифоном. Примерила, покрутилась перед зеркалом, сняла и направилась к кассе. Я уверена, Озану понравится. Выходила из магазина с темно-синим бумажным пакетом, предвкушая приближающийся праздник: всего через 48 часов моему мальчику исполнится 18... И только спустившись на этаж ниже, я поняла, насколько устала, к тому же жутко проголодалась — с утра в желудке побывала кружка яблочного чая с кусочком кадаифа.^[70] Решив передохнуть, завернула в «Кентаки»,^[71] соскучилась по перченым куриным крылышкам. Подкреплюсь, покурю, а потом уж в отель: сегодня вечером намечается клиент. Странно, обычно в пятницу мужчин больше, чем в воскресенье... Ничего, все равно впереди *zalı́m akşam*, он высасывает все соки...

...За соседним столиком две блондинки, рядом с ними мальчуган лет семи-восьми пьет колу. Русские. Курят тонкие «Вог». В Турции практически не курят тонкие сигареты — в основном крепкие «Мальборо»... Непроизвольно подслушала их разговор: одна

рассказывает другой о том, что покупать кожаные изделия в центре Стамбула нежелательно. «Сашка говорит, здесь есть специальный район, там лучшую кожу продают. Зейтинбурну^[72] вроде называется. Туда надо съездить — купим сумки, дубленочки, я еще хочу Гришке куртку присмотреть. Надо завтра утром в этот Бурну попасть. У нас вылет в воскресенье? Так, давай-ка гляну точно, в котором часу...» Мальчик, задумавшись, откидывается на спинку стула. Надувает желтый пузырь из жвачки, глазеет по сторонам. Неожиданно обращается к той, что рассказывала про Зейтинбурну: «Мам, мы скоро в Москву вернемся?» Женщина быстро отвечает, на секунду оторвавшись от обсуждения верхней одежды: «Через два дня, Влад». — «Мам, мне здесь не нравится. Я домой хочу. Здесь говорят на каком-то смешном языке». Женщина не обращает внимания.

«Мам, а в Москве никак нельзя купить эту кожу?» Блондинка прерывается, вздохнув украдкой. Берет салфетку, вытирает рот сыну. «Лучше ешь, поменьше говори. Тебе еще колы купить?» Мальчуган кивает, жвачный пузырь лопается...

Я отрываю взгляд от соотечественников, тушу сигарету. Иду к выходу. Никогда не вернусь в Москву. Я чужая и там, и здесь. Тогда каким континентам принадлежу?... Не вижу жизни вне Стамбула. Иногда, проезжая по мосту над Босфором, закрываю глаза. Стараюсь представить себя в другом городе в другое время. Например, снова в Москве. В стенах квартиры детства, в родных переулках. Безрезультатно. Сплошная темень. Открываю глаза: вокруг Стамбул. По-другому быть не может. По-другому я не хочу, чтобы было. Твоя страна там, где живет твое сердце. Мое сердце здесь навсегда. Я не ищу пути обратно: Москва — прошлое, Стамбул — настоящее. Каким будет будущее, время покажет...

...В отеле, где я живу, среди турецких телеканалов настроен один российский, «РТР Планета». Иногда включаю телевизор, натыкаюсь на родной язык, знакомые лица. Чаще попадаю на «Субботний вечер»: Басков, Киркоров, Ротару, Варум с Агутиным. Смотрю на экран, и мне кажется, что из него появляются руки, которые хотят затащить меня в прошлое. Начинаю задыхаться. Быстро нажимаю на кнопку пульта, переключаю канал. Появляется картинка с логотипом Show TV: переключаюсь с прошлого на настоящее. Надо узнать у Джемалы, как

заблокировать на телевизоре отдельный канал. Боюсь возвращаться туда, откуда пришла. Туда, откуда нет дороги обратно...

Заразившись СПИДом, автоматически оказываешься в списке «бракованных». Этот безжалостный список пополняется, к счастью, не так часто. За последний год три русские проститутки в Стамбуле стали «бракованными». От них моментально отворачиваются коллеги: с «бракованными» запрещено общаться, их нельзя узнавать на улицах. Попадание в список «бракованных» — дело везения. Осторожность, презервативы — все это сказки из серии уличных плакатов типа «Скажи «нет» СПИДу». Проституток учат выживать не книги, журналы и листовки. Лучшее учебное пособие — жизнь в самых разных проявлениях...

У Лары обнаружили СПИД. Сегодня утром ее сутенер получил результаты анализа, а вечером избавился от нее. Выгнал на улицу. Кому нужна отработавшая свое симпатичная кукла? Лара просила у девочек помощи, разыскивала меня. Повезло мне задержаться в «Джавахирие». Вот дурёха. Кому нужна лишняя головная боль? Каждая за себя. Если я завтра стану «бракованной», от меня так же отвернутся, и сама Лара поступила бы аналогично... Честно говоря, мне ее жаль. Лара — хорошая девчонка, глуповатая, но с чутким сердцем. Хорошим девчонкам не везет чаще, чем плохим. Она приехала в Стамбул из Саратова: миловидная брюнетка с ясными глазами, стройная, широкоплечая, некогда подающая надежды пловчиха. Она верила, что когда-нибудь выйдет замуж за богатого турка, откроет бассейн для детей, станет тренером. Что останется Ларе теперь? «Бракованные» проститутки лишены права мечтать. Им остается жалкий осадок на дне жизни... Каждая из нас рискует оказаться в списке «бракованных». Каждая из нас раз в месяц с сутенером ездит в анонимный центр в азиатской части города сдавать кровь на ВИЧ. Мы уже перестали дергаться в ожидании результатов анализов. Если вирус не выявлен, значит, месяц удачный. Если вирус обнаружен, жизнь не удалась. Простая философия...

Сутенеры безжалостны к «бракованным» девочкам; никаких разбирательств, обвинений, избиений. В лучшем случае разрешают собрать вещи. Сутенеры зараженных «бабочек» держать не станут —

слишком дорого заплатишься, если об этом узнают представители госструктур. Никакая взятка не поможет... Часть «бракованных» девочек вынуждена сниматься в турецкой «клубничке». Она круглосуточно демонстрируется по кабельным каналам Стамбула. За 40–50 лир они имитируют перед камерами бурный лесби-секс, в подвальных помещениях, на провонявших сыростью матрасах. Это для них единственная возможность заработать на лекарства... Лара грозила покончить с жизнью, плакала, кричала, умоляла сутенера оставить ее хотя бы уборщицей... А мы обсуждаем с девочками эту историю как обычную светскую сплетню. Стали бесчувственными...

На самом деле эта история поднимает во мне целый ураган чувств. Страшно. Ведь в следующем месяце в «черном списке» могу быть я... С появлением Озана меня пугает ежемесячная сдача анализов. Каждый раз, получая распечатку с результатами, я, как будто благонравная мусульманка, молю о помощи Аллаха. Страх увидеть «+» пробирает до костей. Я не думаю о себе — думаю о нас с Озаном. Слишком дорого мне досталась любовь...

...Со вчерашнего дня настаиваю на презервативах. «Резинки» с ментоловой отдушкой единственная возможность уберечь нашу любовь. Для моих постоянных клиентов это непривычно. Многие из них стали платить больше, решив, что я настаиваю на сексе в «скафандре» из-за отсутствия дополнительных «чаевых». Я ничего не объясняю, что тут скажешь? Что любовь возродила во мне симпатию к безопасному сексу? Ей-богу, смешно. Если клиент начинает возмущаться, отвлекаю его качественным минетом. Моментально успокаивается, забыв о ненавистных «резинках»...

...Какое у нас с Озаном будущее? Сколько будет так продолжаться? Как долго я буду спать с другими мужчинами, одновременно признаваясь в любви моему мальчику? Думать об этом глупо. Все равно ничего путного на ум не приходит. Несмотря на нашу любовь, мы с Озаном живем в разных измерениях. Он — под ласковым солнышком. Я — под грозowymi тучами. В его жизни есть будущее, в моей горизонты размыты. Он здесь свой, я чужая... Прогоняю грустные мысли. Не буду портить себе настроение перед днем рождения Озана. Через 24 часа окажусь в его объятиях. Через 24 часа начнем готовить всякие вкусности, чтобы в этот вечер же их съесть...

Пора собираться на zalim akşam. Вот только согласится ли полисмен на презервативы? Вряд ли...

...В дыхании поселился хриплый свист. Легкие отяжелели, будто заполненные горячим гравием. Не могу разомкнуть глаза. Веки склеены густыми солеными слезами. Холодно, темно, сыро. Я — на дне засыхающего колодца. Где он находится? Смогут ли меня отыскать? Кто будет искать?... Сжимаю пальцы в кулаки: длинные ногти сломаны. Жаль. Я с трудом отрастила их, накануне сделала маникюр, покрасила грейп-фрутовым лаком. Теперь придется покупать накладные ногти. О чем я думаю? Алекса, лучше разберись, где ты. Голова трещит. Не могу сориентироваться. Вокруг вода. Холодная. Течет откуда-то сверху. Струя ровная, сильная. Значит надо мной кран. Шевелю ногами — резкая боль в области поясницы. Что-то острое протыкает насквозь. Царапает позвоночник. Задерживаю дыхание. Хоть бы боль прекратилась...

Зову маму. Мы всегда ищем матерей, когда нам тяжело. Вне зависимости от того, в каком возрасте находимся... Я застряла в кошмарном сне. Сейчас появится мама, включит свет в комнате, обнимет, и все ужасы исчезнут. Секунды, минуты. Она не появляется. Как же так? Мамы всегда приходят на помощь. Даже когда их нет рядом. Может, я слишком далеко? Может, ей сложно добраться до Стамбула? Кусаю от разочарования нижнюю губу. Рот наполняется кровью. Она теплая. Пресная. Легчает. Ужасно хотелось пить. Вспоминаю лицо мамы: сосредоточенный взгляд, голубые глаза, светло-коричневые веснушки, прядь русых волос на лбу. Она улыбается. Протягивает руку. Зовет к себе. Спешу очутиться в ее объятиях, бегу к маме И в двух шагах от нее проваливаюсь в черную яму. Лечу вниз. Мама смотрит сверху. Плачет...

Когда я вернусь туда, где была еще вчера (а точно ли вчера?), куплю много светильников. Разных форм. Обставлю ими комнату отеля, включу все одновременно, окунусь в желтое пространство электрического света. Больше никогда не буду спать в темных комнатах. Больше никогда не буду заниматься сексом при выключенном свете. Больше никогда не буду закрывать шторы, прячась от навязчивого летнего солнца, Навсегда избавлюсь от

темноты, в вязкой трясине которой сейчас медленно лишаюсь жизни. Я готова отдать все чердачные сбережения, лишь бы сейчас зажегся свет... Когда вернусь туда, где была (а точно ли была?) еще вчера, каждое утро буду принимать солнечные ванны на чердаке. Пропитав кожу тела увлажняющим кремом, буду часами нежиться под лучами ласкового утреннего солнца. Кожа приобретет бронзовый оттенок, плечи покроются пигментными пятнами, а я не буду переживать. Наоборот. Буду радоваться тому, что расцветаю, а не гибну, как сейчас, во влажной темноте заброшенного колодца... Мама, где ты?...

...Потеряла счет времени. Отключаюсь, просыпаюсь, плачу. Сколько минут прошло? Сколько часов я здесь? Мои руки не скованы наручниками. Меня не бьют, не пытаются, не насилуют. Меня забыли. На дне колодца или...? Не знаю. Искалеченную куклу выбросили на свалку. Долго так не протяну. Из вен вытекает кровь, смешивается с водой, утекает в трап. Неужели умру так глупо? Нет, я никогда не мечтала о смерти в теплой постели. Хотелось умереть неожиданно. Или заснуть и не проснуться: Реальность, как всегда, в корне другая: я в неизвестном месте истекаю кровью, не имея возможности попрощаться с Босфором. Худшая из смертей... Из последних сил двигаю рукой, нащупываю окружающие предметы. Мокрый кафель, раковина, рядом что-то стеклянное, похоже на мыльницу. Надо дотянуться до крана. Переключить воду. С холодной на теплую, чтобы не замерзнуть окончательно. Нащупываю кран. Удерживаюсь за него, приподнимаюсь. Получается. Я на коленях. Еще чуть-чуть и выберусь на свободу...

...Выползаю из ванной комнаты. Подо мной уже не холодный кафель. Мягкий ковер. Запах чистящего средства. Я по-прежнему не могу открыть глаза, передвигаюсь на ощупь. Я в какой-то комнате. Воняет никотином, алкоголем и... спермой. Передергивает. Ложусь на ковер. Силы иссякли. Где я? Стараюсь вспомнить. Туман. Внезапно комнату наполняет телефонная трель. Кто-то кому-то звонит. Замираю. Не дышу. Трубку не поднимают. В комнате никого нет? Надо доползти до телефона. Снять трубку. Молить о помощи. Ползу дальше. Трель становится ближе. Значит, телефон рядышком. Осталось совсем мало. Резкий удар по спине. Меня все же ударили или боль снова проснулась? Рот опять наполняется кровью. «Интересно, будет ли скучать Босфор по Алексе?» Последняя мысль. Темнота сгущается.

Телефонная трель оборвалась. Жизнь не проносится кинолентой перед глазами, чушь. Так бывает в кино или в дешевых романах. В очередной раз убеждаюсь, что реальность другая...

Мне больно говорить. Разбитые губы еще не зажили. Опухли и покрылись темно-бордовой корочкой. Периодически смазываю их гелем из прополиса. Ничего не ем, пью через трубочку куриный бульон, свежавыжатый portakal suyu^[73] для поддержания иммунитета, Я смогла восстановить хронику событий. На страницах Дневника расписала произошедшее, Выговорилась. Если бы не эти записи, выжила бы из ума. Во-первых, чисто физически рассказывать сложно. Во-вторых, не хочу никого загружать проблемами. Сейчас моя единственная цель — быстрее встать на ноги. Перестать быть обузой. Рядом со мной только Он. Коллеги моментально разбежались, чего в принципе стоило ожидать. Джемаль ждет моего скорейшего выздоровления. Когда золотая рыбка снова начнет приносить para?^[74] Озан большую часть времени молчит. Сидит рядом, поправляет подушку, готовит бульон, нежно массирует руки, ноги. Он не плачет, плачу я. Он сосредоточен. Понимает, что если позволит себе размякнуть, то мы пойдем на дно. Вместе... Озан много думает. О чем-то одном. Я хочу пробраться туда, в мысли любимого — подслушать, узнать, понять... Придя в себя, написала ему записку: «Я испортила тебе день рождения. Извини». Прочитал. Взял фломастер, начиркал слова, излечивающие любые раны: «Я тебя люблю... Это самое главное». Я заплакала. Он встал, пошел к кухонному столу — выжимать апельсиновый сок. Сок оказался соленым от тайных слез моего мальчика...

...Буду жить, заверил врач. «Легко отделалась, Алекса. Поблагодари Аллаха. Раны заживут, гематомы рассосутся. Нужно время и тщательное лечение». Меня бесчеловечно избили, судя по ранам, резиновой дубинкой. Открытых ран меньше, гематом больше. Разрывов внутренних органов нет, обошлось. Самая травмированная область тела — поясница, там глубокая рана. Видимо, ударили чем-то твердым. Два раза в день Озан промывает рану антисептическим раствором, накладывает повязку с жидким антибиотиком. Озан платит моему врачу в двойном размере: за незаконное лечение на дому и за

молчание. Никто, кроме меня, Озана и Джемалья не должен ничего знать...

...Меня нашли в низкопробном отеле в одном из темных переулков Шишли.^[75] Это место выбрал для zalim akşam'a начальник полицейского отделения. Именно он, пьяная скотина, распустил руки, когда я посмела отказать в анальном сексе... К счастью, администратор шишлинской гостиницы оказался товарищем Джемалья. Обнаружив под утром меня в номере, в крови и без сознания, он созвонился с моим сутенером. Попросил срочно приехать за мной. Джемаль привез меня в отель, вызвал врача. Озан приехал к полудню понедельника — с продуктами, сладостями для празднования дня рождения. Подарком моему мальчику стала изуродованная русская проститутка, которую он полюбил на свою голову...

...Мучает температура с бессонницей. Градусник показывает то 36,3 то 39,4. Сбиваем жар таблетками, открываю Дневник, начинаю писать. Дневник — лучшее спасение от бессонницы... Время от времени я впадаю в сонную истому. Вижу себя в объятиях Босфора. Я в малиновом купальнике резвлюсь в водном царстве восточного друга. Рядом проплывают рыбки с оранжево-золотистой чешуей, над головой веселятся чайки, приносящие в июльский Стамбул долгожданную прохладу с дальних берегов Мраморного моря. Откуда-то доносится песня Ялина «Cumhuriyet»,^[76] наполняющая мое сердце необычайной любовью. Слушаю мягкий убаюкивающий голос любимого певца, провожаю взглядом проплывающие по светло-голубому небу ватные облака, затем шумно ныряю в освежающее сердце Босфора... Просыпаюсь от боли. Видимо, высохла повязка на пояснице. Открываю глаза. Вижу сонного Озана. Он рассматривает мое лицо, гладит рукой мои волосы. Часы показывают 3:37. Скоро утро. Попрошу Озана принести в ведерке босфорской воды — пусть волшебные капли прикоснутся к моей коже. Босфор оживляет. Не зря же он явился в мой сон. Босфор, я скучаю...

...Сегодня Озан принес пять пиал ашурэ, присыпанного кокосовой стружкой. Поставил в холодильник: «В Турции ашуре считается десертом, а в нашем роду — натуральным лекарством. Если кто-то в семье захворал, наша кухарка быстро готовит ашурэ. С ночи замачивает в теплой воде пшеницу, горох, фасоль. Утром приступает к варке, добавляя побольше измельчённых апельсиновых корочек, сушеного инжира, черного изюма, гранатовых зерен... Стоит больному съесть десять ложек этой сладости, температура снижается, появляются силы. Так что давай-ка приподнимись, я покормлю тебя». Подложив под больную спину подушку, сажусь на кровати. Перекладываю Хаяль с одеяла на маленькую подушку. Озан располагается рядышком, накрывает мою грудь зеленой салфеткой, по чайной ложечке кормит калорийной смесью в сладко-молочном соусе. Слава Аллаху, опухоль на губах спала. Уже ем твердую пищу. Ашурэ действительно получилось отменным. Однажды я пробовала этот десерт в одной кафешке, однако, узнав, сколько в нем калорий, решила держаться от таких вкусностей подальше. «Рад, что тебе понравилось. Мы вчера вместе с кухаркой Назлы готовили специально для тебя. Повезло, родители пока не вернулись из Анкары. Избежал лишних вопросов. Ты ешь, долго можешь не жевать. Все хорошенько проварено...» Я наслаждаюсь ашурэ, которое кажется самым вкусным десертом на свете. Ведь оно приготовлено с любовью. Для меня. Руками любимого. У меня текут слезы. Озан занервничал: «Спина разболелась, милая?» Верчу головой. «Тогда почему плачешь?» — «Я люблю тебя, Озан... За мной никто так не ухаживал». Ставит пиалу на тумбочку. Целует в губы, слизнув каплю молочного соуса с моего подбородка. Ашурэ — еще один символ нашей любви...

Он заплатил Джемалю 500 лир за разрешение приходить ко мне ежедневно и ухаживать за мной беспрепятственно. Джемаль готов выжимать деньги даже из любовных яблонь. Он будет поливать дерево любви при одном условии — вместо листьев на ветках должны расти лиры... Я возненавидела Джемалья. Скотина! Взял деньги у Озана, зная, что мальчик собирается ухаживать за мной. Неужели у человека

нет ничего святого? Не устоял перед деньгами... Теперь избегает меня, посылает фрукты через нашу уборщицу. Интересуется моим здоровьем у врача. Я хочу плюнуть Джемалю в лицо. Я позвоню ему, назову последней тварью. Сдерживаюсь. Пока живу в его отеле. Пока он мой покровитель... Ругаю Джемалю при Озане. Мой мальчик переживает, умоляет не нервничать: «Потерпи немного. Все изменится». Озан что-то замышляет. «Родной, надеюсь, ты не решил укокошить Джемалю?» Смеется: «Нет. Зачем марать руки? Аллах все видит. Он сам накажет мерзавца». — «Тогда о чем речь?» — «Пока рано обсуждать это. Ты должна встать на ноги. Кстати, пора промывать рану...» Но я продолжаю возмущаться: «Перестань платить Джемалю. Слышишь? Я с ним поговорю. Когда будешь уходить, скажи ему, пусть зайдет к Алексе». Озан хохочет, снимая старую повязку с засохшей кровью. Хаяль, учуяв запах лекарств, юркает в панцирь, «Слушай, а твое имя случаем не Никита? Неужто решила собственноручно убить отца семейства?» — «Не убью, но член отрежу однозначно... Айааай!.. Озан, пластырь полегче отрывать можно?!» — «Извините, госпожа Никита. Поцелуй оправдает меня?» Озан наклоняется ближе...

Часто просыпаюсь в панике посередине ночи. Включаю ночник. Осматриваю комнату Слава Аллаху, это только сны... Со вчерашнего дня следует по пятам, стоит только задремать. Полицейский из zalim akşam поселился на моей территории в царстве Морфея. Во сне он не распускает руки — пристально наблюдает, прожигая взглядом. Ухмыляется, обнажая желтоватые зубы. Кричит вслед: «Nataşa, seni istiyorum!».^[77] Страшно. Убегаю, прячусь. Затыкаю уши. Он не отвечает. Противное жирное лицо стоит перед глазами. Я запомню эту тварь на всю жизнь. Толстые брови, мясистый нос в черных угрях, липкие губы, темно-синие круги под вытаращенными глазами. Я хочу его забыть. Я хочу убить его во сне. Тщетно. Стоит притронуться к нему, как он исчезает... Я знала, на что иду. Проститутки не выбирают клиентов — клиенты выбирают проституток... Врач выписал мне успокоительный сироп, но я не принимаю лекарства. Боюсь задержаться в царстве сна в компании ненавистой твари. Куплю лезвие. Искромсаю его паршивую улыбку. Почему Аллах посылает на землю таких отвратительных существ?...

...Скоро конец. Интуиция подсказывает. Она, преодолев бурлящие волны эмоций, стучится в хлипкие двери моего разума. Предупреждает, чертовка. Зажмуриваю глаза. Ощущение, будто стою на краю глубокой расщелины. Или осилю прыжок через нее, или провалюсь в кромешную темень. Ветер касается ресниц. Открываю глаза. Всмотриваюсь в конец пыльной дороги, начинающейся сразу за расщелиной. Куда она ведет? К чему-то неизведанному. В одном я уверена: эта дорога приведет к свету... Во мне поселилась слабенюкая надежда на удачный прыжок. Я этого хочу Я не хочу умирать. Для меня умереть — это значит лишиться Босфора. Это значит свариться в булькающем котле адского шеф-повара. Проститутки — первые кандидатки в ад. Там нас дожидаются длиннохвостые портье с рожками на голове. И номера уже приготовлены, пятизвездочные. Нет, избавьте! Лучше самая суровая реальность, чем пятизвездочный ад... Скоро конец. Не всему — нынешнему отрезку жизни. Нынешнему сумбуру действий, чувств, обстоятельств. Я потихоньку передвигаюсь по комнате. Часами сижу перед окном, дышу дыханием Босфора. Пишу Дневник, ставший почему-то чрезмерно художественным. Ох, Алекса, ты не только профессиональная шлюха, но и не менее профессиональная графоманка. Это твоя грязная реальность или изысканный роман Остин?! Вряд ли великую англичанку избивал пьяный полицейский... По многу раз перечитываю страницы. Поражаюсь какой-то наивности, проскальзывающей между строк. Как я умудрилась ее сохранить в таких обстоятельствах? Она спряталась под грубой оболочкой, обложилась мешками с песком, прячась от бомбардировок с берегов суровой реальности...

Я впервые не знаю, что ждет меня даже в ближайшее время. Никогда не знала распорядка будущего, но по меньшей мере о погоде в *ближайшем времени* догадывалась. Теперь и этого лишилась... Оглядываю комнату, наполненную призраками сотни мужчин. Вдыхаю аромат подрастающего базилика, символа моей восточной любви. Смахиваю хлебные крошки с кухонного стола, на котором не так давно занималась сексом с Озаном. Разглаживаю руками оранжевый топик с

двусмысленной надписью «Bu kız saf, kötülük yok içinde»,^[78] подаренную грузинкой Тамарой. Передвигаю Магнитку с изображением мечети Султанахмет^[79] на дверце холодильника. На подсознательном уровне прощаюсь с родной мозаикой повседневности — будто меня скоро лишат всего, перебросят на безлюдный материк... В голове всплывают слова гадалки: «*Как полюбишь, на твое плечо сядет ворон смерти, Захочет украсть твою душу. Сражайся, не отдавай... Выиграешь сражение — получишь награду...*»

...Эмоции отодвинула в сторонку. Подавила в себе возмущение, встретив Джемалья с натянутой улыбкой: устраивать разборки пока не выгодно. Я в уязвимой категории. Для Джемалья прогнать меня — раз плюнуть. Конечно, ему сложно будет найти прибыльную замену. Впрочем, я уверена, «вакансия» долго пустовать не будет: пристроит к станку какую-нибудь девчущку из российской глубинки, и та со временем, набив сотни шишек, превратится в «золотую рыбку». Может быть...

Удерживаю язык за зубами: во-первых, мне некуда идти. Во-вторых, как-никак Джемаль спас мне жизнь, забрал из того гадюшника, вызвал врача. Однако это не оправдывает его. Клянчить «пара» у моего мальчика, и без того покрывающего все затраты... Джемаль подходит. Целует в щеку. По-братски. Обалдеваю. «С чего такие нежности?» Усаживается в кресло, берет апельсин из вазы, медленно чистит. Смуглые пальцы покрываются цитрусовой росой. «Ладно тебе... Я по-дружески». Меня вдруг охватывает ярость: «Джемаль, напомни, с каких пор мы друзья?!» Ухмыляется. Отрывает дольку апельсина. Отправляет в рот. Смачно жует. «А Озан тебя балует... Даже апельсины не местные — марокканские... Хватит яд лить, Алекса, Столько лет работаем вместе, почти породнились». Я захопываю томик «Istanbulu kız»,^[80] который с утра читала. «Говоришь, друзья все-таки, породнились... И какие нынче расценки на этом рынке? Случаем не 500 лир за неделю дружбы?» Сутенер молча плотает вторую дольку цитруса. Закуривает. «Ах вот, почему злишься... Красотка, я же деньги у твоего Ромео не для себя брал». — «А для кого же? Для африканских детей? И с каких пор Джемаль-бей занимается благотворительностью?» Глаза сутенера наливаются кровью — он вскакивает, вцепляется мне в горло влажными руками: «Думай, когда говоришь! Предупреждаю...» — злобно выдыхает

Джемаль. Он отходит, и я запиваю отдышку водой. «Если нужны были деньги, обратился бы ко мне. Зачем на мальчишку наезжать? Он ни причем». Джемаль уже преспокойно доедает фрукт: «Какие с тебя деньги возьмешь, когда ты еле дышала? Или нужно было перепотрошить комнату в поисках твоего тайника?» В какой-то мере он прав. Мне действительно было не до денег. «Тогда объясни, зачем ты взял бабки?» — «Чтобы выгородить тебя перед полицией, дура неблагодарная! Думаешь, начальник остался доволен? На следующий день после вашей встречи он подослал ко мне своих ребят — арестовать тебя. Еле-еле 500 лирами откупился. Повезло». Я впадаю в панику. Может, Джемаль врет? «Да эта скотина хоть помнит, что он со мной сделал?» — расплакалась я. «Алекса, напомнить, кто ты, где ты? Перестань пороть чушь. Да забей начальник тебя до смерти, никто бы шума не поднял. Ты здесь uabanci,^[81] не забывай. Если на тебя обратил внимание папенькин сыночек с кучей денег, это не значит, что ты теперь крутая. Натрахается, пресытится, в один день забудет».

Я открываю окно. Смотрю на Босфор. Закуриваю. «Алекса, я тебе не враг. Поверь. Но я должен возвращать тебя в реальность, как бы ты от нее не убегала». Киваю, затягиваюсь: «Я знаю, Джемаль, знаю. Прости». — «Все о'кей. Ладно, я пойду вниз — там клиенты подвалить должны. Если что — звони». — Он открывает дверь, переступает порог. Снова возвращается: «Кстати, чуть не забыл. Вчера вечером какой-то парень приходил, интересовался тобою. Спрашивал здесь ли ты живешь». — «Джемаль, я пока не в силах принимать клиентов». — «Дело в том, что на клиента он похож не был. Станный такой, что-то вынюхивал...» — «Забудь. Наверное, какой-нибудь из идиотов-клиентов, которого ты забыл в лицо... Иди уже. Я посплю». Джемаль прикрывает дверь. Как же я устала...

...Суетливый дождь в летнем Стамбуле. Вчера миллионы теплых капель сорвались с неба в самый разгар обеденного перерыва, когда сотни горожан, покинув удушливые офисы, спешили в любимые ресторанчики. Дождь безжалостно вымочил образцы монотонного дресс-кода, аккуратно зачесанные волосы. Кто-то отчаянно матерился, кто-то счастливо подставлял лица под капли небесной воды. Кто-то плакал вместе с дождем. Я была одна из последних... Смотрела в окно, считала капли на мокром стекле. Наблюдала за тем, как Босфор меняется в цвете: дождь взбивал воды пролива, добавляя серо-зеленого. Босфор привык. Сдружился с небесными посланниками...

Дождь говорит о грядущих переменах. Пропитывает силой: «Она тебе понадобится». В компании дождя я становлюсь жутко сентиментальной. Слезы непроизвольно текут по щекам. Слезы страха перед началом чего-то нового — неизвестно, хорошего или плохого. «Не прячь слезы, Алекса. Слезы для того, чтобы их выплакивать, а не держать в себе. Жители Неба тоже позволяют себе поплакать. Их слезы — это я, дождь. Но сегодня они плачут слезами счастья. Переполняющей радости...» И я невольно начинаю улыбаться. «Неужели Бог отменил налоги, установив безвизовый режим между небом и землей?» — «Нет. Все гораздо проще. Сегодня в мире родился миллион детишек, смертельные случаи отсутствуют. Разве не повод для радости?» Задумываюсь. «Почему же, повод. Дети — это хорошо».

Сквозь дождь мне слышно радио. По Istanbul FM Ханде Йенер^[82] поет лирическую «Sorma». ^[83] Любимая вещь. Дождь пританцовывает на месте до самого конца, Внезапно задает вопрос: «Алекса, ты бы хотела стать матерью?» — «Конечно. Каждая женщина этого хочет» — «Ты ведь зрелая женщина. Не пора ли...?» Я зажигаю сигарету. Прохожу мимо окна, машу рукой Босфору. Он машет в ответ. «Куда мне сейчас младенца? Я в ужасном состоянии. К тому же заводить ребенка, будучи проституткой — как ты себе такое представляешь? Понимаешь, я могу о многом мечтать, но ведь реальность другая. *Расстояние между жизнью, какой ты ее воображаешь, и жизнью, какая она есть*». Дождь усмехается: «Не знаю... Не знаю... По-моему,

ты ищешь причину... Списываешь все на существующую реальность... Может, попробуешь изменить ее?» — «Тебе легко судить. Живешь на небе, время от времени спускаешься на грешную землю, проблемами не загружен... Но я подумаю над твоим предложением». — «Подумай... Береги себя, набирайся сил. Ладненько, мне пора». Дождь обнимает меня напоследок. «Еще ведь увидимся?» Он отвечает из открытого окна: «Конечно. Дожди питают землю надеждой».

Я ложусь на кровать. Дотрагиваюсь до живота... Когда-то я тоже была ребенком — задолго до того, как стала проституткой...

...Озан принес чемодан на роликах голубого цвета. С магазинным ценником. Пустой. Спрятал под кровать. «Куда ты собрался уезжать? К родителям, в Анкару?» Просит сигарету. Затягивается. «Я не уезжаю». Наливаю Озану холодный айвовый сок, разбавляю с водой — он не любит нектары с густой мякотью. «Кто же тогда?» Смотрит на меня задумчиво. Наверное, я ужасно выгляжу. «Молодец, ты уже ходишь. Врач сказал, хромота пройдет со временем...» — «Озан, перестань меня мучить. Объясни, зачем чемодан понадобился?» Усаживает меня на колени: «Ты переезжаешь отсюда».

Я встаю и тут же сгибаюсь — от резкого движения заныла поясница. Черт. Он берет меня на руки, укладывает на кровать. «Врача вызвать? Давай-ка посмотрю рану. Повязку не снимала?» Боль отпускает. «Пустяки, Озан. Ничего страшного... Что ты надумал? Куда я переезжаю?» Ложится рядом. Какое-то время мы оба рассматриваем потолок. Он расписан бликами от торшера.

«Звонила мама. Послезавтра они возвращаются в Стамбул. Больше я не смогу приходить сюда часто. Я столько дней школу прогуливал, надо придумать липовую причину...» — «Надеюсь, твоя мать ничего не заподозрит». — «Ты плохо ее знаешь! Она знакома с директрисой. Я уверен, первым делом, как всегда, позвонит ей... Алекса, мои родители все равно узнают о нас. Скрывать нет смысла. Мы любим друг друга. Выстоим...» Меня захлестывают эмоции: «Озан, ты понимаешь, что говоришь?! Я не приличная девушка-турчанка из богатой семьи. Я обычная русская проститутка, которых пруд пруди в Турции. Твои предки не примут меня. Депортируют в лучшем случае...» — «Примут. Я пойду на все, чтобы быть с тобой. Пригрожу им самоубийством, если посмеют притронуться к тебе». —

«Ох, Озан, прекрати... Мы можем встречаться и дальше... Время от времени... А так, какое будущее ждет нашу любовь?»

Плачу. Отхожу к окну. Озан следует за мной, обнимает сзади. «Я вчера всю ночь думал... Причин для нашего расставания сотни. Нет, тысячи. Если мы будем думать о них, то легче повеситься. Я не откажусь от тебя. Я не позволю, чтобы нас разлучили. Слышишь? Не позволю!» Оборачиваюсь к нему: «Озан, мне бы твой энтузиазм...» — «Скажи, ты любишь меня?» — «Люблю». — «Я люблю тебя еще сильнее! Доверься мне. У нас впереди нелегкие дни. Мы должны быть сильными...» — «А если меня депортируют?» — «Поговорю с отцом, у него есть связи. Он нас с Польшей всегда поддерживал. Когда сестра уходила из дому, я думал, что она потеряется в жизни: как видишь, выстояла — сейчас живет нормально...» — «Озан, да ты не сравнивай. Все знают, чьей дочерью является Польщен. Все знают, из какой она семьи. А я — кто я? Никому не нужна русская...» Перебивает: «Ты мне нужна! Этого разве не достаточно? Алекса, умоляю, не отказывайся от нашей любви. Давай объединимся, преодолеем трудности... Умоляю».

Я хорошо понимаю, на что иду. Я люблю этого мальчика, Я живу им. Надо попробовать. Что я теряю? Лучше умереть во имя любви, чем от рук потного полицейского. «Хорошо, Озан. Я готова к борьбе». Он целует меня в губы. Обнимает.

Через два дня я переезжаю в квартиру, в которой некогда жила Польшей. Она сейчас переселилась к своему возлюбленному. «Сестра в курсе всего, Алекса. И согласилась помочь нам. Я вас на днях познакомлю... Ты больше не будешь проституткой, забудь обо всем как о страшном сне». — «Но как тебе удалось уговорить сестру? Ты рассказал ей, кто я?» — «Да. Она все знает. Польшей поможет...» В голове моей полная каша. Не зря прощалась с этой комнатой. Предчувствовала. Впереди новая война. Готова ли я?...

...Доела последнюю пиалу ашурэ. Перед переездом размораживаю холодильник, выбрасываю продукты в мусорное ведро. Оставляю фрукты: апельсины, нектарины, сливы, бананы. Пачку яблочного сока, три «литровки» питьевой воды. Сажусь на диету — профилактическую, так сказать. Очищение от шлаков, выведение токсинов, нормализация обмена веществ и прочая чушь. Все равно от волнения аппетита нет. Правильно ли я поступаю? Стоит ли так кардинально менять настоящее? Продержимся ли с моим мальчиком на тропе войны? Под атаку мыслей продолжаю собираться.

Тряпки сложила в чемодан, отложив топ, юбку, босоножки. Оказывается, у меня не так много вещей. Кое-что из одежды, обуви, фен, эпилятор, магнитола, кружки и разная мелочевка. Многие принадлежат Джемалю, от посуды до маленького телевизора... Отказалась от услуг отельной уборщицы — верного информатора сутенера. Наврала, что прямо умираю от сильных головных спазмов. Мол, врач прописал мне полный покой. Доносчица клюнула...

Выбираю дату побега. По-моему, «побег» звучит слишком напыщенно. Просто ухожу. С чистой совестью. Я ничего не должна Джемалю. Я заработала денег, выжила в чужом краю. Он, в свою очередь, заработал намного больше. Всё. Срок контракта истек. Расходимся каждый своей дорогой, как настоящие бизнесмены. А кто сказал, что проституция — это не бизнес?... Ухожу тайком, просто чтобы избавиться себя от нравоучений со стороны Джемалю: «Мальчишка обманет тебя», «Ты никому не нужна, 18-летнему молокоосу тем более», «Алекса, еще пожалеешь. Kendine gel!^[84]»

Я и так жутко переживаю. Лучше не прощаться с сутенером. Оставлю письмо, попрошу не искать меня. Напишу что решила добровольно сдать властям: получу депортацию, вернусь на родину, устраюсь уборщицей в районную школу, выйду замуж, заведу детишек. После этих слов Джемаль не будет меня искать. Столько лет прятал от властей русскую эмигрантку — соучастник... Вторую пятницу каждого месяца он уезжает на сутки в Измир навестить семью. Чем не идеальный день для моего переезда? Вызову Ozana,

возьму чемодан, спрячу Хаяль в сумку, захвачу горшочек с базиликом и спокойно покину отель... Через несколько дней начинаю новую жизнь. Как все сложится? Никаких надежд, предположений, задумок. Прошу о помощи Аллаха. Прошу Босфор быть рядом. Поддерживать. Я уверена в одном: люблю Озана, а он любит меня. Выкрутимся... Не готовлю себя к плохому или к хорошему. Если повезет, будем счастливыми. Если не повезет, то... Пусть случится то, что должно случиться.

...Ортакёй! Всегда мечтала жить там. Как выяснилось, двухкомнатная квартирка Гюльшен находится в самом сердце этого прелестного босфорского поселка. Мечта сбылась, хоть и на время. Я раньше часто бывала в Ортакёе: люблю посидеть под тамошними раскидистыми каштанами, полакомиться рыбным салатом за соломенным столиком уличной кафешки, проводить взглядом отплывающие паромы, переполненные галдящими туристами. Обожаю прогуливаться по Искеле мейданы^[85] в холодные месяцы. В самый разгар осени. Одеваюсь потеплее, сажусь на автобус до Ортакёя. Я могу часами гулять по опустевшей пристани, дышать свежестью моросящего дождя, завидовать засохшим платановым листьям, улетающим под порывами ветерка в объятия Босфора. В Ортакёе осознаю, как тесно привязана к Стамбулу. Я и Стамбул — как двое близнецов, воссоединившиеся после долгой разлуки...

Польшей явно не испытывает финансовых сложностей: жить в Ортакёе для многих стамбульцев — роскошь непозволительная. По словам Озана, квартира досталась Гюльшен от первого мужа Танера, совладельца крупного медиахолдинга. Он умер три года назад — разбился в автокатастрофе. Озан рассказывал, что потеря мужа сильно отразилась на Польшей. Полгода лечилась в элитном реабилитационном центре Анкары, затем год прожила в полном одиночестве в Германии. Вернулась другой. Записала второй диск, посвятив его покойному мужу. «Сестра будто заново родилась».

В ортакёевской квартире Польшей не живет. Сложно возвращаться туда, где когда-то была счастлива с Танером. Продавать недвижимость тоже не стала. Через считанные дни я начинаю новую жизнь в гнездышке некогда счастливых влюбленных... Волнение нарастает во мне изо дня в день. Хватит ли сил пережить нападки семьи моего мальчика? Хватит ли Озану смелости отстоять нашу

любовь? Вспоминаю слова Джемаля: «...натрахается, пресытится, в один день забудет...» Ложь! Я верю в чувства Озана. Только насколько они крепки? Ему 18, он пока не сталкивался со сложностями. Носит розовые очки. Или я ошибаюсь? Любимый, не подведешь ли ты меня? Хотя какая разница... Я привыкла терять...

...Температура воздуха в Стамбуле понижается. В августовском солнце нет страсти. Оно знает меру, в отличие от июльского. Во всем чувствуется приближение осени: скоро оранжевая карета подкатит к входу полуразрушенного летнего замка. Я жду осени. Бархатного сезона, наполненного шорохом багряных листьев под ногами. Нежности первых дождей, придающих горячему Востоку унылую романтику. Влажноватого воздуха, наполненного ароматом корицы... Лето износило мой организм.

В последние дни состояние ухудшилось. Не что-то конкретное — к счастью, раны зажили, гематомы поблекли. Но какая-то изнуряющая слабость поселилась в моем теле. Буквально валит с ног. Все время тянет ко сну, кроме фруктов ничего не ем, странная апатия, ноющие головные боли. Плюс ко всему одышка. Не хватает воздуха. Кондиционер работает круглосуточно, хотя и на улице прохладно.

Я будто превратилась в дряхлую плюшевую игрушку. Озан связывает мои нынешние недомогания с переизбытком переживаний — конечно, он прав. Слишком много всего произошло за минувший месяц... Лечусь Босфором, по 3–4 часа провожу на набережной. Дышу морским воздухом, Сижу на той самой скамейке, грызу вареную кукурузу, купленную в красном павильончике. Делаю записи в Дневнике. Вчера пробыла в компании Босфора больше обычного, читая «Saatler» Каннингема.^[86] Книжку посоветовал красноволосый гей Мурат, работающий в книжном магазинчике на Истикляль Джаддеси. Не прогадала — потрясающий роман о чувствах трех разных женщин...

Когда дочитывала предпоследнюю главу, кто-то присел рядом. Мужчина. Поняла по древесно-пряному одеколону. Чихнул. Я обернулась. Белокожий брюнет, идеально выбритый. Короткая шея. Глаза цвета мускатного ореха. Одет в дорогой темно-синий костюм. Типичный турок, лет тридцати. Я снова уткнулась в книжку, когда он вдруг заговорил тихим голосом: «Незабываемый вид. Будто в раю очутился... Скажите, вы боитесь смерти?» Отрываюсь от романа. Конечно, болтать с незнакомцами нежелательно. Однако в Стамбуле

такой разговор считается привычным делом. «Зачем же бояться того, чего избежать невозможно?» — отвечаю вопросом на вопрос. Незнакомец продолжает, прикуривая: «Самое страшное — умереть насильственной смертью. К примеру вляпался в скверную историю и тебя безжалостно убрали, В вашей жизни такого еще не было?» Улыбается. «Нет Как видите, жива, здорова... Я не вляпываюсь в подобные истории». Он вдруг бросает сигарету: «Врете». Заглядывает в мои глаза. С угрозой. Мурашки по коже. «С чего это вы взяли? И вообще кто вы такой?» — «Тебя ведь Алексой зовут?» Я киваю раньше, чем успеваю понять, «Так вот слушай, Алекса, Если хочешь умереть собственной смертью, лучше оставь Озана в покое. Поняла?» Я откладываю книгу. Зачем-то берусь за ручки сумки. Мужчина неспешно достает из кармана ключи от автомобиля, затем кошелек. Вытаскивает 200 лир...

Все понятно. Это Левент, шофер семьи Озана. «Держи, это за твои услуги. Не заставляй нас разговаривать с тобой по-другому Усекла?» Беру деньги. Комкаю их и бросаю ему в лицо: «Подавись своими грязными бумажками! Что себе позволяешь?! Жалкий шоферишка...». Я говорю с ненавистью, а внутренности дрожат от ужаса. Левент хватается меня за руку, крепко сжимает: «Сука, отстань от мальчишки, или я тебе глотку перережу!» Я поднимаюсь со скамейки: «Озан сам решит, с кем ему быть и когда. Он уже взрослый человек. Так и передай своей хозяйке...» Надеваю очки. Спешу в отель. Не оглядываться, не терять достоинства... Продавец кукурузы зазывает прохожих, информируя о послеобеденной скидке... Боже, помоги...

...Желудок выворачивает наизнанку. Тело трясет, конечности похолодели, голова раскалывается от боли. Страх изводит. Я же вроде не из пугливых. Но сейчас, в преддверии переезда, не знаю, чего ждать, от кого. Одна мысль о потере Стамбула сводит с ума... Позвонила врачу — сможет подъехать завтра. Наказал принять две таблетки парацетамола, пить больше воды: «Нельзя допустить обезвоживания организма». Интересуюсь, в чем может быть причина, говорит, нервы. «Приеду рано утром, возьму кровь, мочу для анализов. Мы причину выясним, не волнуйся. А пока отдыхай».

Принимаю контрастный душ. Два раза чищу зубы — привкус рвоты не проходит. Достают из чемодана хлопчатобумажные майку с шортами. Надеваю, ложусь в постель. Отключаю кондиционер —

боюсь застудить мокрую голову. Надо прийти в себя, срочно. Завтра после обеда — переезд...

Вещи на тумбочке сменили места. Значит, пока меня не было, уборщица что-то вынюхивала. Наверняка обнаружила и чемодан. Интересно, Джемаль уже проинформирован?... Перед мысленным взором оживает лицо Левента. Алекса, он грозился тебя убить! Он хочет лишиться тебя всего! И это только первые выстрелы надвигающейся войны. Соберись. Ты должна быть сильной... Звонит мобильный: «Ozan ağıog...».^[87] Взволнованным голосом Озан сообщает о приезде родителей. «Вечером обязательно поговорю с ними. Тянуть дальше нельзя». Я рассказываю о Левенте. Нервничает. «Подлец... Не переживай, я разберусь с ним... Наверняка и мать уже в курсе...». Он просит меня верить в наше счастье: «Любимая, возьми себя в руки. Я понимаю, сложно. Но, поверь, и мне не легче. Люблю. Целую».

Я прячусь под одеялом, В темноте представляю моего мальчика рядом с собой. Так легче.

Я ищу знаки. Под давлением внутренней неуверенности силюсь разглядеть в безжизненных предметах ответы на вопросы. Стоит ли бросать тяжелую, но привычную повседневность? Стоит ли любить, зная, что наши чувства ни к чему хорошему не приведут? Переключаю каналы телевизора. Картинки сменяют друг друга, Как назло, романтических фильмов о силе любви нет. Жаль. Я бы с легкостью разглядела в надуманных мелодрамах знаки, так нужные мне с сегодняшнего утра. «Haydi, Aleksa, ileri. Korkma».^[88] Вместо долгожданных слов из телеизмерения несутся вести о землетрясении в Таиланде, о массовых суицидах заключенных в тюрьмах Сирии, о распространении неизвестного вируса в Дели. Смотрю на часы, 12:06. А я что надеялась услышать Время выпусков новостей. Лучше поищи знаки вечером, когда эфир забит сериальными страстями...

Спазмы желудка прошли, головная боль отпустила. Правда, ночью я не сомкнула глаз. Лишь ближе к рассвету задремала, погрузившись в кровавый сон: снилось, как некто убивает Озана у меня на глазах. Какое-то медведеобразное существо вонзает острый нож в грудь моего мальчика. Кровь ручейком стекает по белой рубашке на коричневую землю. Не впитывается, а образует алые лужи. И я истошно кричу, хочу спасти Озана. Бесполезно... Вырвала меня из кошмара мелодия мобильного. Звонил врач: «Güneydin!»^[89] Я через 15 минут к тебе забегу...» Как я обрадовалась! Слава Аллаху, сон не был явью...

Доктор взял анализы и уехал в клинику: «Посмотрим на результаты. Завтра позвоню тебе уже на новый номер. Повтори-ка его еще разок...»

Пока я ждала приезда Озана, продолжая поиск знаков в телевизоре, зазвонил мобильный. Наверное, мой мальчик. Вот-вот должен подъехать. Незнакомый номер. Отвечаю с опаской. Бодрым голосом меня приветствует болтливая коллега Даша. Не спрашивает ни о моем здоровье, ни о минувшем zalim akşam'e. Проститутки проблемами друг друга не интересуются. Даша спешит сообщить «такууюую нооовость»: Лару убили. Ту самую девочку из Саратова, оказавшуюся в списке «бракованных». «Представляешь, она

поселилась в дешевеньком притоне в каком-то ужасном районе города. Ну, понимаешь, какие там могут быть клиенты. Работяги из деревень, всякие воры, наркоши. Шушера, одним словом. Так вот, говорят, Лару выбросили с третьего этажа притона. Трое мужиков. Затрахаили, поиздевались и по пьяни вытолкнули в окно. Вот такие страсти-мордасти... Короче, зарядка заканчивается. Заходи вечерком в бар, потремемся, ок?! Целую!»

Я выронила трубку в шоке. Бедная девочка. А я ей когда-то отказалась помочь... Но что я могла сделать для нее? Джемаль бы «бракованную» к себе не взял... Пишу эсэмэс Озану: «Любимый, приезжай быстрее. Вещи собрала, жду тебя». Я больше не смогу заниматься проституцией. Дороги назад нет. Знак получен, Алекса...

...Ортакёевское убежище встретило меня ароматом ванили. Если бы я не знала о певческой карьере Польшей, решила бы, что оказалась в квартире кондитера. Пока Озан разбирался с вещами, минут пять стояла на пороге, вдыхала божественный аромат, умирняя взбешенный ритм сердца. Ваниль — повсюду. Такое впечатление, будто бежевые стены покрашены ванильной краской... Я влюбилась в квартиру с первого взгляда. Полюбила не оболочку, а душу моего убежища. Буду ли я здесь счастливой? Точного ответа нет. Во всяком случае, я постараюсь.

«Алекса, заходи. Уловила аромат? Это идея Польшей, она у нас фанатка ванили. Стручки разбросаны по всей квартире — при уборке будь осторожна, не выбрось...» Разуваюсь. Первые шаги по квартире. Она выдержана в белых тонах. Стены коридора увешаны афишами старых фильмов. В черных тонких рамках.

«Gone with the Wind», «Gentlemen Prefer Blondes», «Funny Girl», «Roman Holiday», «The Owl and the Pussycat».^[90] Первая комната со стороны коридора — гостиная. Коротконогий стеклянный стол с розовой вазой в центре. В ней лакированные сосновые шишки, темно-коричневые стручки ванили. Вокруг столика два кремовых кожаных дивана Черно-белые подушки округлой формы украшают однотонную мебель. Рядом с телевизором огромная магнитола. Подхожу к полке с CD, взгляд останавливается на первых четырех дисках. Sezen Aksu, Whitney Houston, Nilüfer, Zülfiyye Ханбabayeva^[91]... Обязательно надо послушать...

Подхожу к окну. Дыхание замирает — столь восхитительного вида я не ожидала. На фоне мечети Меджидие плещется Босфор, над которым нависает Богазичи кёпрюсю.^[92] Ко мне подходит Озан. Прижимает к себе. «Потрясающий вид, согласишься...» Киваю. «Настоящая сказка».

Заглядываем на кухню: несмотря на скромный размер, она очень удобная. Все под рукой. Стиральная машина, полка с забавными кружками, разноцветные тарелки в дубовом шкафу. На дверной раме висят «бусы» из сушеных баклажанов, красного перца. Озан открывает дверь холодильника: набит продуктами. «На первое время, любимая. Если что-нибудь понадобится дополнительно, здесь недалеко есть маркет». Я сильно-сильно зажмуриваюсь. Открываю глаза. Неужели все происходящее не сон? Неужели такое бывает в жизни? Бывает, Алекса, бывает! Обнимаю моего мальчика. Он поднимает меня на руки, несет в спальню. Ложимся на большую кровать с желтым покрывалом. Абрикосовые гардины задвинуты. Два ночника обволакивают комнату мягким светом. Озан шепчет мне в ухо: «У нас появилось свое гнездышко. Сегодня я наконец поговорю с родителями и совсем скоро перееду к тебе. Мы будем счастливы...» Медленно раздевает, покрывает поцелуями. Нежно сжимает руками груди, теплым влажным языком облизывает соски. Нежно покусывает... Я таю в его горячих объятиях.

Емкие, сжатые фразы. Мягкий голос с притягательной хрипотцой. Крашенная блондинка с самоуверенным взглядом. Упругая загорелая кожа, острый носик. Отличная фигура при небольшом росте. Мы с ней очень разные — по статусу, взглядам, мышлению. Нам трудно общаться. Она не смотрит в мои глаза. Стараюсь быть вежливой — отвечает взаимностью. Интеллигентное общение президентов враждующих стран...

Сестра Озана появилась неожиданно, в 11 часов утра. Я удивилась: кажется, творческие люди спят в такое время... Заварила кофе. Расположились в гостиной, на том самом кремовом диване. Беседуя, она рассматривала свои апартаменты. С грустью в глазах. Вспоминала об утраченном времени?... «Алекса, я пришла сюда не для того, чтобы угрожать... Я сама предложила брату свою квартиру, чтобы отгородить вас от членов моей семьи. Они, видимо, пока не знают, где вы. Поверьте, как узнают, не оставят в покое ни вас, ни Озана...»

Помешиваю ложечкой горячий кофе. Похоже, это честная игра. «Я знаю, Польшей. Спасибо за помощь. Если бы не эта квартира, не знаю, как бы все сложилось. Ваши родители, наверное, натравили бы на меня полицию». Буду говорить, что думаю, Терять нечего... Польшей делает первый глоток: «Полицию — в лучшем случае». Я усмехаюсь: «А в худшем прикончили бы?»

Польшей ставит чашку на столик. Садится ближе. «Алекса, я не пугаю вас, поймите. Я могла бы вообще не приходить сюда. Я предоставила вам это убежище ради брата, говорю откровенно. Не хочу, чтобы он страдал так же, как я...» Все еще помешиваю кофе, стучу ложечкой по чашке. Все, довольно: «Польшей, я люблю Озана. Честно. Он тоже любит меня. Хотя у нас и разница в возрасте, в образе жизни... У русских есть поговорка: «Сердцу не прикажешь». Я пыталась убежать от этой любви. Но куда бы я не сбегала, любовь Озана притягивала к себе, как магнит...» — «Я верю вам. Думаете, я бесчувственный мешок с деньгами? Я тоже любила. И сейчас люблю... Но я слишком хорошо знаю свою семью: она растопчет вас и

вашу любовь. Пострадаете вы, а не Озан...». Отмалчиваюсь. «Алекса, я не желаю вам зла. Пока не поздно, расстаньтесь. Он еще слишком молод. Вы — зрелая женщина. Неужели вы не понимаете — вас разлучат. У Озана вся жизнь впереди, он скоро поступит в институт. Отец хочет отправить его на учебу в Лондон. Озан, хоть и умен не по годам, но он все равно 18-летний мальчишка». — «Польшей, я сейчас ничего не могу ответить. Не знаю...»

Она встает с дивана. Берет сумку. «Решать вам, Алекса. Но я не ручаюсь за свою мать. Вы — взрослый человек. Подумайте. Кстати, Озан поговорил с нашими?» — «Не знаю... Его телефон отключен...» Она открывает дверь и медлит. Поправляет волосы. «Мой совет: постройте свою жизнь без Озана. Так будет лучше и вам, и ему. Всего хорошего»...

«Aradığınız kişiye şu anda ulaşilamıyor, lütfen daha sonra tekrar deneyiniz».^[93] Беспощадные слова, разрывающие миллионы горячих сердец. Ежеминутно. По всему миру. Разным может быть язык телефонного отказа, но жестокость — одна... Как бы успокаивающе не звучал голос девушки-робота из Turkcell, а я жутко переживаю. Мобильный Озана отключен со вчерашней ночи, это настораживает. Мой мальчик держит включенным телефон даже во время занятий, пользуясь беззвучным режимом. Если его нет на связи так долго, значит, что-то произошло. Украли мобильный? Попал в передрагу? Родители отняли телефон? Десятки вопросов. Как всегда, без ответов.

Вчера вечером или сегодня Озан собирался побеседовать с матерью. При любом исходе разговора обещал скинуть эсэмэску. И ни звонка, ни сообщения. Что случилось, любимый?... Тревожные мысли одолевают, заражают вирусом неуверенности. Хватит ли Озану смелости пойти наперекор матери? Заглянет ли он ко мне сегодня после школы? На часах почти 4 вечера. Обычно мой мальчик приходит ближе к пяти. Жду... Утром сожгла прежнюю сим-карту над пламенем зажигалки. Номер прошлого. Пластмассовые капли стекали в пустую сигаретную пачку — вонючие сгустки минувшей боли. Обзавелась новым номером. Теперь в телефонной книжке «Нокии» два контакта — Ozan и Doctor. Чувство невероятной свободы. Свобода — это когда в книжке мобильного максимум пять контактов, свобода функции delete... Я завариваю яблочный чай, добавляю две чайные ложки золотисто-коричневого сахара. Читаю на упаковке: «...произведен из

сахарных тростников острова Маврикий...» Где Турция, а где Маврикий? И где мой мальчик? Набираю снова: «Aradığınız kişiye şu anda ulaşılaimyor, lütfen daha sonra tekrar deneyiniz». Что с тобой? Не бросай меня! Любовь делает женщину слабой. Мудрые женщины — это те, кто выдает слабость за верность...

...Белоснежное тельце освещает матовым сиянием синеву Босфора. Пухленький малыш неуклюже барахтается в прогретой солнцем воде. Улыбается изнеженным медузам, застывшим косякам рыб. У него карамельные глаза, наполненные неподдельной искренностью. Он, словно подрастающий Ихтиандр, ныряет на глубину Босфора. Хочет изучить морское царство, подружиться с жителями-молчунами. Он не знает зла, обид, предательств, подлостей. Наивно смотрит на окружающий мир. Дышит добром, Запах злости для него чужд — он знаком лишь с ароматом присыпки с морскими водорослями... Пока малыш любопытничает, я не отплываю далеко. Оберегаю кровинку. Босфор помогает мне в уходе, он любит детей. Мечтает найти принца для своего царства... Этот малыш с оттопыренными ушами и темным пушком на голове — мой сын. Я не понимаю, откуда он взялся. Когда я успела выносить его? Знаю — одно: он плод нашей любви с Озаном... Поселились с моим ребеночком у Босфора. Мой друг защитит нас. От кого?...

Малыш плывет ко мне. Раскрываю объятия. Я без одежды. Прикасаюсь ладонями к грудям — они увеличились в размере. Налились молоком. Сыночек, преодолев ласковое подводное течение, прижимается к груди. Ищет маленьким ротиком сосок. Голодный. Малыш ест, а вокруг нас собираются дельфины. Неужели они вернулись в пролив? Чудо. Дельфины исполняют колыбельную для малыша — после обеда он будет спать два часа. *«...Баю-баю, надо спать... Все придут тебя качать... Приди сом, успокой... Приди щука, убаюкай...»* Удивляюсь: отчего турецкие дельфины поют русскую народную колыбельную... Жить в морском мире — настоящее наслаждение. Жить вне страха, разочарований, предательства. Вне земных проблем. Мы погружаемся с сыном на глубину, располагаемся в каюте затонувшего корабля. Перед сном всплываем на поверхность. Считать звезды на темно-шоколадном небе. Общаемся с чайками-сплетницами. Слушаем уставшее дыхание города контрастов. Наше счастье кристально-чистое, необычайно легкое, с солоноватым

привкусом. Мы живем в самом центре стамбульского рая — во владениях Босфора...

Я просыпаюсь от гудков паромов. 9:37. Лежу неподвижно, свыкаюсь с реальностью, Я — в квартире Польшей. Куда исчезло подводное царство, поющие дельфины, затонувшие судна? Где сыночек? Ах, это был сон. Прекрасный сон... Звонит мобильный. Меня здесь нет. Телефон продолжает надрываться. Тянусь рукой к тумбочке, отвечаю нарочито сонно: «Слушаю, доктор...» — «Доброе утро, Алекса! Извини за ранний звонок. Спешу сообщить тебе, получил результаты анализов...» Я выслушиваю врача и впадаю в оцепенение. Волшебный сон продолжается?...

...Я беременна... Я жду ребенка... Я стану мамой... Не помню, как попрощалась с доктором. Он заверил, что в моей крови вирусов не обнаружено. «Ты здорова. Нужно сходить на УЗИ, к гинекологу. Провериться по-женски. Посмотреть, как развивается плод. Определить сроки. Думаю, две недели максимум...» Сон оказался пророческим. Вспоминаю недавнюю беседу с Дождем. Не зря он спрашивал о материнстве... Беременна от Озана, я уверена. Ношу под сердцем нашего сына. Или дочь? С того дня, как влюбилась в моего мальчика, я не принимала клиентов без презервативов. С того дня, как влюбилась в моего мальчика, не принимала противозачаточных. С Озаном мы любили друг друга без преград. Как же я умудрилась залететь после стольких аборт... Какой будет реакция моего мальчика? Уйдет навсегда? Отправит на аборт? В любом случае я должна сохранять присутствие духа. Беременность — очередная проверка нашей любви на прочность...

Так, надо закурить — достаю сигарету, чиркаю зажигалкой. Нет. Нельзя же. Алекса, отныне ты отвечаешь за двоих... Набираю Озану: «Aradığınız kişiye şu anda ulaşilaimyor, lütfen daha sonra tekrar deneyiniz». Черт, куда он запропастился?! Озан, ты мне нужен. Умоляю, появись! Эй, Аллах, ты решил меня одну испытывать на прочность?! Лучше не нужно. Я не в том положении, чтобы преодолеть стометровку... Задумываюсь об аборте. Еще совсем не поздно избавиться от обузы. Вспоминаю сегодняшней сон — малышка с карамельными глазками. Как поступить? Озан, Озан... Включаю радио, загадав: подсказка в словах песни, которую первой услышу. Опять натыкаюсь на Ханде Йенер: «Tutulmuyor, giden gider... Ağla ne

fayda... Üzülme hiç... Kötü niyet yok bu olayda». [\[94\]](#) Я в замешательстве.
У моего ребенка будет мать-шлюха?...

...Считаю деньги. Лира к лире, куруш^[95] к курушу. Каждая мелочь на счету, заработка-то нет. Надо экономить. В запасе еще достаточно «пара». Если не платить за жилье, то на эту сумму я проживу шесть-семь месяцев. А потом? Питание в Стамбуле дорогое: там, где дешево стоит одежда, дорогая еда. Теперь буду проходить мимо «Мигросов» — цены в этой сети выше, чем в обычных продуктовых... Со шмотками проблем не возникнет: впереди холода, верхняя одежда и зимняя обувь у меня есть. Надо купить только зонтик и теплые перчатки. Завтра съезжу в Капалычаршы...^[96]

С прошлым покончено, нужно строить жизнь заново. Думаю о том, куда пойти работать: с просроченной визой в нормальную контору не устроишься. Серьезные работодатели не рискнут брать молодую женщину, незаконно проживающую в Стамбуле, В няни без рекомендаций не возьмут. Продавщицы в магазин требуются с минимальным опытом работы. Более реально устроиться в какую-нибудь кафешку. В ближайшие дни пройду по центральным харчевням — вдруг повезет... Мне будет легко работать в многолюдных заведениях: я умею находить общий язык с самыми сложными людьми, Я разбираюсь в психологии не только турок, но и арабов, иранцев, азербайджанцев, итальянцев. Проституция научила выживанию. Меня не испугать проявлениями злости и ненависти.

Сейчас, попав в непривычную атмосферу роскоши, я каждое утро оглядываюсь назад. Вспоминаю проделки жадного Джемая, комнатку на последнем этаже отеля, злачный клуб, где мы с девчонками отплясывали под «Сердце — магнит», многочисленных клиентов разной степени потрепанности. Прошлое кажется таким чужим, но одновременно чертовски родным. В самом же деле скучаю — какой смысл врать самой себе?!.. Все-таки человек — удивительное создание. Прожив несколько лет в омерзительной яме и наконец очутившись на вершине, он все равно тоскует по своей родной яме. Как будто эта яма стала частичкой его самого...

От Озана по-прежнему ни слуху ни духу. Телефон отключен. Других контактов у меня нет. Жаль, посеяла номер Польшей.

Попробую узнать через консьержа... Судя по воцарившейся паузе, мать Ozana пока не в курсе наших отношений. А может, готовится нанести удар? Как она поступила бы, узнав о моей беременности?... Без сигарет ужасно трудно. Мечтаю глубоко затянуться. Выкурить подряд хотя бы три сигареты. И ведь все равно пойду на аборт! Или не пойду? Не знаю. Ох, что-то я не знаю слишком многого...

...Проходила мимо журнально-газетного киоска и вспомнила дату: сегодня 16-е. Новый номер «Elle» должен быть в продаже. Я всегда покупаю этот журнал, из турецкого глянца он наиболее качественный. Просматриваю на витрине новинки месяца: ага, вот, с Джей Ло на передовице. Изучаю заголовки: «Çok sicak olacak. Rengarenk bikiniler, süper seksi kaftanlar...»^[97] «Jennifer Lopez. Aşk onu evcilleştirdi...»^[98] Внизу анонс: «Çocuklar bizim geleceğimiz...»^[99] Худощавый продавец, заметив мой пристальный взгляд, предложил другой журнал — «AnneyizBiz».^[100] На обложке — толстощекий карапуз на барабане. Заголовки наподобие «Çocuklarda beslenme problemleri hakkında bilinmeyenler...»^[101] Издание для молодых матерей. Решил, должно быть, что я — многодетная хранительница семейного очага!

Я как-то непроизвольно вытащила из кошелька 20 лир. Отошла от киоска с журналами и сдачей — шестью однолировыми монетами. Зачем мне «AnneyizBiz»? Вроде собиралась экономить. Вроде не собираюсь становиться матерью.

...Сижу на скамейке в парке. Листаю «Elle». Солнечная погода, влажноватый ветерок. Недалеко резвятся на траве дети — визжат и хохочут. Вокруг них нарезает круги щенок с закрученным хвостиком, похожий на шарпея. Три мамы расположились на соседней скамейке — приглядывают за детьми и обсуждают последнюю серию «Bir Istanbul masali»^[102]... Я хочу вникнуть в статью о вреде ботокса, но буквы сливаются в черно-голубую кашу. Мне кажется, я чувствую биение крошечного сердечка. Или еще странное чувство — как будто во мне распускается бутончик самого прекрасного цветка. Никогда раньше я не относилась к неожиданной беременности так сентиментально. Когда же я успела полюбить это маленькое сердечко в себе? Каким он (или она?) будет? На кого похожим? На меня? Или Ozana? Будет русоволосым, как я? Или жгучим брюнетом, как он?... Мимо проходит покрытая молодая женщина с симпатичным

мальчуганом в мандариновой панаме. Ему, пожалуй, лет пять или шесть. Шагает гордой походкой, не отстает от матери. Будущий защитник. Будущая надежда для родителей. Будущая опора для возлюбленной. Мне вдруг хочется подбежать, крепко обнять мальчишку. Рассказать его маме о своем будущем ребеночке, посоветоваться как женщина с женщиной... Я провожаю их взглядом до конца аллеи, вытаскиваю из сумки «AnneyizBiz». Я должна быть хорошей матерью. А будет ли Озан хорошим отцом? Ответ прежний: «Aradığınız kişiye şu anda ulaşilaimiyor, lütfen daha sonra tekrar deneyiniz».

Вот оно, потрескавшееся зеркало моей свободы. Вижу собственное отражение, все в трещинах. Зеркало — моя жизнь в бегах. Трещины — мои проблемы с законом. Я принята душой Стамбула, но бумаги говорят другое: я здесь незваная гостя. Нелегалка. Беременность заставляет меня переосмыслить многое: нужны изменения. Теперь мне следует трезво оценивать факты, действия, события. Я отвечаю *за двоих*, за себя и за ребенка. Точнее, сына — я уверена, будет мальчик. И он не виноват в том, что его мама — русская нелегалка. Для сына я хочу другой жизни — светлой, комфортной... Вот ведь — во мне зарождается материнский инстинкт. Воинственный, отважный.

С каждым днем я все больше люблю это беззащитное создание в себе. Перегрызу глотку любому, кто посмеет посягнуть на счастье моего малыша. Я полагаюсь исключительно на себя. Конечно, хочется видеть рядом мужчину-опору, но, как говорит опыт, большинство мужчин, почуяв приближение ответственности, попросту сбегают. Оправдывая трусость разочарованием в некогда любимой женщине. Неужели Озан входит в это большинство?... Как бы то ни было, сейчас я обороняюсь своими силами. Сигналить SOS бесполезно. Никто не хочет принимать на себя проблемы ближнего...

Я сейчас как подросток с нехваткой уверенности в себе. Подросток жалуется, ноет, обвиняя всех вокруг. Но я хочу стать сильнее. Окрепнуть в одночасье. Смогу ли я сама поставить на ноги ребенка? Прошу сил у Босфора. Ничего не обещает, кроме одного: «Всегда буду рядом, Алекса...» Как долго можно скрывать ребенка? Он ведь должен быть где-то зарегистрирован — в поликлинике хотя бы, чтобы делать прививки. Если малыша возьмут на учет, в мои двери моментально постучится полиция. Ребенка отправят в детский дом, Алексу в тюрьму, потом депортируют... Нет, из-за ребенка мне придется пожертвовать свободой — самой отказаться от Стамбула... 9 месяцев медленного прощания с привычным миром. Но я положу конец восточной сказке во имя ребенка — это достойная жертва.

...Подумать только: я готовлю. Темно-фиолетовые баклажаны перекачиваются в кипящей воде. Разбухают, синеют. Некогда эластичная кожица сморщивается, из продольных надрезов вытекает невидимая горечь. Я слежу за стрелкой часов: баклажаны нельзя бланшировать больше двух минут... Тем временем в керамической миске остывает телячий фарш, поджаренный с мелко нарезанным луком. Я добавила в него сушеный базилик, мякоть трех помидоров, слегка посолила, поперчила. Через некоторое время заполню фаршем бланшированные баклажаны и свежий сладкий перец. Предварительно пальцами обмажу внутренности овощей смесью куркумы, корицы, сумака. Остается слоями выложить фаршированные овощи в глубокую кастрюлю, залить тремя бардаками^[103] воды. Варить до выкипания жидкости — хотя нет, на дне лучше оставить немного овощного сока. Мне нравится макать в него свежий хлеб — пышная мякоть экмека^[104] пропитывается истинным вкусом батлыджан-бибер долмасы...

Вот так, сегодня вечером я решила устроить праздничный ужин. Искала повод и не нашла. Потом придумала: отпраздную приближающееся наступление осени. Уплетая самые прекрасные овощи уходящего лета... Утром сбегала в магазин за продуктами. Очень захотелось красного вина. Вспомнила о сыночке и перевела взгляд на полку с натуральными соками...

Приготовления закончились ближе к вечеру. Уже стемнело, когда я накрыла на стол. В кухонном шкафу Польшей обнаружили ароматические свечи, лаванда. В самый раз. Включила диск Сезен Аксу. У нее меланхоличный вокал, и в каждой композиции живут свою прекрасную короткую и вечную жизнь саксофон, скрипка, фортепиано... Я распахнула окно: вечерний город таинственно красив. Знаменитый мост светится на фоне темно-синего неба, шумит прибой, снизу доносится лай собак. Минувшее и грядущее сливаются в единое, вечное...

Готовить батлыджан-бибер долмасы меня научил Озан. Когда он готовил в моей комнатке в первый раз, аромат витал по всему этажу. Тогда так же, как и сегодня, пела Сезен Аксу. И меня точно так же переполняла любовь к моему мальчику. Новый акт в пьесе — новые декорации... Праздничный ужин проходит без Озана. Зато теперь со мной мой сын. Он похож на меня. Мы вместе радуемся приближающейся осени...

Остаток ночи слушала Аксу. В руках бокал томатного сока. Я думаю, в жизни не может быть всегда плохо — даже у самого темного тоннеля есть конец. Что это со мной — слепой оптимизм? Ожившая надежда?

...Пониженный гемоглобин. Ослабленный иммунитет. Гинеколог прописала препарат с содержанием железа, специальный витаминный комплекс для беременных. Посоветовала налегать на фрукты, овощи, молочные продукты. Минимум два раза в неделю есть отварное мясо. В течение двух месяцев натошак пить свежее выжатые свекольный и морковный соки. Исключить из рациона сладкое, жареное, острое. На Востоке отказаться от вредной «тройки» — геройский подвиг. Но ради малыша я и не на такое готова...

В целом врач осталась довольна моим состоянием здоровья: «При нашей экологии и нервном ритме почти у всех будущих мам вялый иммунитет. Это не страшно. Будем укрепляться». УЗИ тоже прошла: никаких патологий, слава Аллаху. Плод развивается нормально. Пол определить не смогли из-за маленького срока. Но это мальчик. Точно знаю. Доверяю снам... Даа, будучи беременной, сложно экономить. Поход по врачам влетел мне в копеечку. Около 400 лир заплатила за осмотр, УЗИ. Зато — частная клиника, приняли без оформления. К тому же подкинула еще денегат своему врачу — так сказать, за организаторскую работу...

После клиники зашла в эджзанае^[105] за прописанными лекарствами. Недалеко от остановки встретила худую серую кошку. Грязная шерсть, измученный вид, впалый живот. Увидев пакет у меня в руках, она отчаянно замыкала. Я присела на корточки и заметила возле кошки съездившийся комок. Слабенький котенок. Сонные глазки. Он прижимался к матери, жалобно пищал, тыкался мордой в ее живот. Бездомная кошка большого города. Потерянная, встревоженная. Отражение моей жизни. Просто-напросто Алексе повезло немного больше...

К счастью, рядом оказался магазин, Я купила консервированное питание для кошек, два банки — кусочки телятины и печенка. Выложила угощение на большой камень, «сервированный» аптечным пакетом. Лекарства спрятала в сумочку, И мать, и детеныш набросились на еду, тут же забыв о моем существовании. У них сегодня праздник. Сегодня Судьба им улыбается, а завтра, вероятно,

нанесет новый удар. Пессимизм ли с моей стороны думать так?... Еще несколько минут понаблюдала за кошками и почувствовала пронзительный страх. Я не хочу себе и своему ребенку такой жизни. Я не хочу, чтобы мы чувствовали себя чужими среди 23 миллионов жителей. Я не хочу ждать милости от случайных прохожих...

Должен, должен быть свет в конце тоннеля! Если у них там не перегорят лампочки... Интересно, это я трусиха или все беременные такие чувствительные?...

...Болтливый консьерж окрикнул меня, пока я ждала лифт. «Утром помощник Гюльшен-ханым^[106] принес письмо, просил передать вам. Завтра утром он заедет за ответом». Открытый белый конверт, не подписанный. Зачем сестре Озана писать мне письма? Я сажусь в лифт, поднимаюсь на свой этаж. Захлопываю дверь в квартиру ногой и начинаю читать письмо. Сумка падает на пол. Знакомый почерк. О Господи, это весточка от моего мальчика! У меня сосет под ложечкой — плохое предчувствие. Читаю, а руки трясутся...

«Любимая, здравствуй! Я не знаю, с чего начать, как объяснить. Сказать легче, чем написать. Ведь письма — это иная степень веры. Когда веришь словам, а не глазам... Боюсь твоих мыслей. Наверное, ты думаешь, что я отказался от нашей любви. Сбежал, как последний трус. Оставил тебя в одиночестве, как грязный предатель. Если ты так и решила, я не вправе в чем-либо упрекнуть тебя. Я неожиданно исчез. Я не с тобой вот уже столько дней. Я ничего не объяснил... Любимая, я с трудом передал это письмо тебе. Благодаря Гюльшен. Она — моя единственная связь с тобой. Родители заперли меня дома. Мать буквально ни на шаг не отходит. Охранники следят, чтобы я не сбежал. К тебе. Я целыми днями просиживаю в комнате, у меня нет ни мобильного, ни компьютера. Домашние телефоны отключены. Мать прячет меня от любви. От тебя... Родители разбушевались, когда узнали о нашей любви. Я предполагал это, но не думал, что мать будет так жестока. Оно пытаются выведать, куда ты переехала. Я молчу, Гюльшен тоже. Мать и не подозревает, что ее родная дочь пошла против нее... Сегодня Польшей в первый раз пришла ко мне. Хотел позвонить тебе с ее мобильного — мать была рядом. Если она оставит нас хоть на минуту, я передам Гюльшен это письмо. Сестра рассказала о встрече с тобой. У тебя все нормально, да?... Тяжело писать эти строки. Я плачу, как ребенок. От обиды.

Почему мы не можем быть вместе? Почему не можем любить друг друга?... Любимая, не волнуйся, мы с Гюльшен что-нибудь придумаем... Так продолжаться не может... Я люблю тебя. Очень сильно. Я так никого не любил. Поверь... До встречи. Береги себя. Твой О.»

...Вчитываюсь в строчки и не верю своим глазам. Как можно так поступать с взрослым человеком?! Запирать в четырех стенах, как провинившегося щенка. Неужели в восточных семьях нет уважения к человеческому достоинству? Закипаю. Если бы я знала телефон этой чертовой Бенал, позвонила бы сейчас же. Высказалась бы, не забыв употребить парочку «ласковых» словечек. Эта гарпия является бабушкой моего ребенка? Кошмар. Клянусь, мой сын не увидит ее...

Прижимаю письмо к лицу. Хочу уловить запах Озана. Я так тоскую по моему мальчику... К счастью, Озан приписал в конце письма номер мобильного Польшей. Слава Аллаху, теперь есть хоть какая-то связь. Обязательно созвонюсь с ней, встречу — я должна увидеть любимого. Но каким образом?... Не знаю, какой написать ответ. Не знаю, как написать. Предельно откровенно? Сейчас не время недоговаривать. Мы должны быть открыты друг перед другом... Я пишу письмо, перечитываю, рву... Пишу во второй раз, но выходит слишком грустно. Опять — в мусорное ведро... Напишу прямо, лаконично. Без увиливаний. Он должен узнать о моей беременности: будет во имя чего бороться. Или из-за чего бросить меня...

«...Я волновалась, любимый. Беспокоилась. В голову лезли всякие мысли. Главное, ты жив, здоров. Остальное преодолеем... Согласен?... Озан, я была у врача. Я беременна. Ношу под сердцем твоего ребенка. Ношу под сердцем наше счастье... Не знаю, как отреагируешь, особенно после действий твоей матери. В любом случае знай, этот ребенок — продолжение той надежды, которую ты возродил во мне... Тебе 18. Это ранний возраст для отцовства. Я пойму, если ты меня оставишь, — скорее, заставлю себя понять. Я — нет, уже мы — любим тебя. Ждем... О беременности пока никто не знает. Скорее всего, на днях сообщу Гюльшен. Твои родители об этом не должны узнать — иначе ситуация усугубится... Жду письма. С нетерпением. Тоскую, люблю. Будь сильным ради меня. Прощай, ради нас. Трех...»

...Они будто одно целое. Хозяин и собака. У обоих — задумчивые карие глаза, подернутые влажной печалью. Передвигаются на расстоянии друг от друга: она опережает, он догоняет. Длинноухая псина носится по набережной, беспрестанно принохиваясь. Хозяин поминутно выкрикивает: «Фу, Айдынлыг!» — по-русски, хотя сам похож на турка. Белокожий брюнет с темной щетиной, лет 25. Крупный, высокий. Айдынлыг не слушается — украдкой лижет мертвую чайку, пробует прихватить с собой... Подбежавший хозяин осторожно шлепает собаку свернутым «Сабахом»^[107] по заду — та бросает чайку, спешит, виляя хвостом, навстречу новым приключениям.

У парня звонит мобильный, разговаривает на турецком. Произносит имя «Зейнеп» — сестра или невеста?...

Сегодня я пришла к Босфору рано утром. Оставила письмо на столе у консьержа, спрятала волосы под кепку и шагнула в свежий утренний воздух. Осень наступает: дует прохладный ветерок, в воздухе пахнет особенно — увядающим летом, и листья утрачивают сочно-зеленый цвет. Озан, как и я, обожает осень. Однако я встречаю ее на воле, а он — в золотой клетке. Несправедливость и страдание всегда идут рука об руку...

Босфор улыбается, увидав меня. По-дружески обнимает: «Не вешай нос. Лучше запасись терпением». — «Легко сказать, родной. Откуда же его взять?» Босфор поворачивается к тому самому парню с собакой: «Он когда-то говорил так же. Но все проходит. Даже то, что кажется вечным...» Теперь собака стоит рядом с хозяином, держит в зубах мячик и настойчиво заглядывает в глаза. Парень отказывается играть. Что-то строчит в блокноте. Щурится правым глазом. Курит — затягивается редко, но жадно.

Эта парочку я часто вижу здесь утром. Они словно отрезаны от внешнего мира — как будто и набережная, и Босфор, и мосты с минаретами служат им только декорацией в какой-то персональной драме. Или мне это только кажется?... Я сажусь на свободную скамейку. На набережной мало людей: я, парень с псом, две толстушки европейской наружности, совершающие утреннюю пробежку...

Открываю Дневник. Листаю исписанные страницы: как интересно, оказывается, почти все записи одного размера, словно пишу в строгих рамках самостоятельного формата... Ко мне подбегает Айдынлыг, обнюхивает колени. Такие серьезные, искренние глаза... Всегда хотела собаку Айдынлыг кладет морду мне на колени, оставляет на льняных брюках пятна слюней. Я осторожно поглаживаю ее лоб, прикасаюсь ладонью к холодному носу. Ее хозяин, увлеченный своей писаниной, вдруг замечает отсутствие собаки и спешит к нам. Наверное, думает, я вот-вот завизжу от страха. Подбегает, запыхавшись, с порозовевшими щеками: «Не бойтесь, она не кусается. Ну-ка ко мне! Простите...» Я поднимаю голову: «Я не боюсь собак. Она у вас такая смешная... Вы присаживайтесь, не стойте — лучше скажите, у вас часы есть? Я телефон дома забыла». — «Конечно. Сейчас ровно восемь». Разговорились...

...Труп в тростниковых зарослях. Лицо размыто. Пытаюсь рассмотреть его: голова будто в шлеме из мутного облака. Солнце вгрызается в поры кожи. Запах горячей земли под ногами. Агрессивно жужжат неизвестные насекомые. Страшно. Убитый явно совсем юный. Он лежит в крови, обнаженный. Коричневые соски, волосатый лобок, мускулистое тело. В груди зияют три отверстия, из них еще течет густая кровь. Кому понадобилось убивать мальчишку? Почему он голый? И как я здесь оказалась? Вокруг меня бескрайнее тростниковое поле. Кричу: «Эй! Здесь кто-нибудь есть?!» В тишине на щеку садится какой-то жук. Брр... Поднимаю голову — на небе нет облаков, одна голубая бездна и прожигающее насквозь солнце, от которого горячее марево в воздухе. Ужасно хочется пить. Воды в этом забытом Богом месте нет совсем. Выход у меня один — выпить кровь мертвого юноши. Кружится голова. Биение сердце замедлилось. Я сажусь на землю и тянусь к бездыханному телу. Выбора нет. Надо, надо... Взгляд застывает на правом колене. Боже мой, у Озана такой же шрам! Неужели это мой мальчик?! Почему я не могу разглядеть лицо? Кричу. От напряжения в голове лопаются вены. Глаза застилают кровью...

Просыпаюсь в слезах. Хаяль, спящая на соседней подушке, вздрагивает. Это всего лишь сон, Алекса! Успокойся. На дисплее мобильного 00:40. «1 непрочитанное сообщение». Открываю: «О. получил твое письмо. Нам надо поговорить срочно. Г.»

* * *

...У хозяина Айдынлыг красивые пальцы с крепкими, коротко остриженными ногтями. Большие чувственные губы. Глаза лишены заряжающего оптимизма — в них романтическая печаль... Он большой, и в его присутствии мне становится спокойнее. С ним хочется откровенничать. Он притягивает меня не как мужчина — как большое удобное кресло у зажженного камина. Покой и созерцательность... Я не допускаю возможности даже мимолетного

романа между нами. Я люблю Озана. Да и с чего мне смотреть на хозяина Айдынлыг как на сексуальный объект? Мы, женщины, такие. Если мужчина заинтересовал нас как личность, далее он привлекает нас как партнер... Он присаживается рядышком. Взгляд устремлен куда-то вперед, к шпилью Галатской башни. Я тоже молчу. Айдынлыг прилегла у скамейки, наблюдая за гонимым ветром листом.

«Мегаполисы с годами грубеют и расширяются, обездушиваются прогрессом. А в Стамбуле такого нет: его облик меняется, но атмосфера прежняя, вы заметили?» — и он трогает ладонью щеку, будто проверяет, не пора ли побриться. «Заметила. Ритм времени не меняет этот город, а прежние контрасты сохраняются...» — я отвечаю на русском и радуюсь своему невинному розыгрышу. Удивляется: «А вы из России?» — «Да, А не похоже?» — «Я бы скорее подумал, что из Чехии или Израиля...». Он курит необычно, левым уголком губ. С мужественной изящностью выпускает ровную струйку дыма. «Я с первого дня здесь не называю этот город Стамбулом». — «Да?... Интересно. Я называю Стамбул городом контрастов». — «А я называю kalbin şehri».^[108] «Поэтично!».

«Стамбул так запал вам в душу?» — «Он не запал. Он — частичка моей души...» Набережная заполняется людьми: три девчушки катаются на велосипедах, молодящаяся старушка с нарисованным лицом выгуливает пекинеса. Очень смуглый мальчишка с синим пластмассовым ведром проходит рядом, выкрикивая: «Su! Su!»^[109] Продает холодную воду в пол-литровых бутылках. Разные люди большого города... Что так интересует меня в этом парне? Что заставило заговорить с ним? В одном я уверена: мы еще подружимся. Может быть, наша дружба не выйдет за пределы набережной, это не важно. Главное — с ним уютно.

...Мы знакомы несколько часов, а мне уже хочется поведать ему обо всем. Наверное, таковы последствия долгого одиночества. Нужно разделить боль с кем-нибудь... Я не стану утаивать прошлого и настоящего. Мне кажется, он поймет. Не зря же нас свел Босфор... «Скажите, о чем вы писали в блокноте?» Улыбается: «Разве это важно?» Я смущаюсь собственной бестактности. «Нет, конечно. Просто у меня тоже привычка писать в компании Босфора... Но я веду дневник... А давайте на ты?» Представляется. «Очень приятно. Алекса. Сокращенное от Александры». Протягиваю руку. Пожимает.

«Видишь ли, я журналист. Постоянно что-то пишу. Вот сегодня делал наброски для очередной зарисовки, выкладываю их потом в своем виртуальном дневнике». — «О! Интересно было бы почитать. Ты дашь мне адрес? Я нарочно загляну в интернет-кафе...» Чешет затылок. «Обязательно. Но, думаю, тебе не понравится — слишком сопливо получается». Смеюсь: «Я не верю. Человек с такими глазами, как у тебя, может писать только душевно — никак не сопливо». Тут наш разговор прерывается: Айдынлыг, заметив кошку, срывается с места. Мы вскакиваем и бросаемся в погоню за шаловливой псиной...

...Спокойное счастье входит в мое сердце, когда мы вместе: я, мой ребенок, он и Айдынлыг. С ними я будто обретаю семью, где меня любят и я люблю. Непривычное, уютное, ароматное счастье. Не хватает только Озана... Как бы ни жив человек, ему все равно требуется семья — осознаю с годами. Семью не заменишь ни деньгами, ни карьерой, ни друзьями. Семья — как элемент пазла: найдешь недостающий кусочек, и картинка жизни сложится...

Третий день просыпаюсь рано утром. Быстро собираюсь, закидываю в сумку что-нибудь вкусненькое и спешу туда. Лечу к набережной, окрыленная. Оказывается, во мне еще живет та Александра — девушка из необъятной Москвы, различающая очертания зверюшек в пушистых облаках... Три дня для дружбы — пустяковый срок. Говорят, дружба, как и любовь, должна пройти испытание временем. Но мы болтаем так, будто знаем друг друга сто лет. Я знаю его вкусы чуть не лучше, чем свои. Я угадываю желания Айдынлыг так, будто воспитала ее с щенячьего возраста. Он любит черный шоколад с миндалем, верит в силу мысли, предпочитает брюнеток, обожает спагетти с баклажановым соусом, восхищается Джандан Эрчетин,^[110] с ума сходит по фильму «Времена года», ненавидит ментоловые сигареты. Она любит многочасовые прогулки у моря, не жалуется на сухой корм, высоко ценит ошейники из мягкой красной кожи, предпочитает охотиться за кошками, игнорирует беспардонных ротвейлеров и питает слабость к элегантным лабрадорам...

Он называет меня «бронированной леди». «Ты молодец! Выжила, не опустила руки. Вытерпела столько сложностей здесь, сохранив любовь к городу...» — «Да ладно... Тебя послушаешь, я прямо героиня... Пойми, у меня просто не было другого выхода. Я вынуждена была выжить здесь — в любом другом месте, уверена, загнулась бы». Он аккуратно снимает ресничку с моей щеки, просит загадать желание. «Никогда не потерять веру в счастье!» — произношу вслух. «Саш, загадывать желание нужно про себя». — «А я хочу вслух! Рядом с тобой все мечты кажутся исполнимыми...»

Он не называет меня, как все, Алексой. Для него я Саша. В первый же день нашего знакомства на обложке блокнота, в котором я делаю ежедневные записи, написала жирным фломастером «Дневник С.» — самой понравилось... Он знает о моей любви к Озану. Узнав о последних событиях, искренне заволновался: «Может, попытаемся освободить твоего любимого?» Я отказалась от помощи, не хочу вмешивать никого. Он — хороший друг, предложил помощь человеку, которого знает каких-то 72 часа.

Я бы не стала... Между нами необычная дружба. С эпицентром на набережной. С минимумом слов. С условными границами... Я очень благодарна Аллаху, он снова научил меня любви и дружбе.

...Обходит стороной тему прошлого. Для него не существует той Алексы, рядовой русской проститутки Стамбула. Не стыдится: просто-напросто не хочет знать того, что принесло мне много боли. «Я знаю нынешнюю Сашу. Не важно, чем занималась Алекса в прошлом. Среди нас нет святых». Еще он готов говорить обо мне часами — и о моем малыше, о том, каким именем его назову, турецким или русским... Я спросила про его отношение к проституткам и с облегчением выслушала спокойный ответ: «Каждый имеет право выбора. Каждый делает свой выбор. У каждого, в конце концов, своя жизнь». Он признался, что у него был секс с проституткой — в юности, когда всего хотелось попробовать. Смеется; «Это даже сексом назвать трудно, я был настолько неопытен... Да и проститутка попала не из инициативных. Но у нее, к слову говоря, было восхитительное тело...» С ним легко говорить на любую тему.

«У тебя хороший турецкий, говоришь без акцента. В компьютере вроде немного разбираешься. Ты бы могла наборщицей работать — в издательстве или в редакции газеты. Жаль, с документами проблема. Но можно на дому печатать. У меня есть знакомый писатель, он принципиально не пользуется компьютером. Пишет от руки, а потом отдает рукопись на набор... Я поговорю с ним о тебе». Достаяю из сумки два персика, протягиваю ему один. «А компьютер где взять?» — «У меня есть один, старенький. Для набора текстов сгодится. А я избавлюсь от раритета». Откусывает персик, сок течет по его подбородку. Айдынлыг тут же подбегает к нам, виляет хвостом, просит угостить. Но вместо персика прожорливая красотка получает собачье печенье с колбасной отдушкой, «Я без печенья на прогулку с Айдой не

выхожу. Она — жутко меркантильная дама. Бесплатно ни одну команду не выполнит. Мячик поиграть принесет и то требует вознаграждения», — смеется он.

Я закрываю глаза. Вдыхаю свежий морской воздух. Еще каких-то пару дней назад сомневалась, что смогу построить нормальную жизнь. А теперь так хорошо и спокойно. Неужели сказки случаются в реальности?...

Он показал мне фотографии в мобильном: телефонная память заполнена изображениями милой брюнетки со сладкими ямочками на щеках. Зейнеп. Гордится. Любит. Восхищается. Мне понравился их совместный снимок в какой-то кафешке: сидят за маленьким круглым столиком. Один пузатый бокал клубничного коктейля с горкой взбитых сливок, две полосатые трубочки и два солнечных лица, прижатых друг к другу. В глазах безумная любовь. Улыбки излучают очарование обоюдного чувства. Они даже внешне похожи, как брат с сестрой...

Он искал свою половинку долго. Неоднократно обжигаясь, болезненно спотыкаясь, наступая на всевозможные грабли.

Искал сердцем, доверяя силе притяжения. Какая-то гадалка предсказала ему, что его встретит ее в одном из ортакеевских магазинов, и спустя несколько месяцев они столкнулись в «Мигросе». Он смеется: «Люди встречают любовь в каких-нибудь романтических местах: в тенистых парках, на берегу моря, в уютных ресторанчиках. А я нашел любовь в овощном отделе супермаркета. И талисманом нашей любви стал обычный пучок салата. Романтично, правда?...»

Я слушаю их невероятную историю знакомства, уясняя для себя формулу обретения любви: «Если хочешь найти половинку, то просто верь». В моем случае любовь нашла меня сама — значит, за меня верил Озан... Он признается, что их любовь до сих пор подвергается испытаниям: «Я не могу постоянно находиться в Турции — слишком многое связывает с родным Баку. У меня там работа и здесь работа. У меня там друзья и здесь друзья. Разрываюсь между двумя странами, и каждый мой отъезд для нас испытание. Думаешь, легко не видеться неделями, месяцами? В Баку я часто впадаю в депрессию, сердце разрывается от тоски. Но мы, конечно, справимся. Надеюсь, скоро перееду сюда окончательно...»

Он убежден, что ему повезло с будущей женой: Зейнеп самодостаточна, не заражена ревностью, доверяет любимому. «Казалось бы, Зейнеп должна ревновать — у меня столько друзей, подруг, контактов... Все наоборот: я умираю от ревности, тогда как она совершенно спокойна. Созваниваемся как минимум три раза в день,

плюс встречаемся по вечерам, если я нахожусь в Стамбуле. Она никогда не спросит, где был и с кем. Я же требую отчета. Это не отсутствие доверия — скорее, боюсь потерять человека, которого искал всю жизнь. Впрочем, я стараюсь сдерживаться, чтобы не донимать Зейнеп своей ревностью...»

Я слушаю моего Друга, мысленно листая нашу с Озаном историю любви. Мой мальчик ревнив. Наверное, именно поэтому он вырвал меня из прошлой жизни. И спас. Во мне же чувство ревности никогда не возникало — может, сказывается разница в возрасте? Одно знаю точно: я до боли скучаю по Озану...

Друг верит в силу любви, преодолевающую любые препятствия: «Саш, разница в возрасте, конечно, тоже препятствие. Ну, это как теория на практике. Основа одна, действия разные. Вы будете вместе, если сможете уберечь свою любовь. Это как подкидывать дрова в костер — огонь готов потухнуть, но ты снова и снова разжигаешь его». Внимательно слушаю. Он моложе, зато мудрее меня. «Ты такой рассудительный. Не планируешь ли книги писать?» Улыбается: «Спасибо, родная. Я стараюсь мыслить трезво, вот и все... А книгу пишу. Правда, она на книгу не похожа. Описываю утраченное время: свой приезд в Стамбул, дружбу с Босфором, обретение Айдынлыг, встречу с Зейнеп...» Меня посещает идея: «Думаю, когда-нибудь я подарю тебе свой Дневник, который веду уже достаточно долго. Я описываю все, что испытываю, в подробностях. Может, ты напишешь по нему книгу? Хотя кому будет интересно нытье русской проститутки?!» — «Не говори ерунды. Дневник свой никому не отдавай. Даже мне. Продолжай писать. Когда-нибудь в старости ты прочтешь написанное как увлекательный роман. Вспомнишь и переосмыслишь». — «Вряд ли захочется вспоминать...» Он сжимает мою руку в своей ладони. Смотрит в глаза. «Почему же? Вспомнишь Озана, меня, Айдышлыг... Соглашайся!» Он смеется и настроен оптимистично: «Уверен, у тебя с твоим мальчиком еще может все получиться. Конечно, если он этого тоже захочет. Но в любом случае и без него ты сможешь жить дальше — ты же «бронированная леди». Ты сильная. Просто опасайся родни Озана, они могут тебе подпортить жизнь. Скрывайся, пока страсти не улягутся».

Я все еще держу Друга за руку. Когда он говорит, все так упрощается. А может, все и на самом деле совсем не сложно?

Скоро он уезжает на две недели — свадьба у двоюродной сестры, юбилей отца, нужно присутствовать... В Стамбул он всегда возвращается радостным, уезжает грустным. Тяжело ему мотаться из одной страны в другую, менять часовые пояса, переводить стрелки «Сейко» на два часа вперед или назад.^[111] Устало рассказывает: «Многих работников стамбульского и бакинского аэропортов я знаю по именам. Здравуемся, поздравляем друг друга с праздниками. Раньше многие думали, я занимаюсь челночным бизнесом: всегда покидаю Стамбул с кучей подарков... Веришь, Саша, я устал от билетов, регистрации, взлетов, посадок. Хочется поселиться в одном месте. Уезжать раз в году, летом, в отпуск».

Я наблюдаю за чайками над Босфором. «Завидую. По-белому... У тебя есть возможность выбирать. Когда в Стамбуле холодно, можешь уехать в Египет. Когда в Баку жарко, можешь на денек сорваться в Питер — мой любимый город после Стамбула... Ты, как птица, свободен оказаться там, где хочешь». Он гладит меня по голове как старший брат: «Мы ценим что-то лишь после того, как его теряем. Наверное, все люди, по сути, неблагодарные... Саш, не поддавайся пессимизму. Ты тоже свободна. Твоя свобода немного иная, чем-то похожа на свободу стамбульских чаек. Они не покидают Босфор, потому что преданы проливу. Да и зачем им улетать, если они понимают, что их счастье *здесь*. И ты его почти нашла. Поверь мне, так везет не многим...»

Я достаю из сумки небольшой зеленый термос с чаем, пластмассовые стаканчики. Открываю коробку свежего пишмание.^[112] «Давай-ка лучше чайку попьем, с чабрецом. Ты пьешь такой?» — «А почему нет? Я как раз сегодня не успел выпить кофе. Наливай. Тем более тут и десерт напрашивается...» Бежевые сахарно-пряные нити тают во рту. От чрезмерной сладости спасает горячий чай... Я буду скучать по Другу и Айдынлыг — так привыкла каждое утро встречать с ними. Обучать непослушную Аиду командам, расчесывать ее специальной щеткой, целовать в холодный нос. Беседовать с Другом о будущем, слушать забавные истории из его журналистской жизни,

дышать с ним вместе вечной свежестью Босфора. Привыкла прощаться с ними, зная, что завтра опять встречу их... Он пишет мне на последней страничке Дневника свой стамбульский и бакинский адреса, диктует городской номер в Баку. «Саш, ты звони в любое время. Или скинь эсмэску, и я перезвоню сам... Честно говоря, уезжаю не со спокойной душой. Будь осторожна здесь. Дождись, пока страсти улягутся... Десять дней пролетят быстро; а если получится, я приеду раньше». Целую Друга в щеку: «Ты не волнуйся. Теперь мне есть ради кого беречь себя — ради Озана, моего ребеночка, тебя и Айдынлыг... Езжай с Богом и возвращайся скорее». Обнимаемся, Я терплю Айдынлыг за мордочку и не смотрю в глаза ни ей, ни ему. Это почему-то стало так трудно...

* * *

«Алекса, извини за поздний ответ. Вина во мне, признаюсь честно. Я не знал, что написать... Все минувшие дни старался осмыслить то, что ты мне сообщила... Не знаю, получилось ли... В любом случае решил не тянуть и написать ответ... Я люблю тебя, Алекса. Больше жизни. Хочу быть с тобой больше всего на свете. Мечтаю просыпаться и видеть тебя рядом. По-твоему, как я могу отреагировать на новость о твоей беременности? Я счастлив. Ведь этот ребенок — плод нашей любви, он станет частичкой нас... Если родится мальчик, я научу его играть в футбол. И он станет известней Бэксема. Если родится девочка, я научу ее готовить самый лучший имамбайылды в Турции... Сложно писать. Извелся. Я хочу побыть с тобой с глазу на глаз, в тишине... Сегодня говорил с отцом. Планирует отправить меня в Англию — насильно. Учиться в каком-то из тамошних университетов. Разгорелся скандал, Я сказал, что ненавижу их с матерью. В первый раз в жизни он избил меня... Сестра узнала о ребенке. Она говорит, что ты должна пойти на аборт, мол, моя семья не даст нам спокойно жить. Поругался и с ней. Не волнуйся, любимая, из квартиры она не выгонит, я не допущу... Сбегу отсюда на днях. Есть план. Через считанные дни мы будем вместе, потерпи... К тебе просьба: не слушай Гюльшен, если она посоветует аборт. Ни в коем случае. Мы вырастим ребенка общими

*силами... Я люблю тебя, Алекса. Тебя и нашего ребенка. Береги себя.
Целую. Твой Озан».*

Звонки повторяются с периодичностью в два часа. «Gizli numara». [113] Мое «efendim» [114] остается без ответа. На том конце провода пустое молчание — без утрашающего дыхания, любых звуков, проникающего напряжения. Прислушиваюсь. Гробовая тишина. Такого не бывает, когда звонят с мобильного: всегда слышны помехи, пусть и незначительные. Злюсь. Нажимаю отбой.

Через 120 минут очередной звонок. Опять молчание. Кто-то издевается надо мной? Выключить мобильный я не могу, вдруг позвонит Озан или Друг из Баку... Набираю 500 — службу поддержки AVEA. [115]

Прошу девушку-оператора проследить звонки и определить номер. «Вы сначала обратитесь в полицию с соответствующей жалобой. Они, в свою очередь, обратятся к нам. Тогда мы официально предоставим им распечатку поступающих звонков. Номера, дату, время...»

В ярости бросаю трубку на диван. Через секунду раздается звонок. «Gizli numara». Отвечаю: «Подонок, перестань звонить ко мне! Смелости не хватает заговорить?» Резкий отбой. Вот это да. До этого отсоединялась исключительно я... Звонки не прекращаются вторые сутки. Наверняка поступают из Интернета. Чьих это рук дело? С какой целью? Кто-то из семейки моего мальчика? Вряд ли звонят родители Озана, они не станут играть в такие игрушки. Сразу перейдут к действиям... Но мне все равно страшно подходить к сотовому Трель мобильного наводит страх. Переключила на режим вибрации. Схожу с ума...

Осень вступает в свои права. Стена из густо-серых туч заслонила озябшее солнце. В Стамбуле второй день льют дожди.

То-то радость для правительства, удрученного проблемой нехватки воды. Аллах услышал молитвы турок — наградил осадками. Я не выхожу из дома. По утрам сижу на балконе, вспоминаю прогулки минувших дней. На соседнем стуле — подросший базилик. Оба принимаем воздушные ванны. Очень хочется пойти на набережную, где Айдынлыг временно выгуливает Зейнеп. Нет, лучше воздержусь.

Опасаясь реакции невесты Друга... В вечернее время я прячусь дома. Вплотную задвигаю шторы, запираю крепко дверь. Завариваю кофе, смотрю телевизор. Нужно отвлечься. Время от времени выглядываю в дверной глазок. Страшно. Кажется, будто на лестничной площадке затаился убийца с мобильным в руках. Алекса, успокойся!!! Поменьше триллеров и забудь о звонках. Может, это какой-нибудь озабоченный подросток страдает... Сейчас вот закончу писать, пойду почищу аквариум Хаяль. Совсем я забросила бедную малышку... Черт, вибрирует телефон... «Gizli numara»... Опять... О Боже...

* * *

...Я не принимаю к запахам в салоне автомобиля. Не приглядываюсь к ее внешнему виду или к застывшей спине ее шофера. Не вникаю в суть сказанных ею слов. Оглохла. Взгляд примерз к каплям дождя, стекающим по затемненному окну машины. Одна только мысль: я буду защищать ребенка, сердечко которого бьется рядом с моим сердцем. Я отгорожу сына от наступающих тварей. Они мечтают о смерти моего малыша. Они подталкивают меня убить ребенка. Собственно для этого Польшей вызвала меня на разговор...

Черная машина притормозила рядом, когда я шла к маркету. Дверь открылась. Польшей. Отодвинулась на левую сторону заднего сиденья: «Садись». Зачем я села? Она завела разговор издалека — на тему возрастов, любви, разлуки. Начала романтично, закончила жестко: «Я договорилась со знакомым врачом. Завтра он ждет тебя. Все оплачено». Я прикинулась дурочкой: «Польшей, какая же ты нетерпеливая тетя! Пол еще рано определять...» И тут она взбесилась. «Алекса, ты ищешь проблемы?! Избавься от ребенка, пока не поздно. Живи спокойно. Мой брат — тебе не пара. У него молоко на губах не обсохло, а ты...» Я молчу, стараюсь изобразить на лице безразличие. Внутри — ураган. С удовольствием плюнула бы в лицо сестре Озана, хлопнула бы дверью, выскочив наружу и навсегда забыв их всех. Но я не могу так поступить. Зависима от Польшей. Мне нужно жилье. «Гюльшен, я готова воевать с твоей родней ради моего малыша. Он мне дороже всех. Дороже твоего брата. Дороже себя самой. Забудьте все об аборте... В любом случае спасибо за беспокойство. Я могу

идти?» Она вытаскивает сигарету — шофер мгновенно подсовывает зажигалку. Гюльшен некрасиво выпускает дым через нос: «Пусть будет так... Ты скоро пожалеешь. Не говори, что я тебя не предупреждала...» — «Гюльшен, я не могу понять — ты угрожаешь от своего имени или от имени своей семьи?» Она нажимает на кнопку, приспускает окно. Дождь не утихает. Щелчком выбрасывает в окно недокуренную сигарету. Извлекает из сумки бордовый флакон «Эскада» и неспешно обрызгивает себя. «Милочка, если бы я решила тебе угрожать, то для начала прогнала бы из квартиры... Честно скажу — ты мне симпатична. Кроме того, я очень люблю брата. Не хочу, чтобы он страдал». Я киваю. Открываю дверь. Выхожу... В магазин идти расхотелось. Раскрываю зонтик. Дождь — не просто небесная вода. Я думаю, дождь — это всегда какой-то знак...

...В толпе прохожих мне мерещатся знакомые лица. Джемаль, Зия, Левент... Те, кого меньше всего хочу встретить. На днях по дороге домой прошла мимо полноватого мужчины с разросшейся бородкой. Он угрюмо посмотрел на меня. Я отвернулась. На мгновение показалось, что передо мной Джемаль. Украдкой взглянула снова: нет, на моего бывшего сутенера не похож... Почему прошлое меня не отпускает? Хожу по малолюдным улицам — из-за страха встретить кого-то из той жизни. Кажется, за мной следуют тени прошлого. Хихикают над Алексой, шепчутся, обсуждают мои поступки.

Я не стесняюсь прошлого, я просто боюсь. Беременность одарила меня не только сентиментальностью, но и разъедающей тревогой. Беспокоюсь не за себя — за малыша. Что бы я ни делала, все равно парусник оптимизма разбивается о скалы реальности. Я одна в многомиллионном городе. Рядом нет ни Озана, ни Друга. Хорошо хоть Босфор есть... Будто сижу на бомбе замедленного действия. Еще чуть-чуть и произойдет взрыв. Паникую, хотя конкретной причины для переживаний нет. Есть только десятки малоприятных обстоятельств, объединившихся в одну большую причину. В некогда умиротворяющем Ортакее я вижу теперь вражеское логово. Вижу угрозу во всем — в скрипе двери, в шуме на лестничной площадке, в бегущих глазах продавца в местном магазине. Я убегаю ото всех. Прячусь дома. Спокойствие нахожу в закрытом пространстве.

Что со мной творится? Расшатались нервы? Бунтует интуиция? Глупые предчувствия? Надо созвониться с врачом, пусть назначит успокоительное. С завтрашнего дня перехожу на мятный чай. Вычитала в «Elle», что он здорово помогает при нервных расстройствах... Жду возвращения Озана. Уверена, он скоро постучится в дверь. И мы забудем этот кошмар, снова будем любить друг друга, готовить восточные вкусности. Снова будем жить общей надеждой. Двоим легче, чем одному. Озан появится — и мои страхи рассеются. Ортакей вновь станет нашим райским островком... Сейчас как никогда нуждаюсь в любви моего мальчика, сейчас как никогда наплевать на наши различия. С нетерпением ждем нашего малыша — самый

главный символ нашей любви. Он важнее всех возрастов, статусов, происхождений.

...Теперь, когда на Стамбул опускается ночь, я мечтаю, как напуганная ящерица. Я ненавижу ночь. В светлое время суток комфортнее: ясно видишь окружающих, легче заметить врагов, вычислить их в общем потоке. Я яростно защищаюсь от безжалостного мира... Звонки по-прежнему не прекращаются. Правда, изменилась периодичность. Реже беспокоит днем. Чаще звонит ночью. Сволочь, унюхал мой страх перед темнотой. Продолжается безжизненное молчание. Номер, как всегда, скрытый... Нападающий не должен уловить панику жертвы, иначе его азарт разыграется. Напоминала себе об этом, когда вслушивалась в молчание на линии. Но вчера не сдержалась: закричала, обматерила, прокляла. На том конце провода нажали отбой. Испугался он или не переносит женские слезы?...

Страх усиливается, когда держишь его в себе. С кем мне поделиться, кроме Босфора? Он-то, бедняга, слушает, вникает, поддерживает... Сегодня набрала Другу. Подсчитала время, позвонив в пять вечера по бакинскому времени. Он поднял трубку. Теплые нотки в голосе Друга мгновенно согрели мое истомленное переживаниями сердце. Я начала неоригинально: «Привет! Как дела?» Узнал сразу и обрадовался: «Саш! Ну ты так чувствуешь... Вот сейчас одевался на свадьбу и подумал — как вернусь с гулянки, сразу наберу «бронированной леди». Знаю ведь, что ты поздно ложишься... Рад слышать. Скучаю...» — «...по Стамбулу?» — «...да по тебе, зараза!» Я не выдержала, зарыдала. Выплакивала накопившуюся боль. Он слушал, время от времени произносил: «Будь сильной, Саш. Ради ребенка». Слезы опустошили меня. Мне показалось, что мы снова на набережной. Рядом резвится Айдынлыг. Перед нами раскинулся Босфор в компании любопытных подружек-чаек...

После этого разговора я успокоилась. Воодушевилась. Он приедет на три дня раньше — отец отказался праздновать юбилей на широкую ногу. Будет широкая вечеринка в ресторане и все. «Честно говоря, обрадовался — вернусь в Стамбул пораньше. Соскучился по Зейнеп, тебе, Айдынлыг. По Босфору. Передавай ему большой привет и не вешай нос, слышишь?» Я не рассказала Другу о пугающих звонках.

Зачем портить настроение перед свадьбой сестры? Приедет, расскажу...

Консьерж постучался рано утром, я только проснулась. Сидела в пижаме на кровати. Кормила Хаяль листиком салата. Услышав стук, ринулась в прихожую — чуть не поскользнулась на бегу. Вовремя уцепилась за дверную раму. Заглянула в глазок. Надеюсь увидеть Озана... Вместо него передо дверью стоял лопухий и лупоглазый консьерж. Жутко раздражает. Он всегда пристально наблюдает за мной, но почти не разговаривает. Молчит, глазеет, ехидно улыбается, обнажая кривые зубы. Интересно, какой у него голос? Он ведь произносил несколько фраз, передавая письмо от Озана. Кажется, скрипуче-писклявый...

Разочарованная, открываю дверь. Он заглядывает в квартиру. Интересуется жизнью новой жительницы дома. А вот фиг ты увидишь что-то! Я стремительно шагаю на лестничную площадку, захопываю за собой дверь: «Слушаю вас». Говорю жестко, хотя сама трясусь от страха. Вдруг консьерж — маньяк?! «Доброе утро... Вот... На ваше имя в 8 утра... письмо... принесли», — протягивает мне белый конверт. На нем ручкой написано: «Sen tercihini yaptin, orospu».^[116] Меня прошибает пот, в глазах темнеет. «Кто принес?!» — «Один высокий парень, красивый...» — «Какого возраста?» — «Не знаю... Не знаю... Т-тридцать. Может б-быть...» Консьерж заикается, его большой лоб покрывается капельками пота. Нервничает или врет?... Я запикиваю конверт в карман пижамы, захожу в квартиру. Сползаю по двери на пол. Страшно.

Что там внутри? Письмо? От кого оно может быть, с такой-то надписью? Бенал? Джемаль? Левент? Польшей?...или Озан?!. Разрываю конверт. Исписанный лист бумаги. Знакомый почерк. Читаю. Текст на турецком. «...Я волновалась, любимый. Беспокоилась. В голову лезли всякие мысли. Главное, ты жив, здоров. Остальное преодолеем. Согласен?... Озан, я была у врача. Я беременна. Ношу под сердцем твоего...» — черт, это же мое письмо. Посылала его через Польшей больше двух недель назад. Кто отправил его обратно? Письмо выкрали у моего мальчика? Наверняка уже вся чертова семейка в курсе моей беременности... Выхожу на балкон. Не хватает воздуха. Падаю на

стул. Подозрений сотни. Интуиция подсказывает, что к этому причастна Польшей. Неужели это ее рук дело? Она же на днях признавалась в симпатии ко мне, советовала беречься... Эх, Алекса, наивная душа... Хватит верить людям... А может, это проделки Бенал? Может быть, Озан сбежал, вот она и взбесилась... Позвоню Польшей. Выясню все. Надоело теряться в догадках...

* * *

...Маленький парк напротив дома. Через дорогу. Она слегка раскачивается на качелях и смотрит на мой балкон остекленевшим взглядом. На ней легкое пальтишко цвета вареной сгущенки. Взъерошенные волосы. На ногах светло-коричневые колготки, черные босоножки. Странная женщина лет сорока. Третий день появляется в парке в дневное время. Когда я выхожу на балкон, наши взгляды встречаются. Мне становится не по себе. Что-то пугает в ее глазах. Они словно высохшие... В первый день я не обратила на нее внимания — подумала, какая-нибудь сумасшедшая. Однако позавчера на улице увидела эту женщину мирно болтающей по сотовому. Внятная речь. Вкрадчивый голос. Отличный турецкий. Я как раз проходила рядом, когда она оживленно объяснялась по телефону, спрятавшись в переулке. И подслушала. Она что-то кому-то обещала, умоляя немного потерпеть. Не рискнула подойти к ней — а что сказать? «Зачем вы пялитесь на мой балкон?» Или «Почему вы ходите в дождливую погоду в босоножках?» Сейчас жалею, что тогда не подошла. Вот она опять смотрит на меня. Машет рукой... Да что происходит?!

...Вместо нее отвечает кто-то манерный. Вроде парень. Представляется менеджером. Прошу позвать Польшей. «А кто беспокоит?» Беспокоит! Решила сдерзить: «Звонит мама ее будущего племянника... Алекса». Минутное молчание. Слышу хриплый женский голос, кажется, Польшей. Снова заговаривает менеджер: «Гюльшенханым не может с вами поговорить. Находится на студии, записывается. Я все ей передам. Она вам перезвонит, если сочтет нужным. Всего хорошего!» Сестра Озана явно не захотела со мной говорить. Почему? Из-за того, что я отказалась от аборта, или из-за присланного письма? Честно говоря, я особенно не переживаю —

сейчас важнее возвращение Озана. Когда он появится, нам нужно бежать отсюда. Остаться в Ортакёе слишком рискованно.

Думаю, Польшей сообщит (если уже не сообщила) родителям о моем местонахождении. Нагрянут, заберут Озана, сдадут меня полиции... Так. Нельзя терять время. Пора собирать вещи, Попытаюсь вместить все необходимое в одну спортивную сумку, больше взять не смогу. Придется оставить базилик, жаль. Нет. Так поступать с символом нашей любви нельзя. Унесу растение без горшка, потом пересажу... Но куда мы пойдём с моим мальчиком? Где найдем квартиру? Надеюсь, у Озана найдутся знакомые. Надеюсь, помогут... Изводит один вопрос: что делать, если Озан не появится? Тогда мне придется бежать одной? Выхода нет... Дневник продолжаю вести. Иначе задохнусь от переживаний...

...Она стояла недалеко от входа в подъезд. Ждала, пока я выйду на улицу. Почему не попросила консьержа вызвать меня? Сегодня она выглядела жалкой. Цвет плаща потемнел, мокрые волосы слиплись, по лицу текут капли воды — со вчерашней ночи моросит дождь. В такую плачущую погоду я не вышла бы из дому, если бы не лекарства, прописанные гинекологом. Ведь мне предстоит переезд. Кто знает, смогу ли я в ближайшее время найти необходимые таблетки...

Только я вышла из подъезда, как женщина из парка резко сдвинулась с места. Не поздоровалась. Взяла за руку, зашагала рядом, прячась под зонтиком. Я спокойно продолжала идти, не обращая внимания на странную попутчицу. Сейчас она что-то мне сообщит. В конце концов я должна узнать, зачем она меня преследует. До аптеки семь-восемь минут ходьбы. Она бормочет: *«Тебе угрожает опасность... Беги... Беги, слышишь?»* Крепче сжимает руку. Напряжение передается и мне. Молчу — пусть выскажется до конца. Улицы пустые. Мокрые машины спешат в разных направлениях. *«... Время пошло... Оно истекает... Спаси себя, разбей часы... Пожертвуй сердцем... Пожертвуй сердцем!»* Ее голос изменился, стал более властным, глубоким. *«Не жди... Не верь... Отпусти... Ворон улетел туда, где жар-птицам не место... Не лети за ним...»* Что за чушь она несет? Куда бежать? Какой ворон улетел? Я останавливаюсь около того самого парка. Поворачиваю голову. Смотрю на нее. Отхожу на шаг. Она смотрит куда-то вперед, бубнит себе под нос. Прислушиваюсь. *«...Время проходит... Мало времени... Пора бежать... Сердце не спасти... Все решено... Александра, спасайся...»* Дрожь пробегает по телу. Откуда она узнала мое имя? От кого нужно спасаться? Я хватаю женщину за плечи, слегка встряхиваю. Зонтик падает из рук. Сейчас она мне все расскажет. Я ору: *«Кто ты? Кто тебя подослал?»* Шум усилившегося дождя заглушает мой голос. Она продолжает бубнить. *«Слышишь меня?! Эй, слышишь?!»* Внезапно она успокаивается. Глаза оживают. Голос смягчается. И заговаривает на русском языке: *«Лида прислала. Твоя мать»*.

Я обмираю. Кружится голова. Тошнит. Ее послала мама? Не может быть. В шоке сажусь на скамейку. И вдруг замечаю на ногах у женщины старые туфли красного цвета. В голове оживает история Друга об ортакёевской ясновидящей из потустороннего мира. Поднимаю голову. Женщина испарилась. Ее нигде нет! Лишь на мокрой земле валяется пара красных туфель...

...Послезавтра покидаю Ортакёй. Утром, как проснусь, вызову такси, сдам консьержу ключи. Попрощаюсь с незабываемым видом из окна, со старыми киноафишами на стенах, с ванильной атмосферой полюбившейся квартиры. Дальше здесь опасно находиться. Конец одному из волшебных периодов жизни... Планировала съехать уже завтра, но передумала. Во мне живет надежда, что Озан вот-вот появится. Целыми днями прислушиваюсь к шуму на лестничной площадке. Жду моего мальчика. Может, я все еще смотрю на мир сквозь розовые очки? Может быть. Верю в нашу любовь...

Подожду его последние 24 часа, а потом уеду. Иначе поступить не могу, забочусь о безопасности малыша. Мобильный будет включен. Надеюсь, он позвонит, как только окажется на свободе... Первые пару недель проживу в каком-нибудь недорогом отеле, подальше отсюда. В азиатской части Стамбула. Выбрала Кадыкёй, там спокойно. Завтра съезжу в этот район на пароме или на автобусе, поищу гостиницу подешевле... После переезда в Кадыкёй отправлюсь на поиски работы. Иначе скоро останусь без куруша... Не знаю, как дальше сложится жизнь...

Меньше чем через неделю придет Друг. Наверное, он поможет мне устроиться. Начну работать, сниму квартирку. Пусть Хаяль тоже переедет в новый аквариум. Еще наполню кухонный шкафчик специями, куплю керамические кружки необычных расцветок, выберу для сыночка желто-зеленую коляску-трансформер. Я буду счастливой. Я верю в это... Вещи уже собрала. Базилик решила не бросать — увезу растение в горшочке. Пусть наполняет мои будни своим ароматом: вычитала на днях, что беременным полезен базилик — уменьшает вероятность преждевременных родов.

Звонить Другу сейчас не стану. Перееду в Кадыкёй, оттуда и позвоню. Что касается Польшей, то ей, как и Джемалю, я напишу небольшое письмецо. Поблагодарю, пожелаю успехов в творчестве... Ладно, пойду спать. Завтра тяжелый день. Буду искать гостиницу, а потом прогуляюсь по Искеле мейданы. Послушаю вечерний азан,

доносящийся из двухминаретной ортакёевской мечети. Обязательно поужинаю в маленьком рыбном ресторанчике. Тяжело прощаться...

...Я плаваю в красном море. На поверхности оно алое. Будто нырнула в коктейль из молодой крови, соленой воды и пресных водорослей. На мне черное шифоновое платье, у меня стрижка «под мальчика», а в животе зияет черная дыра. Не понимаю, как она появилась. Боли нет. Прикасаюсь рукой к обнажившимся внутренностям — все органы словно высохли. Странно. Смотрю на пальцы. Они такие же белые. Не запачканы кровью... Такое чувство, будто в животе что-то было и вышло из меня через развязавшийся пупок. Вспоминаю. Может, я была беременной? Нет, не была. Может, я похудела, избавившись от килограммов лишнего жира? Нет, не то. Я никогда не была толстой... Забываю о животе, когда замечаю проплывающих дельфинов. Обожаю! Самые искренние, душевные создания. Хочу подплыть к ним ближе, но что-то отталкивает. Приглядываюсь. Становится страшно — дельфины иссиня-черные. Они совсем не добродушные, а злобные и агрессивные. Боюсь приблизиться...

В панике оглядываюсь вокруг, Все окружающее сливается в один черно-синий туман. Я не хочу здесь находиться. Как я вообще оказалась в этом красном море? Где синева Босфора? Почему дельфины так обозлены? Где их чарующе голубой цвет? Всплываю на поверхность с надеждой увидеть родной Стамбул, но там все изменилось. Исчезли подвесной мост над Босфором, десятки мечетей с устремленными ввысь минаретами, живописные набережные, переполненные любопытными туристами... Куда делся мой Стамбул? Вместо него сейчас одинокие руины, заросшие потемневшим мхом. Я зову на помощь. Никто не откликается. Вокруг — ни единой живой души. Плыву к берегу. Ищу глазами Долмабахче.^[117] Величественный дворец тоже исчез, как и магнолии, украшающие его сады. Слезы застилают глаза. По мере приближения к берегу я замечаю наполовину затонувшие паромы, некогда служившие жителям города контрастов. Сил видеть этот кошмар больше нет. Я погружаюсь на глубину и кричу изо всех сил от тоски по Стамбулу. Рот, пищевод, желудок, легкие наполняются морской водой. Не задыхаюсь. Неужели я так же мертва,

как тот город наверху? Бью себя до крови, щипаю до синяков, засовываю руку в черную дыру живота. Надо нащупать сердце — проверить, бьется ли оно. Рука не дотягивается. Я хочу умереть, чтобы не жить так. Но как убить себя, если я уже мертва?...

...Комната без окон. Стены покрашены красной масляной краской. Под ногами ковер алого цвета. Я — одна. Голая. С той же дырой в животе. Как здесь очутилась, не знаю. Комната почти пустая, только в центре стоит голубая колыбель, накрытая бежевым платком. Слышу сопение ребенка. Он (или она?) спит. Я стараюсь не шуметь — тихо сажусь на корточки, обхватываю колени руками. Ужасно холодно. Дыханием согреваю руки, массирую заледеневшие ноги. Как ребенок спит в таком холоде? Спокойно дышит, не капризничает. Как будто отсыпается на всю грядущую жизнь. Мне хочется подойти, вытащить малыша из колыбели. Прижать к себе, Согреться теплом друг друга. Но я не хочу тревожить его. Так сладко спит... Стараюсь заснуть и от холода не могу сомкнуть глаза. Мозг вовсю работает, придумывает варианты исхода. Инстинкт самосохранения. Я должна покинуть комнату... Ненавижу красный цвет — такой тревожный, резкий, бунтующий. Я предпочитаю спокойные — бежевый, голубой, кремовый... Хочу вспомнить прошлое. Кто я такая? Где жила, с кем? Помню, что последние годы находилась в Стамбуле. А до этого? Как очутилась в красной комнате? Чей ребенок спит в колыбели? Перелистываю страницы книги прошлого. Чистые, белые. Ни одного слова. Зато на обложке надпись жирным фломастером. «Дневник С.» Что такое эта С? Светлана, Селим, Сергей, Седа? Не знаю...

Встаю на ноги. Стучу кулаками об стены. Безрезультатно. Вдруг ребенок начинает хныкать. Я разбудила или он проснулся от холода? Спустя минуту уже истошно кричит. Я теряюсь. Кажется, нужно покачать малыша на руках, но стена непонятного страха вырастает между мной и колыбелью. Никогда не держала грудного ребенка. А вдруг уроню? Наконец нахожу в себе силы подойти к колыбельке. Из-за волнения забываю о холоде. Поднимаю платок. Шок. Ребенка нет. Кроватка пустая. Кто же тогда плакал? Я кутаюсь в платок. Прижимаюсь к колыбели телом, чтобы согреться. Внезапно в области живота теплеет. Но что это? Я смотрю вниз, из моего влагища течет кровь. По ногам. Две тоненькие струйки. Появляется боль в пояснице. Я падаю. Умираю?... Зову Аллаха. Молю о помощи. Открываю глаза.

Хочу увидеть коридор солнечного света. Он должен появиться откуда-то сверху. Но не появляется. Какая же я дура! Такое бывает в фильмах, но не в реальности. Мне нужна помощь. Ради Бога...

...Сижу перед телевизором. Блеклые краски. Кто-то чересчур убавил цвет. Наблюдаю за действием на экране: небрежная съемка, кажется, любительской камерой. В центре кадра симпатичный смуглый мальчишка лет 18–20. Горящие карие глаза, добрая улыбка, почти незаметная черная родинка на правой щеке. Улыбается в камеру, посылает воздушный поцелуй. Я не могу отвести взгляд: очень знакомое лицо, которое, кажется, запечатлено на многих фотографиях моей памяти. Очень родные губы, которые, кажется, не раз блуждали по моему телу. Смотрю на его пальцы. Длинные, чувственные. Во мне пробуждается дурманящее желание. Медленно кладу руку на грудь, чтобы никто не заметил. Сжимаю между двумя пальцами выпуклый сосок. Свожу ноги. Хочется громко дышать. Хочется выгнуться. Нельзя. За мной наблюдают. Кто и откуда? Я не знаю...

Перевожу взгляд на тумбочку под телевизором, чтобы отвлечься. Через пару минут приятное оцепенение проходит. Мальчишка по-прежнему в кадре. У него мягкий волнующий голос. Отменный турецкий. Камера отдалается от него, теперь он виден в полный рост. Свободная льняная майка навыпуск. Широкие плечи. Спущенные на бедра джинсы. Сейчас в руках он держит что-то завернутое в розовое одеяло. На уголке вышито «My lovely baby».^[118] Младенец. Вот из одеяла выглядывают беленькая головка в чепчике, маленькие ручки, чуть кривоватые ножки в малиновых пинетках с завязочками. Внутри меня оживает боль. Мальчишка подносит малыша к камере. Крупный план. Это же мой ребенок! Я его так долго искала. Я его так долго ждала. Встаю с железного стула, падаю на колени перед телевизором. Прикасаюсь рукой к экрану. Глажу щечки малыша. Хочу взять на руки. Между нами толстое стекло. Бью кулаками по экрану телевизора. Я должна вернуть своего ребенка. Ребенок не должен оставаться у того мальчишки. Он еще слишком юн, он не сможет правильно ухаживать за младенцем. Он не будет просыпаться по ночам, когда у сынишки будут резаться зубки. «Отдай мне его! Отдай...» — шепчу я. Мальчишка не слышит. Отходит от камеры, счастливо улыбаясь. Направляется к двери. Черт, он уходит! О боже, кто-нибудь, задержите

его! Сильнее бью по экрану. Рыдаю. Мальчишка тем временем скрывается за дверью. Всё. Комната пуста. Наконец-то экран покрывается трещинами. Вспышка. Искры. Телевизор отключается. Я задыхаюсь. Из меня все еще течет кровь. Почему Аллах наказывает меня такой мучительно-долгой смертью?...

* * *

...Воняет лекарствами. С трудом раскрываю глаза. Белый потолок без люстры. Ноющая боль внизу живота. Силы иссякли. Где я нахожусь? Осторожно двигаю головой. Стараюсь рассмотреть окружающую обстановку. Большое закрытое окно. Сквозь жалюзи пробивается солнечный свет. В комнате все белое. Других цветов нет. Даже ручка двери светлая. Рядом с моей кроватью стоит табурет, на нем сидит ухоженная девушка. Блондинка в сиреневом платье. Она читает книгу. «Орландо» Вирджинии Вулф. Сосредоточена на романе и не заметила моего пробуждения. Внезапно тишину в комнате разрезает заливи́стая мелодия. Звонит чей-то мобильник. Уж точно не мой. А вообще есть ли он у меня? Блондинка откладывает книгу. Я закрываю глаза. Она отвечает на звонок на турецком. Значит, я нахожусь в Турции. Надеюсь, любимому городу вернули прежний облик. Или может, руины мне приснились? Пусть реальность окажется сном... *«Нет, мама... Перестань во всем винить меня... Нет, я ее не прятала... И ключи не давала... Мам, прекрати... Надоели твои упреки... Кроме себя никого не любишь... Я тебе всем обязана? Нет уж. Вот здесь поосторожнее... Знаешь, в нем твоя проблема? Ты не можешь жить своей жизнью... И хватит все решать за Озана...»* В ярости захлопывает крышку сотового. Книга падает на пол. Несколько минут молчит. Потом, судя по звукам, достает пачку сигарет. Чиркает зажигалкой. Резко встает и выходит из комнаты. Видимо, здесь запрещено курить. Значит, я в больнице. По какой причине? Кто эта девушка? Кто-то стер мою память. Кто-то нажал на кнопку erase all, [119] чтобы я забыла обо всем. Голова совершенно пуста. Открываю глаза. Напрягаюсь. Я должна вспомнить хоть что-нибудь из своей жизни. Уверена в одном: я приехала в Стамбул из какой-то дальней

страны. И еще помню забавные пинетки на ногах кого-то ребенка. Всё. В настоящем сохранились два кусочка от ткани прошлого...

Блондинка возвращается не одна. Слышу мужской голос: «В принципе состояние удовлетворительное. Здесь больше психологические травмы, нежели физические. Сейчас она выходит из комы. Не знаю, в каком состоянии она проснется. Будем ждать...» Девушка просит врача соблюдать анонимность. «Не волнуйтесь. Вы же знаете, как руководство нашей клиники относится к вам и к вашей семье». Врач выходит. Спустя несколько минут уходит блондинка. Я остаюсь одна. Не могу уснуть. Я все обязательно вспомню...

...Я жива. Мой ребенок умер во мне. От ударов чужих рук, ног. Крошечное сердечко остановилось там же, где забилося впервые. Я хотела умереть вместе с ним. Передумала на краю пропасти, осознала бессмысленность поступка. Ведь мой сыночек попал в рай. Туда, куда меня не пустят. Я-то когда-нибудь окажусь в аду...

...Я жива. Чтобы осознать смысл жизни, нужно столкнуться со смертью лицом к лицу. Столкнуться и воротиться обратно. Я узнала смерть, вернулась к жизни и поняла, что жизнь не обладает смыслом. Жизнь — как длинное бесконечное шоссе. Цели придумывают люди. Нужно же им чем-то объяснить свое существование. Хотя тут и объяснять нечего: нужно просто жить. Идти по тому самому шоссе мимо целей, смыслов, постижений. Все банально. Люди привыкли усложнять...

...Я жива. У меня нет желания мстить, надежды и веры. Нет желания искать справедливости. Так комфортнее. Без веры. Без боли. Без радости, грусти. Я не верю в людей. Разочаровалась без побочного эффекта — ненависти... Меня спасло от смерти порождение того же человека, который заказал нашу смерть — мою и сына, Польшей примчалась сразу после звонка консьержа, обнаружившего меня недалеко от ортакёевского дома. Она подобрала меня — избитую, окровавленную, с мертвым ребенком внутри — и отвезла в больницу. Все оплатила, выходила, поставила на ноги. Разрешила пожить в своем маленьком домике в Диярбакыре.^[120] О нем не знает никто, кроме Гюльшен. Здесь она изредка отдыхает от ритма мегаполиса... Когда мы беседовали в последний раз, я сказала ей «спасибо», а она промолчала. Попрощалась, повесив трубку. Как-то в больнице Гюльшен призналась, что ей стыдно за мать, брата, отца: «Я всегда была гадким утенком в семье. А сейчас, поверь мне, горжусь этим»...

...Я жива. Об Озане не вспоминаю. Любовь умерла вместе с *моим* ребенком. Гюльшен тоже о брате не заговаривает, лишь однажды обмолвилась, что он уехал на учебу в Европу. Как выяснилось, никто его не заставлял. Он улетел в тот вечер, когда Алексу избивали три

парня, подсланные Бенал. Им не нужна была моя смерть. Им нужна была смерть моего ребенка...

...Я жива. Нет планов, замыслов, стремлений. Живу в уютном каменном домике без телефона. У меня маленький огород: выращиваю баклажаны, виноград, помидоры, арбузы. Завела кошку. Точнее, она сама пришла — развалилась у порога, заснула. Я назвала ее Мясам. Кстати, она прекрасно поладила с Хаяль. Теперь нас трое... Повезло мне и с соседкой — пожилая вдова Сузан-абла, живущая в соседнем домике, научила меня жить в деревне. Сажать, выращивать, консервировать. Вечера мы проводим вместе. Завариваем чай, открываем баночку арбузного варенья, курим крепкий табак. Я о себе ничего не рассказываю. Она ничего не спрашивает. Разговоры исключительно о настоящем...

...Я жива. Полтора месяца назад устроилась на работу в местное почтовое отделение. Благодаря Сузан-абле. Она договорилась со знакомой-начальницей, чтобы та взяла меня без оформления документов. У меня легкая работа — разношу письма. Платят мало, но на оплату коммунальных услуг и немного на еду хватает. Каждый день, исключая выходные, в 8 утра я иду за корреспонденцией. Приношу людям хорошие или плохие вести. До обеда завершаю раздачу. Сама никаких вестей не жду...

...Я жива. Не скучаю по Стамбулу, хотя по-прежнему его люблю. Больше всего тоскую по Босфору. Иногда слышу крики босфорских чаек, это никак не объяснить. Наверное, между мной и Босфором сохранилась волшебная связь... Я не вернусь в город контрастов. Слишком много воспоминаний, А если вдруг и вернусь, то просто-напросто не смогу сориентироваться. Хотя прошло всего пять месяцев после моего отъезда, я уже не помню ни улиц, ни районов Стамбула. Может, заставила себя забыть?...

...Я жива. Отпустила прошлое и не заметила как. Защитная реакция психики? Если бы не отпустила, то погибла бы под его обломками. Теперь во мне пустота. Чувства высохли, эмоции раскрошились, обиды потрескались. Ничего не чувствую. Из-за внутренней пустоты мне постоянно холодно, руки мерзнут даже в теплую погоду.

...Я жива. Но перестала видеть сны. Они ушли вместе с прошлым. Мои сны сейчас — это реальность. Чтобы увидеть сон, не

нужно засыпать, стоит оглядеться вокруг... Скучаю по снам, хочу увидеть в них сыночка, услышать биение маленького сердечка. Аллах бережет. Знает, что если во сне увижу своего малыша, то не захочу просыпаться...

...Я жива. Дописываю последнюю страницу Дневника. Вернулась к нему два дня назад. Решила поставить окончательную точку. Предыдущие две записи сделала со слезами на глазах. Хотела вспомнить пережитое в больнице. Вспомнить, чтобы отпустить. Отпускаю... Завтра утром отправлю Дневник Другу, в Стамбул. Подарю ему все, я же обещала. Может, когда-нибудь из моих записей он сделает книгу. Только к Другу у меня одна просьба. Если эта книга будет, то пусть она закончится следующими словами:

«Все вышеизложенное является вымыслом. Любые совпадения случайны».

ОТ АВТОРА

Эта книга стала для меня сродни затяжной болезни. Сложно было проживать ее строки как реальные события. С каждой главой я все больше уважал Сашу, восхищался ее волей, силой... Мне посчастливилось знать ее в жизни. Ближе к концу своего дневника она рассказывает обо мне. Надо признаться, я планировал сократить эти эпизоды: слишком уж положительным выгляжу в ее описаниях. Детское смущение овладевало мной всякий раз при чтении «наших» глав. И все-таки решил оставить их: пусть все будет так, как было на самом деле... Мы много общались с Сашей, меня иногда поражали ее мысли. Я старался больше запомнить и часто, по возвращении домой, записывал сказанное. Этими записками взял на себя смелость дополнить текст: мне кажется, это делает Сашу еще искреннее и естественнее...

Что касается самой работы над книгой, то она, как я уже говорил, протекала тяжело. Одно дело выдумать героиню и по своей воле решить ее судьбу. Другое дело писать о реальном человеке — друге, судьбу которого считаешь несправедливой. И изменить что-либо ты не в силах... Часть Сашиного дневника была написана на турецком языке — многие записи перевел или переписал заново. Некоторые фразы сохранил на турецком. К примеру, эсэмэски Озана...

Сегодня, когда книга завершена, хочу выразить благодарность, прежде всего, моей маме Сарие. Она поддерживала меня, не позволяла падать духом и выслушивала мои бесконечные сомнения. И еще я признателен моим издателям: благодаря им смог сделать немного больше того, на что был способен.

...До сих пор ищу Сашу. Пару раз ездил в Диярбакыр, без успеха. Скорее всего, она поменяла имя. Я пытался связаться с Польшей, но она отказывается со мной говорить. Надеюсь, что эта книга когда-нибудь попадет в руки Саши и она снова появится, как раньше, на ортакеевской набережной. И мы будем гулять с Айдой, лакомиться пишмание, пить чай из термоса... А пока, Саш, выполняю твою просьбу:

«Все вышеизложенное является вымыслом. Любые совпадения случайны».

---

notes

Примечания

1

Отвяжись (тур.). (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Мужчин (тур.).

3

Потрясающе было (тур.).

4

Полицейские (тур.).

5

Взятка (тур.).

6

Рекламный тур (тур.).

7

Мучительный вечер (тур.).

8

Турецкое блюдо из баклажанов.

9

Секс-бомбой (тур.).

От арабского «Господи, прости!», здесь — «Боже упаси!» (тур.).

Район Стамбула.

Один из символов Стамбула, историческая башня в европейской части в районе Галата.

«Фенербахче» и «Галатасарай» — ведущие футбольные клубы Турции.

14

Улица Независимости в центре Стамбула.

Сеть магазинов Стамбула.

Pinar — турецкая марка молочных продуктов.

Ülker — известная продуктовая марка Турции.

Efes — турецкое пиво.

Dimes — марка турецких натуральных соков.

«Ах ты, шлюха русская... Еще раз посмеешь позвать к себе моего Октя, уничтожу тебя. Буду следить за тобой. Не забывай сказанного мною» (тур.).

«Мальчики, проучите как следует эту падшую женщину. Поспешите. Все равно ей гореть в аду. Да проклянет ее Аллах!» (тур.).

«Сестрица», «тетушка» при обращении (тур.).

Очистить наш мусульманский город от русских грешниц (тур.).

Королевой (тур.).

Тюръме (тур.).

Hürriyet — турецкая ежедневная газета.

Kadın ve Çocuk — колония для женщин и детей в стамбульском районе Бакыркёй.

Laleli — центральный район Стамбула, где чаще можно встретить русских.

Старый квартал на северном берегу Золотого Рога.

Центральный район Стамбула.

31

Священный месяц мусульман.

Девушка (грузин.).

Рыба без костей (тур.).

«Страница Пако» — рубрика о домашних питомцах в турецкой газете «Хуррийет».

Hayal — мечта (тур.).

Черепахи (тур.).

Сеть продуктовых магазинов в Стамбуле.

Добро пожаловать! (тур.).

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного... Дочь Лидии Александра...» (араб. /тур.).

«Heeeer!» (туп.).

«Не сниммаай» (тур.).

«Лижі, милая, лижі...» (тур.).

«С удовольствием!» (тур.).

«Это зачем?» (тур.).

«Прости, детка... Пошутила» (тур.).

46

Марка недорогой молодежной одежды.

Знаменитый мужской журнал.

Турецкая поп-звезда.

«Не загружай голову такими глупостями. Это всего лишь бумажки. Для нашей семьи — сущие гроши. Мама в «Акмеркезе» тратит в десятки раз больше» (тур.) «Акмеркез» — крупнейший торговый центр.

«Почему всегда думаю о тебе? Почему не могу насытиться тобой? Алекса, тело мое сидит дома, но душа рядом с тобой. Не могу не думать о тебе. А ты?» (тур.).

«Я ищу тебя глазами. Я хочу уловить в воздухе аромат твоего тела. Я ищу глазами твои глаза... Почему дни без тебя кажутся потухшими? Неужели я влюбился?» (тур.).

«С кем ты сейчас? Кому даришь себя? Кого целуешь? Ревную. В самом деле. Вынужден держать ревность в себе. Я не имею прав на тебя. Ты не моя. Ты — всех. Извини» (тур.).

Приятного аппетита! (тур.).

«Чаще смотри в мои глаза. В них ты сможешь найти то, что хочешь получить от меня... Береги себя. Увидимся. Твоя А. Кстати, не забудь стереть это сообщение» (тур.).

Турецкое название Малой Азии, области в Центральной Анатолии.

Центральный квартал Стамбула.

Сумак — красновато-бордовая приправа с кисловатым вкусом, изготавливаемая из плодов дикорастущего кустарника.

«Ты специально мучаешь меня? Мои страдания тебе приятны? Видел это позорное видео с твоим участием... Ты этим гордишься? Алекса, ты сама же позоришь себя. Ты мне противна» (тур.).

«Почему ты не отвечаешь? Объясни мне, почему ты так поступила? Почему заставила увидеть это? Я никогда не стеснялся тебя. Я любил тебя душой, а только потом телом... Извини, не имею права от тебя чего-то требовать. Даже ответов на мои сообщения. Ты — не моя. Сегодня это понял» (тур.).

«Почему не могу отказаться от тебя? Почему не могу забыть?»
(тур.).

«Нам всегда трудно забыть то, что мы хотим забыть... Пойми меня... любимый» (тур.).

Ведущий сотовый оператор Турции.

Историю любви (тур.).

«Подними голову. Посмотри вперед... Я здесь» (тур.).

«Люблю тебя больше всех на свете. Мне не важно, кому ты принадлежишь. Я готов отвоевать тебя у любого... Целую» (тур.).

«Ты — мое солнце... Ни один человек не выживет без солнца...
Особенно если человек влюблен в это солнце... Ты совсем рядом»
(тур.).

«Обернись. Я хочу увидеть солнце...» (тур.).

«Я люблю тебя, Озан!» (тур.).

Торгово-развлекательный комплекс в Стамбуле.

Турецкий десерт из тончайшей вермишели.

Сеть популярных закусовых.

Район в европейской части Стамбула.

Апельсиновый сок (тур.).

Деньги (тур.).

75

Один из центральных стамбульских районов.

«Республика» (тур.).

«Наташа, я хочу тебя!» (тур.).

«Эта девушка чиста, в ней нет ничего плохого» (тур.).

Знаменитая Голубая мечеть, единственная мечеть в Турции с шестью минаретами. Построена в 1617 году.

«Стамбульская девушка», книга классика азербайджанской литературы Курбана Сайда.

Чужая (тур.).

Поп-звезда турецкой эстрады.

«Не спрашивай» (тур.).

«Опомнись!» (тур.).

Маленькая площадь в центре Ортакёя.

«Часы» Майкла Каннингема, американского писателя.

«Звонит Озан...» (тур.).

«Ну же, Алекса, вперед. Не бойся» (тур.).

Доброе утро! (тур.).

«Унесенные ветром», «Джентльмены предпочитают блондинок», «Смешная девчонка», «Римские каникулы», «Филин и Кошечка» (англ.).

Сезен Аксу (легендарная турецкая певица), Уитни Хьюстон, Нилюфер (турецкая звезда), Зульфия Ханбабаева (заслуженная артистка Азербайджана).

Boğaziçi Köprüsü — Босфорский подвесной мост (тур.).

«Вызываемый абонент не может ответить на ваш звонок.
Пожалуйста, перезвоните позже» (тур.)

«Не удержишь то, что должно уйти. Оно все равно уйдет... Сколько б ты не плакал... Не переживай... В этом нет ничего плохого...» (тур.).

Турецкая разменная монета.

«Крытый рынок» — центральный рынок Стамбула.

«Будет горячо. Разноцветные бикини, супер-секси-туники...»
(тур.).

«Дженнифер Лопез. Любовь ее одомашнила» (тур.).

«Дети — наше будущее...» (тур.).

«Мы матери» (тур.).

«Все неизвестное о проблемах грудного вскармливания...» (тур.).

«Одна стамбульская сказка» (тур.).

Турецкий чайный стакан в форме тюльпана.

Хлеба (тур.).

Аптеку (тур.).

Ханым — уважительное обращение к женщине на Востоке.

Ежедневная газета.

«Город души» (тур.).

«Вода! Вода!» (тур.).

Популярная турецкая певица.

Временная разница между Турцией и Азербайджаном 2 часа.

Турецкий десерт наподобие сладкой ваты.

«Скрытый номер» (тур.).

Я слушаю (тур.).

Мобильный оператор.

«Ты сделала свой выбор, шлюха» (тур.).

Дворец, построенный в середине XIX века на берегу Босфора.

«Мой прелестный малыш» (тур.).

Стереть все (англ.).

Городок на юго-востоке Турции.